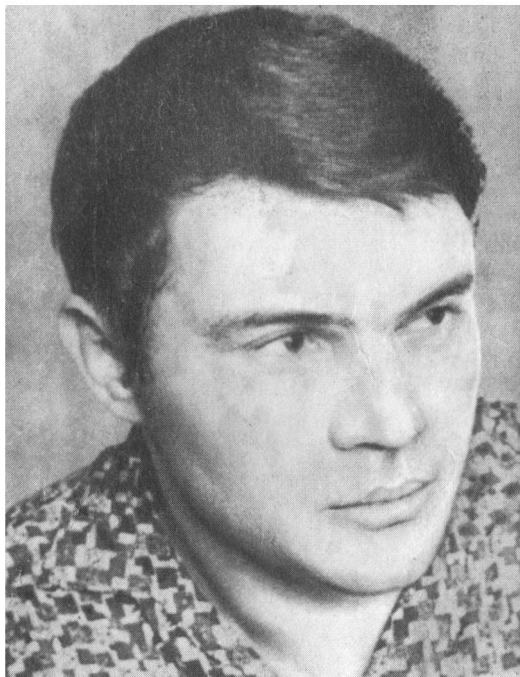

Библиотека советской фантастики

ВЯЧЕСЛАВ НАЗАРОВ

ЗЕЛЕННЫЕ ДВЕРИ ЗЕМЛИ

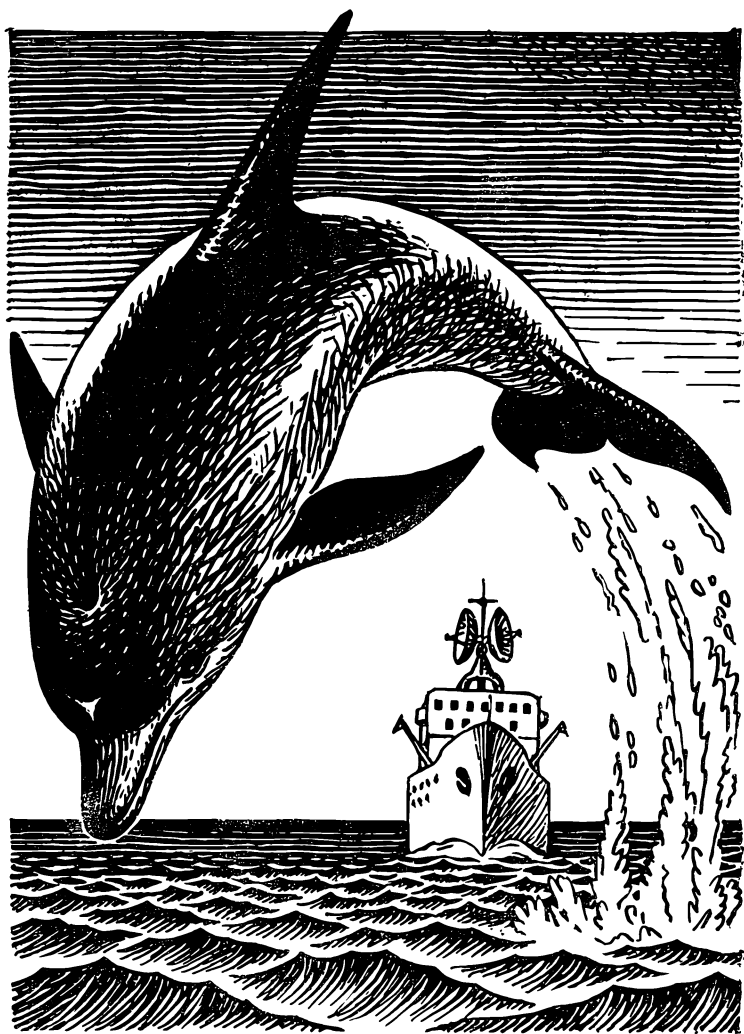

Свой творческий путь Вячеслав Алексеевич Назаров начинал как поэт. Он автор нескольких поэтических сборников: «Сирень под солнцем», «Соната», «Формула радости». Его стихи публиковались в сборниках, выходивших в Москве, Иркутске, Кемерове, и получили широкую известность и признание, удостоены премии Красноярского комсомола.

В 1972 году вышла первая прозаическая книга писателя «Вечные паруса», в которую вошло несколько фантастических повестей.

БИБЛИОТЕКА
СОВЕТСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

Библиотека советской фантастики

ВЯЧЕСЛАВ НАЗАРОВ

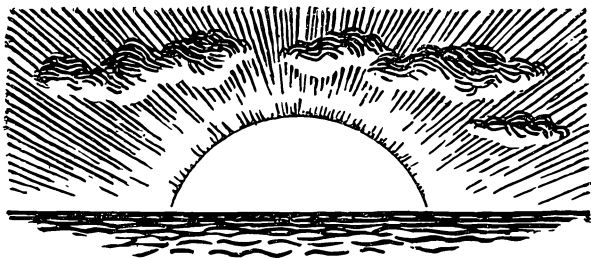
**ЗЕЛЕННЫЕ ДВЕРИ
ЗЕМЛИ
•
СИЛАЙСКОЕ
ЯБЛОКО**

**МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1978**

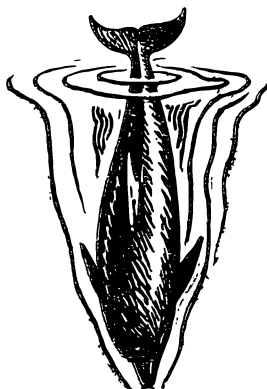
P2
H19

H $\frac{70302--065}{078(02)--78} 263—77$

© Издательство «Молодая гвардия», 1978 г.

ЗЕЛЕННЫЕ ДВЕРИ ЗЕМЛИ

1. БЕРЕГ

В зеркале подрагивала бледно-желтая лента дороги, стремительно несущаяся назад, плотная самшитовая изгородь по обе стороны, а за ней темные шпалеры островерхих кипарисов. Дорога в этот час была пустынна, и казалось, что машина летит не по центру огромного курортного города, а по дикому субтропическому лесу, который каким-то чудом пересекала широкая пластиковая тропа.

За деревьями блеснул шпиль морского вокзала. Причалом владела шумная толпа.

Когда-то, в середине двадцатого века, этот город чуть не превратили в гигантскую оранжерею. Обсуждали даже проект огромного пластикового купола, который предохранил бы чуткие субтропики от ветров соседнего умеренного пояса. Уже вздыбились над поникшими кипарисами прямоугольные хребты высотных гостиниц, уже выстроились пальмы в унылый солдатский строй вдоль однообразных раскаленных улиц, вокруг сиротливых постриженных и побритых скверов.

К счастью, от строительства купола отказались. Вспучились под яростным напором трав разграфленные асфальтовые дорожки и рассыпались в прах. Утонули в буйном цветении похожие на утюги здания санаториев. И старый город, пахнувший нагретой на солнце галькой, рыбой, морем, остался прежним — диковатым и гостеприимным.

И вот сегодня весь город хлынул ранним утром на причал, оттеснив и растворив в себе репортеров. Невозможно было понять, кто отплывает, кто провожает, кто,

узнав о предстоящей экспедиции, просто пришел посмотреть, послушать, потолкаться в прощальной суете.

Это было похоже на огромный веселый праздник под бледным, продрогшим за ночь небом, которое уже начало золотиться с востока, со стороны старого, давно заброшенного маяка. Два чопорных англичанина в белых бедуинских накидках пытались приподнять друг друга, чтобы по очереди оглядеться. Рослый седой негр по-мальчишески подпрыгивал, опираясь на плечи рыжего скандинава. Молоденький репортер, потерявший всякую надежду пробиться сквозь толпу, обреченно опустил в землю объективы своей камеры и плачущим голосом повторял: «Пресса, пресса». Пружинные антенны на его шлеме качались, словно кисточки.

— Товарищи, пропустите же, я опаздываю!

Внушительный чемодан Нины действовал безотказнее любого пропуска — люди сразу догадывались, что это один из членов экспедиции. Опечаленный репортер оживился и застрекотал камерой, а несколько «добровольцев» начали расчищать дорогу, пробуя перекричать толпу на восьми языках. Но толпа была бесконечна, и Нину засосала, закрутила гудящая рупор-воронка, ей стало казаться, что вообще не существует ни моря, ни пирса, ни белого борта «Дельфина», а только спины и лица, спины и лица, и этот ровный, закладывающий уши гул. И трудно сказать, чем бы все кончилось, если бы рядом каким-то чудом не оказался сам профессор Панфилов.

— Ну, где же вы, Ниночка... Уисс волнуется. Я тоже. Уисс не выносит всего этого шума. Я, кстати, тоже... — И он подхватил чемоданы.

Профессора узнали. Панфилова вся планета ласково называла «Пан». Действительно, этот сухонький, деликатно торопливый, ослепительно синеглазый старичок очень походил на доброго славянского Духа Природы — покровителя всего живого.

Сколько ему лет? Иногда он отвечает — сто. Иногда — двести. И почему-то всегда хочется верить, что он бессмертный.

Строительство энергопровода Венера—Земля началось за два года до рождения Нины. Долго и придирчиво искали место для будущей приемной станции. И нашли. Очень хорошее место. Удобное. Практичное. Оно удовлетворяло всех — геофизиков, авиаторов, строителей, экономистов. Всех, кроме Пана. Потому что гигантская стройка должна была растоптать какой-то хилый лесной массив и замутировать какие-то безвестные речки. И Пан восстал. Против всех.

Самый большой электронный мозг Земли подтвердил целесообразность старого выбора. Но Пан тихо и смущенно настаивал на своем...

Нина узнала эту историю в четвертом классе. Из учебника. Энергопровод Венера—Земля работал. Он был виден из окна интерната даже днем. Нина смотрела на уходящий в небо зеленовато-голубой шнур и думала о человеке, который сумел переубедить всех и перенести великое строительство за тысячи километров. Она дышала пряным, бодрящим воздухом, плывущим в распахнутое окно, — природа щедро отплатила людям и Пану за добро и заботу... И кривые графиков казались Нине побегами прорастающей травы...

Они беспрепятственно преодолели последние десятки метров, и уже в подъемном лифте Нина, отдышавшись, сказала:

— Ой, Иван Сергеевич, посмотрите! Юрка! Мой Юрка. Я же оставила его дома! Ну, погоди же... Вот вернусь, я тебе задам!

Юрка был далеко, он не слышал, он только беззаботно смеялся и победно махал рукой.

— Не волнуйтесь, Нина. Юра уже вполне самостоя-

тельный молодой человек. Приехал провожать свою знаменитую маму.

— Но он же потеряется!

— Не думаю. Ему уже десять лет, если не ошибаюсь, и он не в марсианской пустыне. Ему пора самостоятельно изучать мир...

* * *

А Юрка читал мальчишкам лекцию. Его голос не мог побороть монотонный гул толпы, и добровольные переводчики повторяли Юркины слова тем, кто не слышал или плохо понимал по-русски:

— Вот эта высокая женщина рядом со старичком— его мама. Она ассистентка профессора Панфилова.

— А кто такой Уисс?

— Уисс — это дельфин, который поведет корабль. Он очень умный. Может, он у дельфинов тоже профессор.

Взрослые, заинтересованные ребячьей болтовней, придвигались поближе.

— Смотри, мальчик, твоя мама снова вышла на палубу...

— Значит, сейчас выпустят Уисса.

Толпа охнула. В корпусе корабля, стоявшего у стены, открылся люк. Прошла томительная секунда. Из черного провала мощным броском вылетела трехметровая торпеда и ушла под воду без единого всплеска.

Мгновенная тишина сковала причал. Слышно было, как лениво шевелится волна. Прошла секунда, две, пять...

— Ушел, — выдохнул кто-то, и этот полувздых-полушепот пронесся по всей площади из конца в конец.

— Уисс! — изо всех сил закричал Юрка. На глаза навернулись слезы.

Словно услышав свое имя, Уисс вынырнул у самой

причальной стенки, свечой взмыл в воздух метра на два, сделал кульбит и ушел в воду — на этот раз неглубоко. Он кружил рядом с кораблем, то уходя, то возвращаясь, словно приглашал за собой в налившуюся густой синью морскую даль...

Нина перевела дыхание. Уисс не ушел. Уисс послушался. Уисс зовет к себе в гости.

Прогремели трапы, прозвучали последние гудки, причал с пестрой толпой поплыл мимо.

Юрка стоял по-прежнему на парапете и махал ей рукой.

Она погрозила ему пальцем как можно более строго, но не выдержала, всхлипнула, улыбнулась и опустила руку.

Толпа кипела, в небо летели шары, от которых шарахались чайки, а она долго-долго видела за кормой только синюю куртку сына и опущенную русую голову...

* * *

— Уот из ю нэйм?

— Что? — Юрка поднял глаза и шмыгнул носом.

— Уот из ю нэйм?

Перед ним стоял мальчишка такой же длинный и тощий, в такой же синей куртке и с такими же белобрысыми вихрами. Только нос был смешно вздернут, а на загорелой физиономии выступала целая россыпь непобедимых веснушек. Мальчишка смотрел открыто и сочувственно.

— Юрка.

— Юр-ка... Ит из гуд нэйм — Юрка! Энд май нэйм из Джеймс. Джеймс Кларк.

— Юрий Савин, — официально представился Юрка и протянул руку.

Веснушчатый англичанин разразился целой речью, и Юрка покраснел.

— Ай спик инглиш вери литл...

Мальчишка попробовал объясниться по-русски:

— Я знайт... два дельфин... играть... недалеко море... не бояться... биг энд литл... бэби. Смотреть?

— Пойдем, — решительно сказал Юрка. — Пойдем посмотрим, где играют большой и маленький дельфины, ты это хотел сказать, Джеймс?

— Иес, иес, — закивал англичанин. — Юрка!

Они засмеялись оба и, взявшись за руки, соскочили с парапета на влажный пластик пирса.

* * *

Нина с наслаждением, полузакрыв глаза, подставила лицо свежему утреннему бризу. Прохладный ветер скользнул по щеке, растрепал прическу.

Прямая линия берега постепенно изгибалась в дугу, горы, горбатые и мощные, улеглись поудобнее и застыли у самой воды. Пробежали серебряными жуками вагончики фуникулеров и, уменьшаясь, исчезли.

Теперь только малахитовые потоки лихорадочно спутанных, ошалевших от солнца и соленого ветра растений тяжело падали с желтых скал на матовое стекло моря.

Нине почудилось движение в плавных линиях береговых скал. Лишь на мгновение, но движение. Какая-то напряженная мука чудовищно медленного перемещения, которое рассеянному глазу туриста кажется неподвижностью.

Берега ползли в море.

Жизнь возвращалась в море — медленно и неодолимо...

Когда в полутемной комнате мелькнет полумолния фотовспышки, глаза на долю секунды видят не тени вс-

щей, а их истинный объем и расположение в пространстве. Это продолжается только долю секунды, но цепкая память навсегда отпечатывает в подсознании картинку увиденного, и ты много времени спустя, сам себе удивляясь, в полной темноте безошибочно находишь дорогу...

Так было и сейчас. Нина широко открыла глаза, и все стало обычным — просто берег, уже тронутый сверху оранжевым, отступал к горизонту, а высоко в небе синеватые облачка пара вдруг начали быстро расплываться, разбрасывая по сторонам мгновенные радуги...

Но тревожная льдинка под сердцем не таяла.

Порыв ветра — и столб яркого света, отраженного белой мачтой, возник, исчез, возник снова и запылал в полную силу.

Нина оглянулась. Из горящего зеленого моря вставало большое прохладное, плоское солнце, и бушприт «Дельфина» был нацелен в него, как стрела в мишень.

А в нескольких сотнях метров, на желтой тропинке между кораблем и солнцем, мелькал в холодном огне острый плавник.

Уисс вел корабль за собой.

2. РАЗВЕДЧИК

Несколько часов между закатом и рассветом Уисс отдыхал. Отдых нужен был не столько ему, сколько существам, которые храбро плыли за ним в железной скорлупе большого кора.

Зумы...

Уисс лежал без сна, покачиваясь на волнах, и перебирал дневные впечатления, пытаясь построить четкий, логический узор. Это удавалось нечасто.

Иногда, после очередной трансляции в коралловые гроты Всеобщей Памяти, он говорил с Бессмертными.

Бессмертные задавали недоверчивые вопросы или вообще отмалчивались. Только Сусип понимал Уисса. Грустные лиловые тона его речи успокаивали и ободряли, а мятежные знания Третьего Круга помогали находить выход из неожиданных тупиков.

Но даже Сусип не мог понять всего. Потому что он был далеко. Есть нечто, чего не передать по живому руслу Внутренней Дуги...

Тонкий голубой звук пронзил тишину, ударил в гулкий панцирь ионосферы и рассыпался на сотни маленьких магнитных смерчей. Ионосфера помутнела с востока, в ее невидимой до сих пор толще закипели белые водовороты.

Короткая магнитная буря неслышно пролетела над морем, дрожью тронула кожу.

Серебряная радиозаря разгоралась. Первые всплески солнечного дыхания коснулись ночного неба, приглушили монотонные всхлипы умирающих нейтринных звезд, отдаленный рев квазаров и быстрый неуверенный пульс новорожденных галактик. Тончайшая паутина изменчивого свечения, сотканная из миллионов вспыхивающих и затухающих радиовихрей, плотно обволакивала все: огромное белое небо, белое море и даже полупрозрачный дымчато-молочный воздух — все сверкало и словно пело торжественно:

Тебе дано законом Братства
бессменно жить,
и умирать, и возрождаться,
и плыть, и плыть...

Но видел и слышал это только Уисс.

Исполинская и прекрасная игра и космическая вакханалия радиорассвета не существовала, не существует и не будет существовать для зумов, которые спят сейчас в своей железной колыбели.

Усилием воли, с некоторых пор уже привычным,

Уисс отключил все рецепторы, кроме светового зрения и инфраслуха. Сейчас он воспринимал окружающее почти как зум.

Мир погас. Темнота и тишина, нарушаемые лишь ворчливым шепотом волн, обступили дэлона. Даже звезд не стало видно — их закрывала непроницаемая пелена туч.

Чувство одиночества, затерянности сжало сердце Уисса.

Сусип прав. Двухлетнее общение с зумами, «вживание» в их психику и опыт изменили в чем-то самого Уисса. Он старался «видеть» и «думать» как зум, без этого сама идея эксперимента бессмысленна. И теперь у него получается. «Слишком хорошо получается» — так показал Сусип, и в спектре его была тревога.

Кажется, бессмертные стали сомневаться в его душевном здоровье... Нет, он здоров. Его не тянет к скалам, морской простор по-прежнему пьянит и властвует над ним...

Уисс припомнил, как после добровольного «плена» в акватории зумов он почуял вдруг запах вольной воды...

* * *

Когда в специальном контейнере зумы привезли его на свой кор, он очень волновался. Не за свою безопасность, нет — он боялся, что зумы не поймут, не пойдут за ним, передумают.

Но когда с лязгом раскрылся люк и в открытый проем ударила волна, пропахшая йодом и чем-то еще до спазм близким и неповторимым, Уисс забыл обо всем. Мускулы сжались инстинктивно, и никакая сила не могла удержать его в ту минуту в душном кубе контейнера. Его локаторы, привыкшие за два года повсюду наткаться на оградительные решетки, провалились в

пустоту, и только далеко-далеко электрическим разрядом полыхнула фиолетовая дуга горизонта.

Он опомнился через несколько секунд, но этих секунд было достаточно, чтобы кор остался далеко позади. Какая-то бешеная, слепая радость владела всем существом, каждой клеточкой и нервом — и сильное, истосковавшееся по движению тело ввинчивалось в плотную воду, оставляя за собой клокочущий водоворот. Внутренний глаз — замечательный орган, неусыпный сторож, следящий за состоянием организма, — укоризненно замигал, докладывая о недопустимой мышечной перегрузке.

Уисс немного расслабился, замедлил ток крови и, глубоко вздохнув, ушел в глубину.

Медлительные ритмы подводной стихии окутали его. Отголоски шторма, ревающего где-то в тысяче километров, слегка покалывали метеоклетки, скрытые под валиками надбровий, переливчатые вкусы близких и далеких течений щекотали язык, разноцветные рыбешки с писком шарахались во все стороны из-под самого клюва.

Все вокруг мгновенно изменилось, вспыхнуло ярчайшими невероятными красками, заструилось невесомо и бесплотно, уничтожив формы, объемы, перспективы, расстояния, размеры — все динамично вписывалось друг в друга, сливалось, оставаясь разделенным — большое и малое, далекое и близкое.

Уисс видел одновременно плоскость водной поверхности над головой и обточенную прибором разнокалиберную гальку дна, крошечный золотисто-прозрачный шарик диатомеи с изумрудной точкой хлорофилла в центре и многометровые хребты волнорезов, окаймлявших сине-зеленый бетон причальной стенки — низ и верх, север и юг, запад и восток. Световое зрение могло обмануть, солгать — песчинка у самых глаз кажется больше утеса на горизонте, — но в мире звука существова-

ли только истинные размеры и объемы, не искаженные перспективой.

Уисс немного увеличил частоту ультразвука, и лучи локатора прорвались через экран морской поверхности. Все, что было в воде, стало теперь прозрачным, то, что в воздухе, — видимым.

Причал выгнулся дугой метрах в пятистах, и пестрая толпа зумов замерла на нем неподвижно. Смутные, беспорядочно тревожные импульсы шли от толпы. Неподвижен был и железный кор, похожий на уродливого кита.

Уисс сузил поле и выделил среди зумов две знакомые фигуры на палубе. Нина и Пан застыли, подавшись вперед, и тоже излучали беспокойство.

Тревога и недоумение передались Уиссу. Что там случилось? Почему там все неподвижно, как на мертвых изображениях, которые Нина называет «фотографии»?

Зумы передумали?

Он скользнул локатором по толпе. Глаза снова выделили знакомое — маленькую фигурку сына Нины.

Юрка был напряжен и неподвижен, как и все. Рука с растопыренными пальцами поднята вверх, на глазах слезы, губы движутся медленно-медленно...

Он кричит?

Уисс поспешно перешел на инфраслух. Целая вечность прошла, пока из отчаянно медленных колебаний составилось слово:

— У-у-у-и-и-и-с-с-с!

Уисс!

И вдруг он понял. Ему стало легко и весело, и дерзкий план перестал казаться сумасбродным.

Зумы его потеряли!

Вырвавшись на свободу, Уисс, сам того не заметив, перешел на обычный жизненный ритм дэлونا. Поэтому

и толпа, и Пан, и Юрка казались ему неподвижными — он жил и действовал вчетверо быстрее. Опыренный восторгом, он забыл, что у зумов лишь одно световое зрение, и стал для них невидимым. Зумы растерялись, решив, что он бросил их.

И милый маленький зум зовет его назад...

Несколькими мощными движениями дэлон преодолел добрые четыре сотни метров, взмыл в воздух у самой причальной стенки, описав долгую полую дугу, и снова ушел в воду, теперь уже неглубоко.

И сквозь беспорядочные вспышки радости он уловил вдруг ломкую, неуверенную, но вполне связную пентаволну Нины:

— Спасибо, Уисс!

Эти задыхающиеся, неумело напряженные, похожие на пугливый шепот ламинарий, биенья биотоков развивали последние тени сомнений.

Он свистнул на все море:

— Вперед!

И железный кор послушно двинулся за ним, и солнце выплыло навстречу...

* * *

Метеоклетки чувствовали, что сегодня будет ясный день, но пока над свинцовым морем висел серый рассвет и торопливые неопрятные тучи бежали на север. Белый кор покачивался в полукилометре, бессмысленно тараща зрачки ночных позиционных огней.

Уисс просвистел призывно, но ответа не было: зумы уже спали.

Мутная мгла ненастья угнетала. Уисс переключился на инфразрение. Багровую поверхность моря пронизали миллиарды огненно-рыжих пульсирующих жилок — это перемешивались теплые и холодные слои. Растрепанные холодные тучи превратились в полупрозрачные

зеленоватые дымки, сквозь которые большим осьминогом с растопыренными щупальцами синело солнце в своей раскаленной короне...

Уисс описал дугу в багровой воде, расправляя затекшие мускулы, рывком вылетел в воздух и увидел внизу, в изогнутом зеркале воды, свое увеличенное в несколько раз отражение. В следующую секунду он бесшумно вошел в воду и плавным движением направил тело в бодрящий холодок глубины. И снова увидел свое отражение — теперь уже наверху, на рубеже воды и воздуха.

Уисса всегда волновал и будоражил этот рубеж — граница двух разных миров, таких близких и таких непохожих. Ему и пришлось идти в эту разведку к зумам.

* * *

Та памятная августовская ночь ничем не отличалась от предыдущих. Было душно, и пришлось на несколько градусов понизить температуру кожи. Теплая вода пахла железом заградительных решеток. Сгорая в атмосфере, печально шуршали бессчетные метеориты и сгустки космической пыли. Монотонный звездный дождь убаюкивал, навевал дремоту.

Дела шли плохо. Целый год «плена» добавил немного нового к наблюдениям, сделанным четыре тысячи лет назад. Зумы почти не изменились биологически, общие психические индексы остались прежними. Никаких сдвигов.

День обычно кончался игрой. В игре любое животное раскрывается полностью, и с ним легче работать. Вот и сегодня молодая зумка принесла свежей рыбы, и они минут пятнадцать возились в воде. Уисс искренне веселился, пытаясь скопировать подводные пируэты этого забавно и по-своему милого существа. Зумы, как и все сухопутные, любят воду — сказывается природ-

ный инстинкт, — но на этот раз вопреки обыкновению зумка играла неохотно и вскоре вылезла на берег.

Она сидела на влажном камне и смотрела на звезды. На коленях у нее поблескивал небольшой аппарат, которым зумы пользуются для копирования звуков.

Уисс, отключив световое зрение и локаторы, дремал, прижавшись боком к нагретому за день камню. Бессвязные отсветы дневных мелочей освобожденно и легко кружились в голове.

Что он знает об этом существе, сидящем рядом и таком бесконечно далеком? Знает его повадки и привычки, оно откликается на имя Нина, иногда даже на пента-волну, хотя почему-то пугается при этом. Но что руководит этим нескладным примитивным телом? Какая власть, какие побуждения заставляют зумов тратить время и силы на создание искусственной среды, разрушая естественную? Ощущение неполноценности? Страх перед миром? Голод?

Камешек скатился с откоса, булькнул в воду. Зумка завела свой аппарат. Из коробки поползли тягучие завыванья, с помощью которых зумы общаются.

Уисс досадливо зажал инфраслух — нудное бормотанье раздражало его.

Он уже почти спал, когда увидел МЫСЛЬ. Сначала он подумал, что это сон, потом — что рядом появился неведомый товарищ, но уже через секунду понял, что МЫСЛЬ исходит из аппарата зумки, и замер.

Это не была речь дэлونا — в ней клубились, плясали, замирали и разгорались вновь чужие краски, чужие, невятные и мятежные образы.

Дрожа всем телом, Уисс пытался понять, что говорит многотональный, многотембровый голос. Волнение мешало ему вжиться в ритм, всмотреться в невиданные, дикие сплетения и ассоциации. Но вот мелькнуло в сумбурном потоке знакомое — ослепительная синева и белые пятна в синеве.

Небо! Конечно, небо — уплощенное, искаженное непривычным ракурсом, но — небо Земли! И суша — от края до края, без единой полоски воды — гигантские каменные волны с белоснежными шапками на гребнях — застывшее на века мгновенье бури...

И снова хаос непонятного, но почему-то тревожно знакомого, словно кто-то на чужом языке пересказывает историю, которую ты давно забыл, что-то мерещится в диковинных созвучиях, мельтешит — и исчезает.

И вдруг рывком — огромная фигура зума: лохматая голова заслоняет солнце, плечи раздвигают горы, а в руках у него...

Это ярко-алые, судорожно трепещущие языки, похожие на шупальца бешеного кальмара...

Красный Глаз Гибели, страшное проклятье Третьего Круга, едва не погубившее прашуров — клубок вечно-го ужаса, от которого через много миллионов лет вздрагивают во сне далекие потомки — враг всего живого — **ОГОНЬ!**

МЫСЛЬ продолжалась, но Уисс уже не видел ее — сработали сторожевые центры Запрета, заглушив опасные видения мягкими успокаивающими колебаниями.

Каждый дэлон проходил через операцию Запрета сразу после рождения: в подсознании блокировалось все, что связано с тайнами Третьего Круга эпохи Великой Ошибки. Этого требовали благоразумие и забота о духовном единстве народов Дэла.

Только Бессмертные, несущие знаки Звезды, обречены были на звание Всего. Но чтобы уберечься от Безумия Суши, они ограждали мозг нервными центрами, мгновенно реагирующими на опасность...

МЫСЛЬ погасла. Зумка уже не сидела, а стояла. Она заметила волнение Уисса и взволновалась не меньше. Потом вдруг сорвалась с места и бросилась вверх по откосу, скользя и спотыкаясь на сырой от ночной росы гальке.

Уисс свистнул с такой яростью и силой, что по воде побежала рябь. Тонкая, бесконечно тонкая ниточка между двумя мирами — неужели ей суждено порваться?

Зумки все не было, и Уисс бешено метался по акватории, вспарывая воду спинными плавниками. Чью МЫСЛЬ он видел? Чья гордая и страстная душа соединила в себе жгучую резкость молний и томную нежность утреннего бриза? Чей исступленный разум выплеснулся в бурной исповеди?

Что несет могучий голос — надежду или угрозу?

Огромный зум — и Глаз Гибели...

Мозг Уисса кипел, и напрасно мигал предупреждающе внутренний глаз — врожденное чувство самосохранения на этот раз изменило дэлону.

А зумки все не было.

Что, если... Что, если эти странные существа, которых дэлону ставят между спрутами, строящими города на морском дне, и касатками, у которых инстинкт хищника сильнее примитивного мышления, — что, если зумы тоже... Нет, невозможно. Биологически зумы не изменились, а разве может возникнуть Разум у животных, которые предают и убивают себе подобных?

С откоса полетела галька. К Уиссу бежали двое — Нина и старый зум, откликающийся на имя Пан. Они остановились у самой воды, возбужденно размахивая верхними конечностями, и забормотали быстрее обычного. Зумка показывала то на аппарат, то на Уисса. Дэлон мучительно напрягал инфраслух, пытаясь уловить смысл бормотания:

— С-о-в-е-р-ш-е-н-н-о с-л-у-ч-а-й-н-о... В-к-л-ю-ч-и-л-а н-е т-у с-к-о-р-о-с-т-ь...

— Ч-т-о т-а-м з-а-п-и-с-а-н-о?

— С-к-р-я-б-и-н... П-о-э-м-а о-г-н-я... В-к-л-ю-ч-и-л-а н-е т-у с-к-о-р-о-с-т-ь...

Зумы бормотали и бормотали, а мысли Уисса уже

неслись по крутой траектории вокруг темного ядра загадки.

Огромная фигура, закрывшая солнце, и Глаз Гибели над головой...

Угроза?

На берегу поднялся переполох, и по воде резанул луч прожектора. Уисс раздраженно метнулся в сторону и сильным броском ушел в темноту, к самому ограждению, где глухо дышало море.

Если это угроза, то не от самих зумов. Агрессивность зумов не идет дальше самоистребления — об этом говорят память тысячелетий и собственный опыт.

Но они могут быть орудием чужой воли, и тогда гипертрофированная способность к подражанию, тяга к искусственному дадут отравленные всходы.

Он может скрываться там, в непроходимых и безводных дебрях суши, незванный гость межзвездных бездн, Разум, чуждый Земле и потому беспощадный — и его враждебные внушения заставляют зумов разрушать Равновесие Мира...

Разум, враждебный Разуму. Снова нелепость. Снова круг. Замкнутый круг.

Уисс чувствовал интуитивно, что кружит рядом с истиной, но что-то внутри цепко держало, направляя на ложный путь, какая-то сила в последний момент отклоняла от цели прямую стрелу мысли.

И вдруг он понял — центры Запрета. Это они, неусыпные клетки, спасая мозг от опасной перегрузки, направляют поиск по дорожкам известных формул. И загадку не раскрыть, круг не разомкнуть, пока...

— У-и-с-с!

Ниточка ведет в запретные области, и кто знает, что будет, если потревожить многомиллионный сон древних сил...

— У-и-с-с!

Его никто не обвинит в трусости. Добровольное сумасшествие равносильно самоубийству...

— У-и-с-с!

Но ведь это единственный шанс...

Когда Уисс вернулся к берегу, там суеилось около десятка зумов. Сильный голубоватый свет двух прожекторов заливал площадку над бухточкой, до самого дна пронизывая воду. Метрах в десяти от берега на поверхности покачивался большой красный буй, с которого свисал решетчатый металлический цилиндр.

Уисс уже знал его назначение — это был ультразвуковой передатчик, довольно точно имитирующий естественный сонар животных. Цилиндр доставил немало неприятных минут Уиссу: зумы с его помощью то транслировали бессмысленные отрывки чьих-то позывных, сбивая с толку, то ослепляли неожиданными импульсами, заставляя наткаться на окружающие предметы, то без всякой видимой системы и цели повторяли собственные сигналы дэлона.

Цилиндр появился некстати. Меньше всего расположен был Хранитель Пятого Луча заниматься сейчас игрой. Он ждал действий куда более значительных, чем нехитрые манипуляции с ультразвуком. Но молодая зумка, наклонившись у самой воды, без конца повторяла его имя и лопотала, лопотала что-то, и столько отчаянной просьбы было в ее лопотанье и жестах, что Уисс, недовольно фыркнув, подплыл к злополучному цилиндру.

Он едва успел переключиться со светового зрения на звуковидение, как передатчик заработал. Цилиндр превратился в багровое яйцо, потом в малиновый шар, быстро распухающий в огромную розовую сферу — пока звуковой пузырь нарастающего свиста не лопнул, брызнув искрами в черную тишину.

И вдруг через короткую паузу снова зазвучала

МЫСЛЬ. Теперь она исходила из цилиндра, свободная от искажений и помех. Многократно усиленная, она лилась громко и свободно — и все-таки ускользала от понимания, проносилась мимо сознания и терялась где-то за пределами памяти.

Центры Запрета работали безотказно. Как плотина во время паводка, они направляли разрушительный поток чуждых понятий и чувств мимо, мимо — в проторенное русло Забвения.

Обязанностью Хранителя Пятого Луча была разведка. И не больше.

Но Уисс сделал то, на что до сих пор не решался ни один дэлон.

Он отрезал себя от внешнего мира, убрав воспринимающие рецепторы. Сосредоточившись, представил себе свой мозг. Поплыли перед внутренним глазом сложнейшие переплетения нервных волокон, лучистые кратеры нервных центров, миллиарды пульсирующих и мерцающих нейронов, собранных в причудливую вязь бугорков и извилин.

Он скоро нашел то, что искал, — небольшой серовато-белый бугорок мозга у затылка, отороченный неровным пунктиром пурпурно-лиловых звездочек. Это и были центры Запрета.

Уисс мысленно соединил звездочки одну за другой извилистой сплошной линией, трижды опоясавшей подножие бугорка.

Звездочки продолжали мигать.

И тогда, собравшись с духом, Уисс пустил по воображаемой линии сильнейший разряд.

Он услышал свой собственный вопль, уносящийся в пространство, и ощутил, как горячая судорожная боль тысячами молний ударила из мозга по всему телу, корежа и ломая суставы, растягивая сухожилия и мышцы.

Он задыхался, и не было сил перевести дыхание.

3. ЗАПРЕТНЫЕ СНЫ

Он все-таки перевел дыхание. Сеть кровеносных сосудов, ветвясь и истончаясь, разнесла живительный кислород во все уголки организма. Судорога медленно отпускала тело. Скрюченные мышцы расслаблялись и оживали. Боль уходила.

Уисс сжег центры Запрета.

Вначале он ничего особенного не ощутил. Но когда ушла боль, откуда-то снизу подступила фиолетово-черная бесконечность, растворила его в себе. Она жила вовне и внутри, и это длилось мгновенно и вечно, потому что не было ни пространства, ни времени.

Уисс впервые в жизни почувствовал страх. Не то подсознательное предчувствие опасности, которое побуждает к действию, а первородный леденящий ужас, лишаящий силы и воли, — страх бытия.

Вот оно, наследство прашуров — Безумие Суши, — оно спит в каждом дэлоне за тройной оградой пурпурно-лиловых звезд и, случайно разбуженное, заставляет выбрасываться на скалы...

Но разве за этим Уисс переступил Запрет?

Неторопливо, исподволь, опасаясь шока, Уисс возвращал чувствительность органам. Он выходил в окружающий мир прежним и перерожденным одновременно. Его мозг был лишен защиты и равно открыт всему — обдуманному и бессмысленному, доброму и злему, явному и тайному.

И когда зрение вернулось, Уисс содрогнулся от неожиданного успеха. Вернее, он ждал успеха, но не настолько быстрого и полного.

МЫСЛЬ продолжалась. Но невидимое стекло, разделявшее прежде логику Уисса и опыт чуждых видений, исчезло. Тонкий живой нерв забытого родства — ведь предки дэлонов жили на суше! — протянулся между двумя мирами.

И свободное от Запрета сознание Уисса перелилось по нему в чужую жизнь, в чужие сны...

Уисс был маленьким зверенышем с короткой рыжей шерстью. Он затаился в густой, пряно пахнувшей листве огромного дерева, вцепившись в корявые сучья всеми четырьмя лапами. Его мучил голод и страх.

Грязно-коричневые смрадные тучи едва не задевали верхушки деревьев. Тяжелым душным покрывалом колыхались они над лесом, и дрожащий свет едва просачивался вниз. Было жарко, воздух, насыщенный испарениями и стойким запахом гнили, был неподвижен, и неокрепшие легкие, казалось, вот-вот лопнут, не выдержав судорожного ритма дыхания.

Вокруг бесновалась зелень. Тысячи тысяч растений тянулись из черной, глухо чавкающей трясины к неверному свету дня. Они протыкали, мяли, душили друг друга могучими змееподобными стеблями, и эта непрерывная, медленная и страшная борьба была почти единственным ощутимым движением вокруг.

Но неподвижность таила угрозу. Уисс каким-то сверхчутьем ощущал, что везде — вверху, вокруг, внизу — в шуршащей и скрипящей зелени, затаившись, поджидают добычу сильные и беспощадные враги. Уисс боялся пошевелиться, чтобы не выдать своего убежища.

Встрепенувшееся ухо уловило хруст. Через минуту хруст превратился в треск, а еще через минуту — в скрежет и грохот ломающихся и падающих древесных великанов. Здрожала земля. Дерево, на котором сидел Уисс, резко качнулось, но даже это не смогло заставить его покинуть зеленое гнездо. Он только крепче прижался к стволу, окончательно слившись с рыжей, лохматой от плесени корой.

Огромная, тяжело колеблющаяся гора мышц проползла рядом, оставив за собой широкий прямой коридор в джунглях. Внезапно она замерла, и над верхуш-

кой дерева закачалась приплюснутая голова, вся в тягучих потеках желто-зеленой слюны. Широкие ноздри со свистом втянули воздух, и целая туча цветочной пыли поднялась в воздух с раскрытых ядовито-синих соцветий.

Голова раздраженно дернулась и, покачавшись минут пять в нерешительности, потянулась к соседнему дереву. Оно показалось чудовищу более аппетитным, и через мгновение от него остался только расщепленный огрызок ствола.

Гора продолжала свой путь, и треск вскоре затих. Голод туманил сознание Уисса, его била мелкая дрожь. Он попробовал выковыривать из трещин коры липких, радужно переливающихся слизнячков, но студенистая масса обожгла рот. Он выплюнул слизняка и тихонько заскулил.

Наконец голод превозмог страх. Прижимаясь к стволу, неслышно проскальзывая сквозь паутину лиан, оставляя на острых колючках клочки шерсти, Уисс спустился вниз и затих, осматриваясь, приюхиваясь, прислушиваясь.

Его внимание привлек куст, осыпанный какими-то большими матово-сизыми плодами. Их резкий запах кружил голову и сводил спазмой желудок. Уисс осторожно выглянул из укрытия и, не заметив ничего подозрительного, проворно затрусил по упавшему дереву к соблазнительным плодам.

Его спасла собственная неуклюжесть — у самого куста он поскользнулся на содранной коре и едва не свалился в топь. В тот же миг у горла лязгнули страшные челюсти и длинное тело пронеслось над ним, едва не цапнув желтыми загнутыми когтями.

Уисс хотел метнуться назад, но застыл, парализованный ужасом, — дорога была отрезана. С трех сторон протяжно ухала непроходимая топь, а между Уиссом и

спасительным гнездом готовился к новому прыжку враг. Он стоял, пружиня на непомерно больших, чуть ли не в полроста, перепончатых задних лапах, а маленькие передние мелко дрожали, готовясь схватить добычу. Зверь был едва ли не втрое больше Уисса, и ни о какой борьбе не могло быть и речи. Это чувствовали оба, и зверь не спешил. Он медленно приседал, медленно открывал пасть, усеянную пиками треугольных зубов, и красные глазки его наливались тупой радостью.

Уисс взвыл и тоже стал на задние лапы. Отчаяние сковало его мышцы, и он не мог разжать пальцы, вцепившиеся в какой-то сук. Он так и поднялся навстречу врагу — с острой раздвоенной рогатиной в передних лапах.

Зверь прыгнул — яростный смертный рев огласил джунгли, сорвался на жалкий визг и захлебнулся. Тяжелое тело обрушилось на Уисса, едва не переломав ему кости, дернулось два раза и замерло. Уисс пошевелился, еще не веря в спасение, но зверь не двинулся. Осмелев, Уисс выполз из-под туши. Враг был мертв.

Уисс недоуменно переводил взгляд с мертвого зверя на рогатину и обратно. Потом лизнул окровавленный сук. Кровь была теплая и соленая. Он лизнул сук еще раз и вдруг, зарывчав, припал к ране поверженного врага и ощущал, как сила разливается по жилам.

Наконец он встал на четвереньки и только сейчас заметил, что передние лапы продолжают сжимать раздвоенный сук. Он хотел бросить палку, но что-то останавливало его. Уисс переводил взгляд с рогатины на зверя и обратно...

* * *

Видение потускнело, отхлынуло в темноту, обнажив галечный берег акватории и сплясавшие зрачки прожекторов, и черные силуэты зумов, и отблеск металла на громоздких аппаратах, а Уисс все еще ощущал во рту драз-

нящий вкус теплой крови, и лапы его неестественно топорщились, словно пытаясь удержать рогатину...

Старый зум сидел у воды, свесив между колен худые руки, и пристально следил за дэлоном.

— И-в-а-н С-е-р-г-е-е-в-и-ч, д-а-в-а-т-ь в-т-о-р-ую ч-а-с-т-ь?

Старик помолчал, предостерегающе подняв руку. Он ждал чего-то от Уисса.

И Уисс не без тайной гордости за свое превосходство слегка изогнулся и описал вокруг цилиндра геометрически правильный круг, наслаждаясь совершенством и универсальностью своего тела, отшлифованного трудом и вдохновением поколений.

Старик махнул рукой.

— Д-а-в-а-й-т-е!

Цилиндр снова засветился...

Теперь Уисс был не один, и к привычным чувствам голода и страха присоединилось еще чувство холода, в три погибели скрючившего тело. Он кутался в промокшую медвежью шкуру, плотнее прижимался к таким же скрюченным, закутанным в шкуры телам — ничего не помогало.

Их осталось немного от большого и сильного стада — остальные погибли сегодня утром в схватке с пещерным медведем, хозяином каменной берлоги.

Уисс покосился на клубок тел, бьющихся в едином ритме озноба. Их не пугала смерть: спрятанный под скошенными лбами маленький робкий мозг уже уснул. Каменные топоры валялись в углу пещеры вперемешку с костями. Завтра в пещере не останется никого. То, что не сумели сделать звери и черные обезьяны, прогнавшие стадо с насиженных теплых гнезд, сделает холод.

Уисс перевел глаза на выход. В широком белом проеме кружились снежинки. Залетая в пещеру, они таяли, превращаясь в капельки голубоватой влаги... Весь оранжево-красный, с черными извилистыми прожил-

ками, неровный свод пещеры светился голубыми каплями.

А за проемом был мир. Мир искромсанного, вздыбленного, вспененного камня — гигантские каменные валы с белыми шапками на острых гребнях, они обступили беглецов со всех сторон. Скрытое горами солнце опускалось все ниже, и причудливые утесы, похожие на морды диковинных зверей, окрасились красным. Небо синело, а внизу, в глубокой расщелине, клубился плотный багрово-фиолетовый туман. Изредка вспышки прорезали его, и тогда земля вздрагивала и с утесов срывались камни. Там, внизу, тоже была смерть — непонятная и оттого еще более страшная.

Привычная спазма свела желудок. Тело наперекор всему требовало пищи. Оно не хотело мириться со смертью. Оно хотело жить.

Уисс пошевелился, попробовал подняться. Онемевшие ноги пронзила тупая боль. Уисс осел, ворча, но потом все-таки встал.

— Надо! Еды!

Гортань еще плохо повиновалась ему, и немногие понятные стаду слова звучали как звериные крики. Клубок тел не пошевелился, и Уисс повторил требовательно:

— Надо! Еды!

Мужчины словно не слышали, и ярость охватила Уисса. Он схватил каменный топор и замахнулся на ближайшего.

— Надо! Еды!

Тот покорно закрыл глаза, ожидая удара. Холод был сильнее голода и страха. Сородич готов был умереть, но не отдавать свою частицу тепла в общем клубке. Яростные глаза Уисса по очереди встретились с глазами остальных — они смотрели затравленно и равнодушно, в них не было даже мольбы, их уже застилала пелена неизбежного. Уисс опустил топор. Потом перехватил поудобнее шершавую рукоятку и шагнул в проем.

После смрада пещеры на свежем здоровом воздухе слегка закружилась голова. Уисс сжался, ослепленный. Горы переливались всеми цветами, искрились, щетинились серыми полосами колючего кустарника. И оглушительная тишина стояла над ними.

Уисс и сам не понимал, зачем он покинул пещеру. Какую добычу сможет он взять в одиночку? Здесь, в горах, звери свирепы и огромны, а на чахлом кустарнике нет плодов. Он не сможет добыть еды ни для себя, ни для тех, кто остался. Но что-то тянуло Уисса в долину, туда, где клубился темный туман и плясали бесшумные вспышки. Цепляясь за камни, он стал спускаться.

Уисс прошел половину пути до кромки тумана, когда ноздри уловили тревожный запах — пахло гарью. Он сделал еще несколько неуверенных шагов и остановился. Инстинкт подсказывал — вернись, там опасность, там Великий Красный Зверь, пожирающий все живое. Уисс глянул вверх. Пещера виднелась отсюда маленькой черной точкой. Вернуться? Ждать ночи, когда его убьет холод или, беспомощного, загрызет нетерпеливый шакал?

Негодующее рычание вырвалось из горла Уисса. Он взмахнул топором, ободряя себя, и решительно двинулся туда, где пряталось неведомое.

Ему не пришлось идти долго. Вскоре путь преградил ручей. Его торопливое бормотание было слышно издали, но, когда Уисс раздвинул кусты, его снова сковал страх.

Там, за ручьем, совсем недавно пировал Красный Зверь. На пепельно-серой земле валялись кучи обугленного кустарника. А еще ниже стлался багрово-синий дым, оттуда доносился далекий треск и тянуло теплом.

Уисс зачерпнул волосатой ладонью полную пригоршню воды и попробовал языком. От холода заломило зубы.

Рядом раздался стон. Уисс одним прыжком отскочил в кусты и замер. Стон повторился — на этот раз тише. В нем не было угрозы, а только боль и жалоба. Ноздри Уисса раздулись. Припадая к земле, он пополз на звук.

Длинноногое животное с тремя парами витых рогов на голове уже ничего не видело и не слышало. От него пахло паленым. Кожа на боках обуглилась и лопнула, обнажив розовое мясо. Видимо, рогач в предсмертном усилии вырвался из объятий Красного Зверя и перемахнул на этот берег, но смерть настигла его.

Уисс вытащил длинный нож, выточенный из острого обломка берцовой кости, и хищно оскалил зубы.

После обильной еды захотелось пить. Уисс лакал воду жадно, урча и отфыркиваясь от удовольствия, отрывался, осматривался и снова лакал.

И тогда он заметил Красного Зверя.

Это был совсем крошечный зверек, и непонятно было, как он перепрыгнул через ручей. Он съел всю палку, оставив от нее только угли, и теперь подышал, дрожа и дымясь.

Уисс хотел было сбросить опасного зверька в воду, но сытый желудок настроил его на благодушный лад. Ему захотелось поиграть. Он отломил от соседнего куста сухую ветку и сунул зверьку. Зверек жадно набросился на нее и сразу стал больше и веселее.

Уисс играл с Красным Зверьком долго, то давая ему пищу, то отбирая ее. И зверек покорно подчинялся желаниям Уисса, то вырастал в рычащего тигра, то сжимался в рыжую мышь. И тогда Уисс почувствовал, что холод отступил. Блаженным теплом веяло от камня, нагретого лапами покорного зверька.

Наконец Уисс встал и направился к рогачу. Дотащить всю тушу до пещеры ему было не под силу, и он отрезал самое вкусное — две задних ноги. Потом выломал из кустарника самый большой сук и поджег его толстый конец.

Когда, обессиленный под тяжелой ношей, он дотащился, наконец, до пещеры, уже опустилась ночь. Уисс шагнул в пещеру, высоко держа над головой горящий сук. Красный свет метнулся по стенам. Живой клубок дрогнул, рассыпался, эхо гулко повторило вопль ужаса. Подвывая, сородичи расползались, забивались в темные углы. Только один остался у его ног. Он был мертв.

Уисс бросил на пол мясо.

Остекленевшие глаза жадно уставились на пищу, но страх перед Красным Зверем заставил глубже забиваться в свои углы.

Уисс повернулся спиной к сородичам и вышел из пещеры. Он слышал, как в темноте началась драка за мясо. Уисс направился к ближним кустам, освещая себе дорогу.

Когда он вернулся в пещеру с охалкой хвороста, мяса уже не было. Сородичи снова расползлись по углам, но уже не так поспешно, как прежде. Глаза их приобрели осмысленное выражение и смотрели теперь настороженно и выжидающе.

Уисс бросил на пол догорающий сук и показал на хворост:

— Еда! Ему!

Он подложил веток, и пламя мгновенно выросло, заплясало, рассыпая искры. По пещере заструилось тепло.

Наконец самый смелый подполз ближе. Сородич с любопытством смотрел, как Уисс кормит страшного зверя, потом сказал неуверенно:

— Красный Зверь! Враг!

Уисс сунул еще одну ветку в костер, и рыжий язык метнулся к самому потолку.

— Нет! Огонь! Друг!

Осмелевшие мужчины подползали все ближе к костру, блаженно ворчали, подставляя теплу окоченевшее тело, радостно повизгивали.

— Огонь! — повторил Уисс новое слово. Он протянул к жаркому костру руки:

— Огонь! Друг!

* * *

МЫСЛЬ продолжалась, но Уисс очнулся, словно вынырнул из зловонной лагуны на поверхность — близость огненной стихии, хотя и призрачная, была нестерпима. Он ничего не мог поделать с голосом крови, с трагическим опытом Третьего Круга, навечно отпечатанным в генах, — все естество противилось союзу с Гибелью.

Он мог только, не напрягая внимания, чтобы не упустить ничего существенного, следить извне за странным чужим миром, в котором творились вещи все более и более непонятные.

Он видел, как в считанные тысячелетия зумы расплодились и расселились чуть ли не по всей суше. Рогатина в лапе и пламя костра сделали зумов сильнее и выносливее других зверей.

Красный Зверь оказался двуликим — с равным покорством и равной силой служил он врагу и другу, злу и добру. Он давал тепло и сжигал жилища, плавил руду и опустошал посевы. Убийственный огненный смерч гулял по горам и долинам. Глаз Гибели горел все ярче и беспощаднее, но во всем этом была логика, понятная Уиссу. Когда-то по сходным причинам предки дэлонов покинули сушу и ушли в море, спасая свой род и остатки Знания.

Но дальше начиналось нечто, лишенное аналогий.

Уисс не сумел заметить, когда и как это случилось. Может быть, потому, что еще искал следы внеземного вмешательства и не сразу обратил внимание на пальцы седого зума, вроде бы бесцельно мявшие сырую глину: на упорство, с которым собирала коренастая зумка ко-

рения и камни; на благоговейный восторг подростка, который дул в сухой тростник и случайно соединил беспорядочные вопли в обрывок варварской мелодии.

Но когда появились дворцы и многокрасочные фрески на стенах, гигантские каменные изваяния и мелодическая ритмика ритуальных танцев, Уисс узнал в них искаженные, причудливо перепутанные линии просыпающегося Разума. Собственного Разума зумов!

Как дождевые пузыри, возникали, раздувались и лопались царства, унося в небытие редкие всполохи озарений и мутный ил утешительных заблуждений, имена сумасшедших царей и безымянные племена рабов, но под слоем пепла и гнили оставалась неистребимой священная искра труда, любви и искусства.

Уисс увидел бездну, вернее, не бездну, а воронку крутящейся тьмы, затягивающей в свою пасть все — живое и неживое. Слепые ураганы и смрадные смерчи клочкотали вокруг. Но оттуда, из этого клокочущего ада, тянулась ввысь хрупкая светящаяся лестница, и отчаянно смелые зумы с неистовыми глазами, скользя и падая на дрожащих ступенях, поднимались по ней. Их становилось все больше. Они протягивали друг другу руки и переставали быть одинокими.

Нестерпимая вспышка ударила в глаза — это взвилось алое полотнище над головами идущих первыми. Еще клочкотала темная бездна, еще ревели ураганы, еще метались смерчи, но пылающий флаг всемирной надежды зажигал звезды, созвездия, галактики, и последнее, что увидел Уисс, — горящие красные миры обновленной вселенной...

И тогда внутренний глаз отключил воспринимающие рецепторы и погасил перенапряженное сознание, спасая мозг от непоправимой травмы, и Уисс уже не слышал испуганного крика молодой зумки, торопливо выключившей звукозапись...

Больше года прошло с той памятной ночи, но Уисс до сих пор помнил каждое мгновение неожиданного открытия, и часто во время ночного дремотного отдыха возвращались к нему тревожные сны суши.

Они приходили и требовали действия, будоражили и настаивали — и Уисс шел к цели собранный, как дэ-лон, и неистовый, как зум.

Ему не верили свои, его не понимали чужие, в нем копилась неизвестная прежде горечь одиночества, но он не отступал от своего дерзкого плана.

Он уже добился многого — железный кор зумов покорно идет за ним.

Но главное — впереди...

Наступал новый день. Тучи, бегущие над морем, истончались и бледнели, и кое-где уже проступали золотые пятна. Метеоклетки не ошиблись, сегодня будет солнце...

Пора.

Уисс повторил призыв.

И, словно отраженный от белого кора, двойной свист вернулся к Уиссу.

Зумы ответили.

4. ЗЕРКАЛА

Пилот разведчика «Флайфиш-131» Фрэнк Хаксли очень не любил утренние дежурства и при первой возможности избегал их. Фрэнк не был лентяем или засоней — хотя при честном самоанализе отречься от предрасположенности к сим огорчительным качествам было бы трудно. Больше того, как раз эта предрасположенность оказала роковое влияние на его судьбу, подменив рубку космического лайнера кабиной гидросамолета, а

битвы с инопланетными чудовищами — ежедневным выслеживанием безобидных рыбьих стай.

Да, Фрэнк был рядовым «рыбоглядом», но душой его правили космические бури. А потому каждый вечер, свободный от дежурства, он садился к видеофону, чтобы прокрутить запись какого-нибудь телебоевика, а таких записей у него было великое множество. Часто за первой записью шла вторая, а то и третья, и Фрэнк забывался лишь под утро, в кошмарном полусне продолжая фантастическую цепь опаснейших приключений.

Можно ли при таких обстоятельствах радоваться утру, да еще такому, как сегодня, хмурому, когда внизу серый океан, покрытый, как говорят летчики, «гусиной кожей» — ровной рябью мелких волн с белыми барашками.

— Бэк!

Радист не ответил, и Фрэнк, вглядевшись в зеркало заднего обзора, увидел козырек шлема, надвинутый на глаза, и пухлые губы, тронутые улыбкой отрешенности, которая обычно сопутствует здоровому сну без сновидений. Бэк отдавал ночи не космосу, а земным утехам, но кому важны детали? Важно то, что к сегодняшнему утру оба относились на редкость единодушно. А потому Хаксли только тяжело вздохнул и начал напевать под нос что-то из вчерашней записи:

Ультразмеи и супервампир —
все чудовища звездного мира —
не страшны бесшабашному Гарри,
астронавту из штата Техас...

И тут Фрэнк заметил «плешь». Вернее, она все время была перед глазами, чуть наискось пересекая курс самолета, но даже тренированный глаз «рыбогляда» не задерживался на ней из-за непомерной, прямо-таки фантастической ее величины.

— Бэк! — выдохнул Фрэнк севшим голосом. — Бэк! — заорал он во все горло. — Радио!

— Сто тридцать первый слуш... Тьфу! Ты чего?

— Бэк, ну-ка посмотри вниз.

— Смотрю.

— И что ты видишь?

— Воду.

— А дальше?

— Еще больше воды.

— А вот там, к норд-норд-весту... Видишь, «гусиная кожа», а дальше словно кто утюгом прошелся—гладко. А?

— Фрэнк... Это же тунец идет! Такой косячище... Сроду не видывал...

— Это награда к нам плывет, — уточнил Хаксли и, развернувшись, повел машину к острию треугольной «плеши» — делать предварительные замеры. Бэк взялся за радио.

База ответила не сразу. Видно, там от нынешнего утра тоже ничего хорошего не ждали. Но когда Бэк дважды повторил размеры косяка и прибавил, что рыба идет четырьмя «этажами», в наушниках заволновались три голоса одновременно.

— Сто тридцать первый — Базе. Ихтиологу Петрову. Тунец длинноперый, строй походный в четыре этажа, вверху и внизу — «коренники», взрослые самцы и крупные самки, в середине — молодежь. Похоже на капитальное переселение. Пит.

— Петров — сто тридцать первому. Дельфинолог Комов. Хватит болтать, Фрэнк, сколько надо, по-твоему, «пастухов» для ведения косяка? Когда тунец подойдет к сейнерам, мы еще отряд загонщиков выпустим, а сейчас важно, чтобы косяк не рассыпался и не изменил курса...

— Сто тридцать первый — Комову. Право, не знаю... Здесь полно дельфинов. Они, по-моему, и ведут косяк... Да, похоже, что косяк ведут дельфины. Не охотятся, а

ведут, это точно. Рыбы не трогают, идут как патрульные подлодки...

— Наши или дикие? Если наши, то сколько их?

Фрэнк с минуту следил за диском УКВ-локатора, на котором плавно кружились маленькие голубые точки, потом, снизившись до самой воды, провел машину над пенными обводами тунцовой армады.

— Сто тридцать первый — Комову. Судя по радиометкам, наших дельфинов штук двадцать. Остальные — дикие. Их не меньше сотни... Бросать «трещотку» или подождать?

— Комов — сто тридцать первому. Бросайте, Фрэнк, бросайте немедленно. Двадцать обученных «пастухов» смогут справиться с любой ордой. А «дикари» помогут. По крайней мере, мешать не будут. Это точно...

— Петров — сто тридцать первому. Так ты говоришь, там дельфины, Фрэнк? Вот тебе и разгадка — дельфины согнали в одну несколько стай и решили сделать нам подарок. Недаром же их натаскивали в «школе». Я уже дал разрешение на отлов косяка. Неводы только крупноячеистые, молодежь не пострадает...

— Дело ваше... Да, Пит, одна просьба: скажи диспетчеру, чтобы поставил нас с Бэком в наблюдение, когда будут брать эту прорву... Хочу посмотреть — рыба-то моя все-таки.

— Идет, Фрэнк... Даю отбой.

— Охота человеку... Сам вне очереди напросился, — это проворчал сзади Бэк достаточно внятно, чтобы слышал командир.

— Ладно, старина, успеешь выспаться... Контрольное фото отправил?

— Отправил...

— Давай «трещотку». В хвост косяка, в середочку... Вот так!

Внизу метнулся полупрозрачный купол парашюта, и в океан полетело то, что Фрэнк называл «трещоткой», —

хитроумный ультразвуковой приемопередатчик, похожий на большую рыбу-прилипалу. Аппарат действительно «прилипал» к дельфиньей стае и передавал пастухам и загонщикам команды оператора Базы. Дельфины, в свою очередь, докладывали оператору о своих делах на условном языке, который вместе с другими премудростями они изучали в «школе».

Как-то раз Фрэнк забрел в такую школу вместе с экскурсией. Он, как и все, шумно восторгался необыкновенной сообразительностью «учеников», восхищался их дисциплиной и молниеносной реакцией на команды, несколько недоверчиво выслушал перечень цифр дохода, в которые вылилось мировому рыболовству «общение с младшими братьями человека», и до слез хохотал, когда двести торчащих из воды клювов, страшно скрипя, старательно вывели хором первый куплет «Гаудеамус игитур».

Но вышел из школы он почему-то разочарованный. Он долго не мог понять почему. И только потом разобрался: дельфины не вызывали у него уважения.

Прежде чем вернуться на Базу, Фрэнк описал над косяком прощальный круг.

В наушниках рокотал драматический баритон диспетчера: «Всем сейнерам международной рыбокооперации, находящимся в квадратах... немедленно выйти на двустороннюю связь с базой «Поиск — двенадцать дробь пятьсот двадцать восемь...».

Под крылом «Флайфиша» прошел белый пузатый сейнер, сердито раздувая под форштевнем седые пенные усы. На мостике стоял капитан — тоже белый и уса-тый. И настроение у Тараса Григорьевича, старейшины рыболовецкого клана, было сердитое. Провожая глазами самолет, он мрачно пришепetyвал:

— Пойду на пенсию... Ей-ей... Да разве это рыбалка? Срамota одна... Самолеты, дельфины... Стой, пока тебе сети рыбой набьют, и не трепыхайся...

— Таким образом, все началось со случайности, вернее, со случайного соединения ряда случайностей... Одиночество Нины, одиночество Уисса, пленка, запущенная не на ту скорость... Но главным звеном этой цепи было то, что запись на пленке оказалась скрябинской «Поэмой огня» — цветомузыкальным конспектом человеческой истории... С Уиссом впервые заговорили на понятном ему языке...

Карагодский шелохнулся в кресле, хотел что-то сказать, но передумал. Пан продолжал тихо, с нежностью деда, рассказывающего о школьных подвигах любимого внука:

— После этой ночи Уисс нас буквально замучил... Мы установили в акватории четыре стационарных магнитофона и непрерывно крутили записи... Он требовал только симфоническую музыку, причем со специфическим уклоном.

— Чем же еще поразил вас дельфин-меломан? — В голосе Карагодского проскальзывали нотки нетерпения и раздражения.

В открытые иллюминаторы каюты Пана попеременно заглядывали то серое небо, то серое море. С утра слегка штормило, но сейчас волнение почти улеглось. Изредка легкий ветер вздувал неплотно задернутую штору, и тогда в каюте повисала зябкая морось.

Пан вздохнул.

— Простите, Вениамин Лазаревич. Возможно, это действительно лирика. Но эта лирика заставила нас по-новому взглянуть на дельфинов вообще и на наше с ними сотрудничество в частности.

— Яснее.

— Я говорю о ШОДах...

— И о ДЭСПе?

— Да, я говорю о «Школах обучения дельфинов», о

«дельфиньем эсперанто» и о многом-многом другом, что исправить гораздо труднее. Конечно, как первый этап исследований... Пожалуй, никого нельзя винить в том, что так получилось. Хотя...

— Винить?!

Спокойствие изменило академику, Низкое кресло закрипело отчаянно, и Карагодский поднялся над Паном, красный, тяжелый, налитый негодованием и обидой.

— Винить?!

Он провел дрожащими пальцами по лацкану пиджака.

— В чем же вы могли бы меня винить, дорогой мой Иван Сергеевич? В том, что я первым — первым! — перешел от слов к делу и занялся приручением дельфинов? В том, что я первым — первым! — поставил это дело на научную основу и организовал первую — первую! — школу для дельфинов, где вместо любительской дрессировки этих животных обрабатывали единственно правильными методами? В том, что разработал способ общения человека с дельфином — условный язык команд и отзывов, который потом называли «дельфиньим эсперанто»? В том, что отдал этой работе без малого десять лет? В том, что общество получило благодаря мне миллионы рублей дохода?

Голос Карагодского рокотал в каюте, как весенний гром, а Пан тоскливо глядел в иллюминатор. Дождь кончился, самое время работать, а на душе слякоть... «Ну что за человек такой непутевый... Я... Первый... Заслуги... Действительно, первый. Действительно, заслуги. Не какой-либо горлохват — крупный ученый с мировым именем, бульдожья хватка, колоссальные организаторские способности. И все-таки все время ему мерещатся подвохи, кажется, что его недостаточно хвалят, недостаточно высоко ставят... Комплекс неполноценности какой-то... А ведь умный человек...»

— ...И более чем странно, я бы сказал, неуважительно слушать мне такое, Иван Сергеевич, от вас, от человека, который в дельфинологии, простите, профан...

— Да бог с вами, Вениамин Лазаревич, я никак не покушаюсь ни на ваш опыт, ни на вашу славу...

— Нет, вы покушаетесь! Покушаетесь на все основы, призывая вернуться к...

— Довольно! Садитесь!

И Карагодский сел. Сел торопливо, почти испуганно — сработал старый полузабытый рефлекс. Сел на краешек кресла, как на краешек студенческой скамьи. Как в те далекие времена, когда он, академик Вениамин Карагодский, был просто Веником из четвертой подгруппы, а Пан — самым молодым профессором университета.

— Вот так. А теперь постарайтесь выслушать и понять, что я вам скажу.

Пан зябко повел плечами и тоже сел.

— Раньше многое казалось проще, чем сейчас. Человек всерьез считал себя единственным и самодержавным «царем природы». Ну а царю все позволено. Возникла идея приручить дельфина. Выгодно это человеку? Еще как! Начинается работа — и выясняется, что дельфин не просто животное, а «почти разумное животное», с которым в отличие от сухопутных «слуг человека» можно наладить двустороннюю связь, общаться. «Так это же сущий клад!» — восклицает человек и берется за дело всерьез, со свойственным ему размахом и напористостью. И вот уже сотни, тысячи «ручных» дельфинов отслеживают для человека рыбы стаи, пасут их «до кондиции», гонят к траулерам, загоняют в сети... Покорные, безобидные, готовые на все ради человека...

— Не понимаю вашей иронии, Иван Сергеевич.

— А если дельфин действительно разумное существо?

— Ну знаете, профессор, этак можно бог знает до

чего договориться... Этак я со своим бульдогом на «вы» разговаривать буду — на всякий случай...

— Не передергивайте, Карагодский. Разумность в том и состоит, чтобы предвидеть последствия своих действий. Я не хочу, чтобы потомки краснели за нас, как мы краснеем за своих предков, истреблявших тех же дельфинов ради технического жира...

— Мы обращаемся с дельфинами вполне гуманно...

— Вот именно — гуманно! То есть по-человечески! А ведь это слово имеет смысл только в отношениях между людьми, как вы не можете понять! А как измерить отношения между человеком и иным кругом чувств и понятий, иной цивилизацией, в конце концов? То, что хорошо и выгодно для человека, может быть невыгодно для иного разумного существа. Даже смертельно опасно, если хотите... И наоборот.

— Это уже схоластика, дорогой Иван Сергеевич.

— Это было схоластикой десять лет назад, Карагодский. А сейчас это уже проблема, которую надо решить во что бы то ни стало. И решить сегодня — откладывать на завтра уже поздно.

— Не слишком ли...

— Не слишком. Хотите, я вам кое-что покажу?

И Пан вышел из каюты.

* * *

Тарас Григорьевич так и не спустился в радиорубку с капитанского мостика. Он только велел радисту прицепить к переговорному корабельному устройству допотопные лопухообразные наушники, дабы «быть в курсе» распоряжений Базы. Подобная вольность разрешалась уставом только в случае «крайней необходимости», но кто укажет точно, где у необходимости край?

Быть на мостике Тарасу Григорьевичу было сейчас крайне необходимо. Выбранный до глянца, благоухающий

одеколоном «Олеся», в туго накрахмаленном и отутюженном парадном кителе, он небрежно бросал в микрофон хрипловатые древние команды, стараясь не замечать, что они выполняются несколько раньше, чем он успевает их отдавать.

Траулер «Удачливый», поминутно сигналив, переваливаясь с боку на бок и вздымая лихие шлейфы то справа, то слева, пробирался к своему законному месту — в голову флотилии, между «Онегой» и «Звездным». Раньше, когда экономно и быстро «взять косяк» могли только опытные мастера, никто не мог делать это лучше «Тарасовой тройки». Искусно поставленные ими сети «снимали пенку», гасили скорость стаи, нарушали ее монолитность, прокладывая дорогу следующим судам.

Теперь рыбацкие хитрости были ни к чему: дельфины-загонщики проводили все операции лучше старого Тараса. Но нет ничего живучей морской традиции, и сейнер «Удачливый» вопреки новым правилам занимал место не в хвосте, а впереди, рядом с сейнерами-гигантами.

Тарас придирчиво осмотрел соседние суда. Взгляд его заскользил вдаль, по всей наскоро собранной, разнокалиберной и пестрой флотилии, и мысли его приняли иное направление. «Сбежались, соколики, на готовенькое... Рты разинули и ждут, когда туда галушка заскочит...»

А погода быстро менялась. От хмарного утра, от мглистого противного дождичка не осталось и следа. Море пошло пятнами, то там, то здесь возникали золотисто-голубые лужайки, разорванные облака мельчали и рыжели по краям. День помаленьку набирался солнца, а солнечным днем все выглядит иначе, чем пасмурным утром.

— Та-рас Гри-го-рич!

Радист выглянул из иллюминатора рубки и возбуж-

денно пошлепал себя по ушам. Капитан, почуяв неладное, торопливо надел наушники прямо поверх фуражки.

В эфире был переполох. Капитаны, забыв устав радиосвязи, говорили, не называя себя; а диспетчер, тоже уставу вопреки, отбивался от них, как мог.

— Я же в сотый раз повторяю — косяк неожиданно изменил курс, где он теперь — можно только гадать...

— А «трещотка»?

— Выбросили они «трещотку». Угнали и выбросили...

— Что вы сказали? — переспросил кто-то по-английски.

— Я говорю, выбросили они «трещотку». Как известно, «трещотка» автоматически следует за голосами дельфинов. Так вот они пошли на трюк — все стадо замолчало, а один поднял крик — и полным ходом в сторону. «Трещотка» за ними. Отвел он ее подальше и бросил... Мы послали туда отряд своих загонщиков с новой «трещоткой». Как только дошли до косяка — та же история. «Трещотку» выбросили, сами не вернулись...

Кто-то одобрительно хохотнул, кто-то начал ругаться. Тарас Григорьевич все понял, и сладкая, беспокойная думка завладела его седой головой, набирала силу, дразнила.

Но сначала надо было кое-что проверить.

— «Удачливый» — Базе. Где там наука? Что примолкла? Дельфи... как это... Комову словом, что там поделявает?

— База, Комов, прием.

— «Удачливый» — Комову. Так что теперь делать будем? Уходит рыбка-то...

— Не знаю, что делать, Тарас Григорьевич. Ума не приложу. Такого с дельфинами еще нигде и никогда не было. Бывало, не слушали команд или неправильно их понимали. Случалось, ни с того ни с сего отказывались работать и уплывали. Но это были

единичные случаи. А чтобы такое — нет, ничего не понимаю. На «трещотку» руку поднять!

— Врешь, Комов, у дельфина рук нет.

— Вам шутки... А ведь это бунт! Форменный, ничем не оправданный бунт против человека! Они угоняют косяк, как заправские пираты! А наших загонщиков, видимо, взяли в плен...

— Словом, дело труба с научной точки зрения?

— Труба.

И тут Тарас Григорьевич понял окончательно, что пробил его звездный час.

И он рывкнул в эфир, настороженно прислушивающийся к их разговору.

— Что, коты, разучились сами мышей ловить? А если по-старому, без мышеловок этих, а? Собственными лапками да зубками, а? Или зубы повыпадали?

«Коты» озадаченно молчали, и Тарас Григорьевич расправил перед микрофоном усы:

— «Удачливый» — Базе. Предлагаю брать косяк без дельфинов, с ходу, по-старому. Примерный курс косяка известен, надо послать туда пару самолетов. И пусть они следят за косяком до нашего прихода. А я поведу флотилию наперерез. Прошу дать «добро».

И даже свою золотошитую фуражку снял Тарас Григорьевич в ожидании ответа — так волновался. Вдруг не удастся тряхнуть стариной, утереть нос Комову и прочим, для кого старый Тарас вроде монтажа в электронной лаборатории. А дельфины... Они тоже рыбаки. Они поймут...

База дала «добро».

* * *

Карагодский поискал глазами Пана. Ему хотелось сказать что-то значительное, неопровержимое, что раз и навсегда приперло бы к стенке нескладного профес-

сора. Но хитрый старик все время находил лазейки. Впрочем, это не страшно. Хозяйственники не читают теоретических монографий по биологии. Этим по горло занятым людям нужно одно: любой ценой увеличить выход продукции. И они будут слушать Карагодского, который оперирует непонятными категориями тонн и рублей, а не Пана, витающего в морально-этических высотах.

А Пана все не было, и академик недоуменно покопился на дверь. С никелированной ручки свисал синий лимонный галстук. Если бы профессор незаметно вышел, галстук свалился бы.

Несуразный человек этот Пан. Анекдоты и легенды прямо-таки липнут к нему, тянутся за ним, как тесто за пальцами.

Вот хотя бы этот выдавший виды галстук. Выражение «галстук» Пана стало расхожим присловием. Один не лишенный юмора конструктор даже назвал «галстуком Пана» сложный космический прибор.

Много лет, еще с университета, Пан снимает галстук, начиная работать, и вешает его на дверную ручку. Где бы он ни работал — в «люксе» международной гостиницы или в кабине вездехода, ползущего сквозь австралийскую пустыню, — старый галстук висел на страже, оберегая хозяина от бытовых невзгод.

Карагодский подозрительно окинул взглядом большие овальные иллюминаторы, но там качались только спаянные горизонтом небо и море. Пан, конечно, способен на все, но он не умеет плавать.

Академику ничего не оставалось, как изучить со своего кресла нехитрую топографию каюты.

Он сидел у самой двери, и все небольшое пространство было перед ним как на ладони: рабочий стол Пана прямо под распахнутым иллюминатором, на столе,

между разбросанными бумагами, таблицами и голографиями — изящный ящичек теледиктофона «Память», небрежно перевернутая панель дистанционного управления корабельным видеофоном, наборный диск стереопроектора Всесоюзного нооцентра, который через три с половиной секунды давал справку по любой отрасли человеческих знаний — словом, ничего необычного, если не считать толстенной старинной книги, смахивающей на Библию, и каких-то диковинных статуэток еще более древнего возраста.

По обеим сторонам стола — матовые пятна экранов: большой — видеофон, два поменьше — стереопроекторы Центра, а вот этот, овальный, ошестинившийся тысячами граней рубиновых кристаллов, — для просмотра голографических фильмов...

Кстати, сам проектор, примостившийся на подвижной тумбочке справа от круглого винтового стула, открыт. Видимо, Пан перед приходом Карагодского просматривал ролик.

И больше ничего, кроме стеллажа с книгами, портативного электрооргана (неужто Пан под влиянием Уисса стал музицировать?) и двух кресел, одно из которых занимал академик, — и все отражает большая зеркальная стена, словно свидетельствуя наглядно и окончательно, что никого, кроме Карагодского, в каюте нет.

— Иван Сергеевич, где же вы?

Пан возник рядом, держа под мышкой коробку голофильма, непонимающе повел глазами с растерянного академика на свое отражение и усмехнулся.

— А... Зеркало...

Он протянул руку, и, когда его пальцы встретились с пальцами двойника, пространство раскололось широкой щелью сверху донизу, открывая за зеркалом другую комнату.

— Я с этим зеркалом намучился в свое время, —

продолжал профессор, заправляя фильм в проектор. — А потом привык. И даже стал видеть в нем скрытый философский смысл, своего рода знамение, что ли.

«Ох, Пан, даже разбив нос о зеркало, он видит в этом скрытый философский смысл. Как был идеалистом, так и остался». Подумалось это Карагодскому с явным облегчением, ибо исчезновение объяснилось просто. Необъяснимого академик не любил, даже побаивался.

— Уж эти мне зеркала... Везде они, эти услужливые обманщики. Вот мы с вами разговариваем, а между нами — зеркало. И мы видим в чужом мнении лишь искаженное отражение своего собственного. И не можем понять друг друга, ибо искренне считаем свое собственное мнение единственно правильным...

Профессор захлопнул крышку проектора.

— Вы интересуетесь космосом, Вениамин Лазаревич?

— Космосом? Да как вам сказать... Пожалуй, нет. Вышел из того возраста. Дела. Не хватает времени на все... Столько нового...

— Жаль, космос, если хотите, тоже зеркало. Огромное увеличивающее зеркало, в котором земные достижения и ошибки, наши чисто человеческие заблуждения и наития приобретают глобальный отзвук... Первый космический объект, заселенный земными организмами... Космобиолог... забыл фамилию...

— Андрей Савин.

— Да, да, Савин... Там построили биостанцию, которой руководит академик Медведев... Тяжелый человек, надо сказать. Так что же там случилось?

— Это мы с вами сейчас и увидим. Хочу добавить предварительно, что планета Прометей весьма редкого в Галактике кристаллического типа и находится в системе двух звезд, одна из которых светится только в ультрафиолетовом диапазоне. Все это вкупе с дру-

гими странностями заставило Андрея Савина в самом начале выдвинуть гипотезу об искусственном происхождении планеты... На его гипотезу тогда не обратили внимания, ибо прямых доказательств не было, а косвенно можно было объяснить при помощи уже известных теорий. Опять сработало зеркало.

Проектор тихо заурчал. Рубиновые кристаллы потеплели, засветились мелкими угольками, по овальному экрану, как по жаровне под ветром, заметались летучие искры. Пан подвинул кресло поближе к академику.

— Пленка эта, до окончательного решения Международного совета космонавтики о судьбе биостанции, так сказать, «для внутреннего пользования». Поэтому комментирует ее не диктор, а сам Андрей Савин. Ну и я помогу, если что будет неясно...

Над экраном, который уже полыхал словно люк в топку, за клубился сизый дымок. Окружающие предметы задрожали, заструились, теряя вес и форму, и растаяли. Кресло обступил красноватый искрящийся туман.

Карагодский прикусил губу, передохнул. Профессор снова тянет в болото философии. В ней он дока, ничего не скажешь. Но и Карагодский не зря получил звание академика.

— Сдаюсь, Иван Сергеевич, сдаюсь. Наш с вами спор напоминает поединок Геракла с Антеем. Вы — Геракл в своей области, отдаю вам должное. А я — грешный сын Земли, стоит вам оторвать меня от нее, вы можете задушить меня, как цыпленка. Прошу пощады. Или ваше великодушие касается только животных?

Великая штука — лесть. Даже железный Пан смягчел, заулыбался смущенно, сел в кресло, внезапно успокоенный.

А Карагодский продолжал вкрадчиво:

— Конечно, наши проблемы мелковаты...

— Вениамин Лазаревич, не нравится мне это: «наши» — «ваши». Мы с вами, как говорится, в одной лодке...

— Вот именно, Иван Сергеевич, вот именно. Но чтобы изложить вам свои заботы, я тоже должен вернуться к событиям двухлетней давности. Вы помните, как попал к вам Уисс?

— Разумеется! Вы мне как-то сказали, что в одной из ШОД появился некий феноменальный образец, возможно, мутант и вы не знаете, что с ним делать, потому что он перебаламутил всю школу. Я забрал его себе, в лазаревскую акваторию, и вот... Кажется, я уже неоднократно благодарил вас за такой подарок, но если надо...

— Да что вы, Иван Сергеевич, я не о том! Мы действительно не знали, что с ним делать... Дело в том, что он не только перебаламутил, но и разогнал весь сто восьмой ШОД. Все дельфины, как один, покинули школу. А Уисс остался. И вел себя так, что у ночного сторожа начался психический стресс: он то слышал какую-то неведомую музыку, то непонятные слова, то видел каких-то чудищ и множество морских звезд, которые танцевали на дне бассейна. Мы пытались выгнать Уисса, даже ультразвуковую сирену включали, но он упорно лез к людям...

— Интересно... Вы знаете, это потрясающе интересно! Что же вы мне тогда ничего не сказали? Мы бы не блуждали так долго в потемках!

— А что я мог сказать? Что поймал сумасшедшего дельфина?

— Как раз это вы и сказали. А вот про сторожа...

— При чем тут сторож?

— Ну хорошо, теперь это не имеет значения. А что дальше?

— А дальше... Вам лучше меня известно, что у

дельфинов нет вожаков. Полная, так сказать, демократия без границ и края.

— Ну, не совсем...

— Да, в дельфиньем стаде живет одновременно десять-двенадцать поколений, и в минуту опасности или просто в необычных обстоятельствах старшие самцы и самки берут руководство на себя...

— То есть стадом руководит опыт и разум, а не сила, как в животном мире. Да и в человеческом до недавнего времени...

— Да, да... Но в обычной обстановке вожаков в стаде нет. Так?

— Так.

— Но вот появляется Уисс — и все меняется. Достаточно ему свистнуть — стадо в двести голов, рискуя жизнью, перелетает через оплетенную колючкой стенку бассейна и уходит в открытое море...

— На стенке — колючая проволока?!

— Колючая проволока предназначена для касаток, которые могут запрыгнуть в бассейн, — мы защищали дельфинов!

— Все равно... А, ладно, что спорить. Продолжайте.

— Я, собственно, уже почти все сказал. Связано или не связано это с появлением Уисса — не знаю, но в последние два года дельфины стали сторониться ШОДов. Участились случаи бегства и неповиновения. Больше того — несколько раз дельфины отказывались загонять косяки.

— А вы спросили их почему?

— В ДЭСПе нет такого слова... Но я, кажется, начинаю догадываться почему. У дельфинов есть вожаки. Сколько их — неизвестно. Но они есть. И они настроены против человека. Они намеренно вызывают беспорядки в ШОДах, провоцируют неповиновение и бегство в открытое море. Все остальные дельфины

слепо им повинуются... Я никому не говорил до сих пор о своих догадках. Вы — первый, с кем я делюсь.

— О, Карагодский, вы неисправимы...

— Погодите. Вы единственный, кто сейчас может помочь, Иван Сергеевич. Не мне, а всему нашему общему делу. Вы наладили контакт с Унссом, и это очень обнадеживает. Надо приручить вожаков, заставить их действовать не против нас, а за нас. Тогда мы получим поистине неограниченную власть над дельфиньим племенем. Вам не нравятся ШОДы — реорганизуем их. Вам не нравится ДЭСП — будем действовать музыкой. Но подумайте, какие перспективы!

— Перспективы... — В глазах Пана задрожали синие угарные огоньки. — А я вот не могу обещать никаких перспектив. Одни только неприятности, да и то если повезет. А вы мне предлагаете ни больше ни меньше как роль дельфиньего диктатора! Как тут не согласиться?!

— Вы на самом деле согласны?

— Согласен! Но с одним условием — сначала я доведу до конца те, что задумал, ради чего работал, ради чего мы сегодня на борту «Дельфина». И если после всего вы повторите свое предложение — я соглашусь.

— Чего же вы хотите, если не секрет?

— Теперь не секрет. Я хочу доказать существование дельфиньей цивилизации, гораздо более древней, чем человеческая, существование сообщества разумных существ, параллельных человечеству и совсем непохожих на них. Я хочу доказать, что у нашей планеты не один, а много хозяев. Я хочу, чтобы человек перестал смотреться в зеркало и прихорашиваться, чтобы оглянулся вокруг глазами мыслителя и художника, а не голодного дикаря. Я хочу...

Затрезвонил корабельный видеофон. Рука Пана,

взлетевшая в патетическом жесте, метнулась к панели. На экране появилось взволнованное лицо Нины.

— Иван Сергеевич, скорее, Уисс...

Она заметила Карагодского в кресле, замялась, смутилась и вопросительно глянула на Пана.

— Говорите, Ниночка, говорите. Вениамин Лазаревич почти в курсе дела. Что стряслось?

— Уисс вызывает вас.

— Как, уже?

— Да. Он очень торжественный и загадочный — передает в основном в синих и лиловых тонах. Мы подошли к какому-то острову, и Уисс попросил бросить здесь якорь.

— Бросить якорь?

— Конечно. — Нина засмеялась. — Он показал нам якорь и как он падает в воду. Очень просто.

— Хорошо. Сейчас мы с Вениамином Лазаревичем придем.

Профессор глянул на Карагодского, потер лоб.

— О чем это я? Да, ШОДы в таком случае отпадут сами собой. А ДЭСП на первых порах может пригодиться... Впрочем, это уже детали...

Пан засуетился вокруг стола, собирая записи. Сейчас он больше, чем когда-либо, походил на одержимого — растерянный, с трясущимися от волнения пальцами.

Цивилизация дельфинов! Ай да профессор! Любопытно будет полюбоваться.

И снова увидел Карагодский немигающие глаза своих подопытных, и что-то вроде страха шевельнулось в душе: а вдруг...

Карагодский неохотно поднялся из уютного кресла, оправил костюм, пригладил волосы перед зеркалом. «Я хочу, чтобы человек перестал смотреться в зеркало и прихорашиваться...» Чудак, музейный экспонат.

— Иван Сергеевич, если это не такая большая тайна, то куда мы все-таки плывем?

— Это не тайна.

Пан наконец собрал свои бумаги.

— Это не тайна, Вениамин Лазаревич. Я сам не знаю. Нас ведет Уисс.

Профессор снял с дверной ручки галстук и, сунув в карман, открыл перед Карагодским двери.

* * *

Фрэнк Хаксли томился от безделья. Он ждал вызова диспетчера и не уходил из дежурки. Вызов почему-то запаздывал. Бэк, не разделяя нетерпения командира, спал в кресле сном праведника. Пилоты резерва разбрелись по Базе кто куда.

Изучив улыбки девушек всего мира на потертых журнальных обложках, Фрэнк вытащил из комбинезона катушку с заветной лентой. Уже переключив видеофон на «воспроизведение» и поставив запись, пилот заколебался было, глянув на Бэка. Но, решив не без оснований, что помешать сну помощника может только атомный взрыв, он с бьющимся сердцем включил фильм.

«Межзвездный вампир», — кровью полоснула по экрану надпись, и Фрэнк Хаксли как бы перестал существовать...

* * *

Он увидел аборигенку, затаившуюся в густой, прямо пахнувшей листве. Ее мучил страх. Грязно-коричневые смрадные тучи едва не задевали верхушку дерева. Тяжелым душным покрывалом колыхались они над лесом, и дрожащий свет едва просачивался вниз. Было жарко, воздух, насыщенный испарениями и стойким запахом гнили, был неподвижен, и неокрепшие легкие, ка-

залось, вот-вот лопнут, не выдержав судорожного ритма дыхания.

Встрепенувшееся ухо уловило приближающийся хруст. Через минуту хруст превратился в треск ломающихся огромных деревьев.

— Межзвездный вампир...

Задрожала земля; дерево, на котором сидела аборигенка, резко качнуло. Надо было спастись. Прижавшись к стволу, неслышно проскальзывая сквозь путаницу лиан, аборигенка опустилась вниз, поскользнувшись и едва не свалилась в топь. В тот же миг у горла лязгнули страшные челюсти и продолговатая голова пронеслась над нею, испачкав чужой кровью.

Аборигенка хотела метнуться назад, но застыла, парализованная ужасом — дорога назад была отрезана. С трех сторон протяжно ухала непроходимая топь. Вампир стоял, пружиня на непомерно больших грязных лапах, а маленькие передние мелко дрожали, готовясь схватить добычу.

И вдруг что-то произошло. Чудовище взвыло и прыгнуло. Раздался страшный грохот, и топь качнулась. Громадное тело, содрогаясь, провалилось куда-то. А рядом с аборигенкой на бревне стоял вездесущий Гарри в золотистом облегающем скафандре без шлема, с дымящимся бластером в мускулистых руках.

— Ах! — сказала аборигенка и упала Гарри на грудь.

Ах...

Кто-то схватил его за плечо. И Гарри, стараясь не испугать аборигенов Цереры, вылезших из джунглей посмотреть на труп Межзвездного Вампира, медленно повернулся...

— Эй... Очнешься ты наконец?

Фрэнк Хаксли уставился на Бэка, не понимая его слов.

— Командир, да проснитесь вы... Вызывают нас...

— Куда?

— Как куда — за косяком. Сами напросились.

Динамик громко кричал:

— Экипажам «Флайфиш-131», «Флайфиш-140», «Флайфиш-15» явиться немедленно в главную рубку для получения инструкций... Перед вылетом получить разъяснения у дельфинолога Комова... Вылет — через полчаса... Экипажам «Флайфиш-131»...

— Подожди, Бэк. Там что-нибудь случилось?

— Не знаю, шеф. Говорят, дельфины взбунтовались. Угнали косяк, и теперь надо его разыскивать...

Хаксли вынул из уха наушник и сладко потянулся.

— Надо же. Вот черти.

Он с сожалением взглянул на видеофон, все еще горящий кровавыми красками, и заключил:

— Надоело это все: дельфины, косяки... Нет на старушке Земле романтики, давно нет...

— Сами напросились, — бубнил Бэк, захлопывая дверь дежурки. — Никто нас не заставляет...

Они шли по темному винтовому коридору. Хаксли молчал. Он чувствовал себя виноватым и несчастным.

5. ПРЕРВАННАЯ ПРЕЛЮДИЯ

Центральная лаборатория, или, как величал ее Пан, «операторская», располагалась на полубаке. Три стены и потолок были сделаны из прозрачного, почти невидимого поляризованного стекла, и большой, суженный к носу зал казался выдвинутой в море площадкой. В хорошую погоду боковые стены и потолок убирали, и лаборатория на самом деле превращалась в площадку, защищенную от встречного ветра и взлетающих из-под форштевня брызг плавным выгибом передней стенки.

Сейчас были убраны только боковины, а потолок, в толще которого по мельчайшим капиллярам пульсиро-

вала цветная жидкость, превратился в желто-зеленый светофильтр.

Впрочем, ослепительную улыбку Гоши, молоденького капитана «Дельфина», не могли погасить никакие светофильтры. Он небрежно бросил под козырек два пальца и лихо отпартовал Пану:

— Шеф, все нормально. Координаты — 36 градусов 10 минут северной широты и 25 градусов 42 минуты восточной долготы. Лоцман требует отдать швартовы у этого каменного зуба. Жду приказаний.

Первую неделю плавания, первого самостоятельного плавания после окончания мореходного училища, Гоша провел в неприступном одиночестве на капитанском мостике. Его новенький китель вспыхивал там с восходом солнца и гас на закате.

Через неделю гордое одиночество приелось общительному капитану. Его немногочисленная команда — штурман-радист, механик и два матроса — отлично несла службу, штормы проходили стороной, приборы работали безукоризненно, и вот позади осталась ленивая зыбь Черного моря, узкое горло Босфора и утренним маревом встало Мраморное море.

Словом, вторую неделю бравый «кэп» провел на верхней и нижней палубе. С видом суровым и занятым он бесцельно слонялся среди своего налаженного хозяйства, искоса наблюдая за суматошными буднями. «Ученые братья» оказались отличными ребятами, и поэтому однажды капитан не выдержал, снял китель и фуражку, засучил рукава и стал помогать аспиранту Толе опускать за борт какую-то замысловатую штуковину, похожую на большого ежа.

Но окончательное «падение» капитана произошло в начале третьей недели, когда он впервые переступил порог «операторской». С тех пор штат центральной лаборатории увеличился на одного добровольного ассистента.

Вот и теперь Гоша был первым, на кого наткну-

лись Пан и Карагодский, едва открыв дверь «операторской».

— Стоп! Назад помалу! — в тон Гоше ответил Пан. — Сначала обстановку. Что это за остров?

— Остров? — Гоша презрительно сощурился. — Вы считаете это островом, шеф? Да этого камушка нет, наверное, даже в лоции... А название... Впрочем, сейчас скажу точно...

Островок на самом деле был неказистый. Даже не островок, а невысокая конусообразная скала, сверху донизу поросшая темно-зеленой непролазной щетиной колючих кустарников и трав, из которой робко тянулись редкие кривые стволы дикой фисташки, кermесового дуба и земляничного дерева.

Ветер тянул слева, со стороны скалы, и к привычным запахам моря примешивались пряные, дурманящие ароматы шалфея, лаванды и эспарцета, словно открылись внезапно ворота большой парфюмерной фабрики.

Гоша с треском захлопнул объемистый телеблокнот с голубым эластичным экраном, последнюю новинку изменчивой моды, и снова повернулся к Пану, который с любопытством продолжал изучать остров. Этот зеленый конус напоминал ему что-то мучительно знакомое...

— Согласно самой последней лоции Эгейского моря этот каменный прыщ именуется весьма величественно и совершенно непроизносимо — дай бог силы! — ОНРОГКГА-989681, что в переводе на нормальный язык значит «Отдельный надводный риф островной группы Киклады Греческого Архипелага...». А шестизначная цифра означает не что иное, как порядковый номер этого самого ОНРОГКГА среди подобных ему чудес природы. На месте нашего уважаемого лоцмана я бы выбирал стоянки посимпатичней. Тем более что пришвартоваться к этому чуду нет никакой возможности — он круглый, как медуза.

— Действительно, круглый... — задумчиво пробормотал Пан, последний раз внимательно оглядывая островок, и шагнул к Нине. — Ну что Уисс? Передавал еще что-нибудь?

— Вот последняя запись, Иван Сергеевич...

Нина и Пан наклонились над контрольным окном видеомэгнитофона, слышались свисты, то похожие на обрывки странных мелодий, то режущие ухо диссонансами. По лицам профессора и его ассистентки заскользили тени. Гоша тоже уставился в окошко, все трое о чем-то говорили вполголоса.

Расспрашивать, о чем они говорят, Карагодскому не хотелось, поэтому академик, прислонившись спиной к стене и упираясь обеими руками в трость, разглядывал пока «операторскую».

Академик заходил сюда три недели назад и остался весьма доволен скромным изяществом и своеобразным уютом лаборатории: поблескивали никелем и пластиком новенькие пульта, с мягким щелчком появлялись на них выдвижные полуovalы экранов, стояли динамические кресла, услужливо повторявшие любую позу человека...

Но сейчас от благолепия центральной лаборатории ничего не осталось. Скрытая проводка была безжалостно выворочена из стен, внутренности пультов вывернуты, и защитные щитки кучей валялись под ногами. Разноцветная паутина кабелей либо висела над головой на каких-то самодельных прищепках, либо путалась под ногами. Чудесные покойные кресла были заменены какими-то легкомысленными стульчиками. Лишь одно кресло осталось — на самом носу, чуть ли не над водой, но и его буйная фантазия электроников превратила во что-то среднее между электрическим стулом и высокочастотным душем. Других ассоциаций таинственное сиденье с параболой антенны на спинке не вызывало. А тощие ноги того, кто

устроил весь этот погром, — трижды безответственного аспиранта Толи — торчали из бывшего электрооргана.

— Готово!

Толины ноги беспомощно заскребли по полу, зацепились за стойку винтового стула, судорожно согнулись — и Толя, в плавках и в белом распахнутом халате, накинутом прямо на жилистое тело, оказался перед Карагодским.

— А, это вы! Привет! Пришли пощупать наше хозяйство? Давайте, давайте! Давно пора. Пан с Ниночкой тут такую чертовщину крутят, что ахнешь. Даже меня в пот вогнали. Но вы смотрите, Пана не обижайте! Он бог! В своем деле, конечно...

Решив, что разговора «для вежливости» с Карагодского вполне достаточно, Толя прикрикнул на троицу, склонившуюся над видеоманитофоном:

— Эй, орлы! Хватит баланду травить! Моя система готова к переговорам на высшем интеллектуальном уровне! Начали, что ли?

И поскольку Пан, Нина и Гоша не обратили на него никакого внимания, он взял на электрооргане несколько пронзительно высоких звуков, от которых мгновенно заложило уши:

— У-и-с-с!

И тотчас же словно ответило далекое эхо — такой же аккорд, слегка погашенный расстоянием, донесся из-за острова.

А двумя минутами позже справа по борту из голубой кипени бесшумно вырос трехметровый зелено-коричневый столб. Карагодский за свою жизнь немало насмотрелся на дельфинов, но это всегда поражало — гигант, весящий в воздухе не меньше тонны, без видимых усилий стоял на хвосте, погруженном в воду, словно для него не существовало законов физики. По очереди глянули на академика два озорных

глаза, скользнули по лаборатории и снова остановились на нем, разглядывая, внимательные, немигающие. На самом дне их царила такая нечеловеческая спокойная сила, такое пронзительное понимание, что Карагодскому невольно захотелось отвернуться.

— Уисс, миленький, рыбки! Бе-лу-га!

Гоша перегнулся через фальшборт, молитвенно протягивая Уиссу перевернутую капитанскую фуражку. Уисс открыл клювообразный рот и скрипуче захотал, вибрируя напрягшимся телом.

— Гоша, сколько у вас было в школе по географии? Вы же знаете, что в Эгейском море белуги нет.

— Там все есть, Ниночка, — убежденно ответил Гоша.

Дельфин исчез внезапно, как и появился, а Нина всерьез напустилась на капитана:

— Вечно вы, Гоша, нарушаете программу! Вы же вчера обещали прекратить, а сегодня — снова. Вдобавок при Вениамине Лазаревиче, а ему, быть может, некогда...

Гоша виновато расшаркался. Пан в одиночестве принялся гонять видеозапись, не замечая ничего вокруг.

Академик хотел было подойти к Пану, но в это время раздался сильный всплеск, и что-то большое, серебристое пролетело перед самым носом, глухо шмякнулось на пол.

— Нина... Белуга! Честное слово, белуга! Молоденькая! Крошка!

«Крошка» метровой длины яростно билась в цепких Гошиных руках, разевала зубастый полулунный рот и отчаянно раздувала жабры.

— Что случилось? — поднял голову Пан.

— Уисс принес белугу. Ну и ну! Артист... Спасибо, старик! Мы ее сейчас того... до камбуза!

И Гоша ринулся вниз, едва не сбив по дороге какого-то очень высокого, очень худого и очень смуглого человека, который предупредительно распахнул перед ним дверь.

— Вот заполоха, — одобрительно ухмыльнулся Толя. — Так, Иван Сергеевич, у меня все на мази. Можно крутить!

— Ладно, Толя, спасибо. Где же Кришан?

— Я давно здесь, — раздался за спиной Карагодского глубокий чистый баритон. — Я готов. Давно готов.

— Композитор Кришан Бхаттачария, — торопливо представил Пан смуглого Дон-Кихота. — Наш главный лингвист и толкователь дельфиньего эпоса. Вам интересно будет поговорить с ним, Вениамин Лазаревич.

И Пан юркнул в путаницу проводов, как в джунгли.

— Вам, вероятно, несколько странно присутствие гуманитария в сугубо научном обществе. — Кришан говорил с легким акцентом, который подчеркивал необычную красоту его голоса, густого и темного.

— Откровенно говоря, да...

— Я вас знаю. Вы — автор ДЭСПа. Но мистер Панфилов пошутил, назвав меня лингвистом. Я всего лишь музыкант. И очень смутно представляю себе научную суть проблем, которые здесь решаются.

— Хочу вас спросить. Я десять лет искал возможности двусторонней связи с дельфинами. И я сразу, разумеется, обратил внимание на то, что они прямо-таки шалеют от музыки. Услышав музыкальную фразу, они повторяют ее с магнитофонной точностью, потом начинают варьировать звуки, пока фраза не превратится в сплошной скрип и скрежет...

— А вам не приходило в голову, что дельфин ста-

рается таким способом понять, что сказали вы музыкальной фразой?

— Нет. Не приходило. Музыка для меня — это игра отвлеченных эмоций, и только.

— В какой-то мере вы правы. Именно так воспринимает музыку большинство людей. Потому что в обыденной жизни они пользуются иной «сигнальной системой» — словом. Но для музыканта музыка гораздо конкретней, чем обычно думают. Знаете, в консерватории мы иногда ради шутки устраивали «немые недели» — участники спора договаривались за всю неделю не произнести ни слова, объясняться можно было только музыкальными импровизациями. И знаете — получалось! Словно родился дельфином!

— Дельфином?

— Простите, я, быть может, путаю какие-либо научные тонкости, но так мне объяснял Пан — у дельфинов несколько «сигнальных систем»: одна подсобная, что-то вроде нашего упрощенного словесного языка, вторая — творческая, непосредственный обмен мыслями... Есть и другие, например «пента-волна», которой занимается Нина... Но я занимаюсь второй «системой»: музыкой, мыслями Уисса. И мы с ним неплохо начинаем понимать друг друга...

— Следовательно, вы считаете, что дельфины мыслят непосредственно музыкальными образами? Как композиторы?

Кришан не уловил тонкой иронии, которую вложил академик в свой вопрос. Он хрустнул пальцами, вывернув их под прямым углом, и ответил простодушно:

— Безусловно. Их метод мышления близок к древнеиндусской музыке, вернее, к «сангиту» — таким термином обозначают у нас единство пения, инструментальной музыки и линейно-цветового движения танца. Вот вы говорили — в музыке нельзя передать конкретный образ. У нас в Индии вас бы засмеяли. Наша древняя музыка

сугубо конкретна, даже слишком. Древние произведения делятся на большие и малые «рачи» — нечто вроде музыкальных иероглифов, описывающих предметы и события. Но каждую «рачу» тем не менее можно исполнять по-разному, толковать ее в своем ключе, добавлять или изменять детали. Таким образом, каждый раз индус видит в исполняемом произведении не условные, а конкретные факты и вещи... Впрочем, европейцу это трудно объяснить...

— Дельфину легче?

И опять Кришан не понял иронии.

— Да, дельфину легче. Они мыслят сходными цветочными музыкальными иероглифами. Такие иероглифы можно записать нотами, составить словарь понятий не только простейших, но и очень сложных, даже фантастических с точки зрения человека... Моя мечта — написать с помощью Уисса «Подводные веды» — исторический эпос жизни океана... Это будет открытие второй Земли — цивилизации гениальных музыкантов! Это будет революция в музыке!

И Кришан с удвоенной силой принялся разгибать сухие длинные пальцы, словно акробат, готовящийся к смертельному номеру.

Карагодский кивнул вежливому индусу, который заторопился к электрооргану, и снова остался в одиночестве.

— Итак, товарищи. — Голос у Пана внезапно охрип. — Мы начинаем наш первый опыт по расшифровке тайн дельфиньей цивилизации. Путь наш к сегодняшнему дню был долг и нелегок... Но день сегодня ясный! Мы должны видеть то, чего не видел еще ни один человек на Земле... Впрочем, возможно, все будет проще... Ну что там... Мы верим в тебя, Уисс!

Кришан опустил пальцы на клавиши, раздался резкий пересвист, оборвавшийся почти сразу, — и ничего больше, хотя пальцы композитора продолжали на-

жимать черно-белые плашки. И точно ватой заложило уши.

«Ультразвук, — сообразил Карагодский. — Музыка передается Уиссу в ультразвуковом диапазоне».

Пан потянул Карагодского за рукав:

— Сюда, Вениамин Лазаревич, сюда поближе, на этот стульчик.

Над пультами раскрылись веера экранов. Карагодский и Пан уселись около двух центральных, отливающих туманной зеленью. Посерьезнел над видеоманнитфоном даже разбитной Толя. Нина сидела чуть впереди, и перед ней рубиновой россыпью горел овал голографической проекции.

Кришан надел наушники. Его смуглый лоб блестел, индус вслушивался во что-то, доступное ему одному. Немного помедлив, импровизировал ответ, и ритм неслышимого разговора соответствовал ритму прибоя, бьющего в скалистые стены острова.

— Следите за экранами... Кстати, вы заметили на голове Уисса телепередатчики? Такую маленькую красную коробочку? Нет? Ну ничего... Здесь, на левом экране, мы увидим все, что увидел бы человек на месте Уисса с помощью телепередатчика. А на правом — то, что видит Уисс...

— Каким образом?

— Разве Кришан не объяснил вам? Ультразвуковой преобразователь плюс цветомузыкальная приставка плюс визуальный вход-выход ЭВМ... В ЭВМ словарь образов-понятий, чтобы Уисс мог не только показывать, но и комментировать увиденное...

— Фильм с комментариями?

— По-видимому. Я знаю не больше вашего. Уисс обещал показать историю дельфиньей расы или что-то в этом роде. А как — я не знаю.

— Солидный ответ солидного ученого...

— Бросьте вы, Карагодский. Смотрите лучше.

Уисс, вероятно, плыл по поверхности, и пока изображения на обоих экранах мало различались, если не считать того, что дымчато-голубое небо в подпалинах облаков на правом экране было неестественно выпукло и заключено в темно-синий круг, словно смотришь со дна колодца сквозь сильное увеличительное стекло. Так продолжалось минуты три.

— Откровенно говоря, Иван Сергеевич, меня мучает еще один каверзный вопросик — «зачем ума искать и ездить так далеко», как говаривал Грибоедов... Какая надобность забросила нас в Эгейское море? Если вы с Уиссом так хорошо понимаете друг друга, почему бы не устроить историко-философский симпозиум где-нибудь поближе? Совершенно бестолковый курс — сотни миль от родных берегов, Эгейское море, Киклады, какой-то дикий риф — и все в угоду неизвестным устремлениям дельфина, освобожденного от неволи! А может, ему просто размяться захотелось?

— Нет, Карагодский, не зря он привел нас сюда. Не случайно Эгейское море, не случайны Киклады...

Сейчас в зеленом луче солнца, пробившемся сквозь светофильтр, в дрожащих рефлексах от цветовой пляски на экранах, сухое и напряженное лицо Пана напоминало маску шамана, а слова падали как формулы заклятий.

— Эгейское море — колыбель человеческой цивилизации... А Киклады — это загадка в загадке... Здесь родился бог морей Посейдон... Что мы знаем о крито-микенской культуре?

— Я почти ничего. Я не археолог и не историк. Я дельфинолог.

— Но именно на фресках дворца в Киоссе появляются дельфины, несущие души умерших в мир иной...

— Это вполне естественно! Островные жители поклонялись морю, и дельфины были у них священными животными!

— А таинственные подземные ходы, которые вели прямо в море? В одном вы правы: загадка подобна облаку. Один видит в нем храм, другой — ком ваты. Однако я очень советую вам на досуге заняться крито-микенской культурой. Для дельфинолога в ней много любопытного.

— Не хотите ли вы сказать, что крито-микенскую культуру изобрели дельфины?

Пан не ответил, потому что изображения вдруг изменились.

— Иван Сергеевич, Уисс пошел в глубину у самого острова.

— Спасибо, Ниночка, вижу. Кришан, вы сейчас только слушайте — вопросы задавайте в крайнем случае, чтобы не мешать передаче.

Теперь изображения резко отличались друг от друга. Но лишь на первый взгляд. При внимательном сравнении и изрядном терпении можно было уловить сходство между жутковатыми фантазмагориями правого экрана и бесстрастным реализмом левого.

Уисс шел в глубину медленно, и красота подводного мира предстала перед учеными словно в окне батискафа. Прямые лучи солнца, преломленные легкой зыбью на поверхности, медленно кружились туманными зеленовато-голубыми столбами, входя друг в друга, переплетаясь и снова расходясь, оттененные непроницаемым аквамарином фона. Серебристый, с черными поперечными полосами морской карась, попав в полосу света, замер, недовольно шевеля плавниками и тараща красный глаз, а потом, не изменив положения, медленно опустился вниз, за пределы зрения телепередатчика. Торопливыми частыми толчками проплыл корнерот, похожий на перевернутый вверх дном белый горшок с цветной капустой. Вслед за ним, закладывая безукоризненно плавный вираж, вылетела суматошная стайка сардин, но, с ходу налетев на ядовитые щупальца ме-

дузы, сломала строй, рассыпалась елочным дождем. Теперь корнероту торопиться было некуда, и он повис, облапив неожиданную добычу, чуть покачиваясь в танцующих столбах света.

Правое изображение объективно повторяло все, что происходило на левом. Но что там творилось! В непомерной пустоте, лишенной намека на перспективу, громоздились, наползая друг на друга, непонятные, фантастически искаженные объемы, с мгновенностью удара рождались и гасли загадочные спирали, параболы, сдвоенные и строенные прямые, расползались и съеживались предельно насыщенные цветом неправильные пятна и бледные, едва видимые круги. Бедный карась оказался распластанным минимум на шесть проекций, которые, накладываясь одна на другую, мигом сконструировали такое чудище с четырьмя хвостами между глаз, что Карагодский нервно расхохотался:

— Ну и ну! Еще один сумасшедший!

— Что вы сказали?

— Я был недавно у своего друга, известного нейрохирурга. Ему удалось получить уникальные фотографии: как видит мир человек, больной шизофренией. Очень похоже. Может быть, Уисс тоже того? Никакой не вожак, а просто сумасшедший?

— Простите, Вениамин Лазаревич, одну минуту...

Уисс круто пошел вниз. На левом экране заметно потемнело, танцующие столбы исчезли, а сбоку сквозь густую синеву проступило что-то большое и красное.

Пан прибавил усиление.

Большое пятно оказалось подножием рифа в сплошных зарослях благородного коралла. Причудливые, сильно разветвленные кусты всех оттенков красного — от бледно-розового до багрово-черного — полностью закрывали грунт. Искривленные толстые ветки, словно вешним цветом, были усыпаны белоснежными полипа-

ми, и между ними сновали торопливые полосатые рыбки с забавно обиженными физиономиями. Изредка среди этого красного сада попадались игрушечные домики органчика и пышные букеты анемонов, лениво сплетающихся и расплетающихся изумрудно-зеленые плети щупалец.

Боком, прячась за камнями, побежал рак-отшельник, таща на раковине двух похожих на шоколадные торты актиний. Морской конек, зацепившийся хвостом за ветку коралла, рассерженно фыркнул на него, сплющив подвижный нос.

Внезапно перед самым объектом со дна что-то полыхнуло, подняв тучу мути. Большие мягкие крылья на миг заняли половину экрана, и большой скат изящными взмахами плавников совсем по-птичьи взлетел над коралловым лесом.

Ручка усиления дошла до предела, а изображение все меркло и меркло, пока не превратилось в сплошную густо-синюю ночь. Уисс уходил все глубже.

— Иван Сергеевич, — раздался тревожный голос Кришана, — Уисс что-то говорит, но я не могу понять...

— Почему?

— Совершенно другая система сигналов. Линейная. Это не рассказ. Это что-то другое. Но что — не знаю. Почему он перешел на другие сигналы? Чего он хочет?

— Это я вас должен спросить, чего он хочет... Дайте звук!

Стонушая, нереальная под этим ярким солнцем, над этим ласковым морем, необычная мелодия полилась из динамика. Да, слух не обманывал — это действительно была мелодия, диковинная, но все-таки понятная сердцу, и столько нечеловеческой грусти и покорности было в ней, что холодели руки.

Нина подалась вперед, к экрану. Бхаттачария разминал пальцы. Пан сидел, стиснув виски ладонями.

Присмиривший Толя бесцельно наматывал на руку какой-то желтый провод. Два других лаборанта, оторвавшись от приборов, во все глаза смотрели на Пана с безмолвным вопросом.

А Карагодскому стало вдруг пусто. Он словно увидел себя со стороны — важного, увенчанного званиями и ничего не значащего, потому что ничему не отдавал он целиком всего себя, как Пан...

Левый экран давно погас — с телепередатчиком что-то случилось. А по правому, в алых сполохах, едва уловимые глазом, неслись линии, горизонтальные и вертикальные, то прямые, то ломаные, они сталкивались и сгорали, оставляя мгновенные белые молнии.

— Это говорит не Уисс, — тихо и как-то чересчур спокойно произнес Кришан. — Это кто-то другой. — Мне кажется, это спор, — добавил он, помолчав. — Уисс спорит с кем-то. Но если верить гидрофонам, в радиусе десяти километров нет ни одного дельфина, кроме...

Стонущая мелодия оборвалась, сменившись редкими тихими аккордами, похожими на всхлип волн. По экрану, расходясь, поплыли фиолетовые круги.

— А это Уисс... Его «почерк»...

Пан горбился, словно собираясь прыгнуть в зеленый омут экрана. Движение фиолетовых кругов прекратилось, они вошли друг в друга и замерли — шесть колец, вложенных одно в другое, а в самом центре засветилась неверная звездочка. Вот звездочка дрогнула, стала приближаться, и все ярче и острее становились ее точеные лучи. Звезда росла, лучи ее протыкали круг за кругом, и круги исчезали, освобождая путь — первый, второй. Но едва только тонкие острия коснулись третьего круга, что-то случилось: звезда налилась кровью, лучи превратились в судорожно трепещущие языки пламени. Синяя молния прошла звезду наискось, звезда съежилась, расплылась и стала желтым шаром солнца, встающего из моря...

— Кришан! — взмолился Пан. — Что это значит?

— Вероятнее всего то, что Уисс прекращает передачу по непредвиденным обстоятельствам. А солнце — символ ожидания и надежды. Он надеется на лучшее и призывает нас к терпению.

— Но почему? Что за обстоятельства?

Кришан пожал плечами.

— Остроконечная звезда — это у дельфинов, видимо, символ Знания, движения Поиска. А концентрические круги — это формы Знания, его ступени. Очень сложные «рачи», связанные скорее всего с философскими концепциями, о которых мы не знаем ровно ничего... Вы видели, как, соприкоснувшись с третьим кругом, звезда превратилась в горящее пятно — Глаз Гибели, символ опасности... Значит, Знания Третьего круга таят в себе опасность...

— Для кого — для нас или для них? — спросил Карагодский.

Пан посмотрел на него с удивлением.

6. МАЛЬЧИШКИ

Утро только начиналось, и с прибрежных гор тянуло холодом и сыростью. Только снизу, из серой пелены, от невидимого моря, тянуло уютным домашним теплом.

Юрка остановился в нерешительности перед самшитовой стеной шоссеного ограждения. До ближайшего подземного перехода надо было сделать крюк метров в триста, а разве мог он сейчас терять хотя бы одну лишнюю минуту? Джеймс, наверное, уже на берегу. Этот длинноногий англичанин всегда и всюду поспевал раньше других.

Юрка умел пробираться сквозь самшит. Сначала он погрузил в плотную зеленую стену обе руки. Когда коварный кустарник «привык» и острые колючки переста-

ли ранить кожу, он медленно ввел в стену плечо, потом ногу. Самое главное — не торопиться, не «спугнуть» спящие ветки. И еще ни в коем случае не думать, что тебе надо пробраться сквозь изгородь. Потому что — в этом Юрка был уверен — кустарник умел читать мысли. Стоило только подумать о конечной цели, сделать единственное неосторожное движение — и тысячи крошечных зубов вопьются в твои штаны, рубашку, тело и будут держать мертвой хваткой до тех пор, пока ты не рванешься с воплем из зеленой гуши.

Все обошлось благополучно, если не считать одной-двух царапин на щеке. Перед тем как штурмовать вторую полосу заграждений, Юрка с наслаждением потоптался на пустынном полотне дороги. Пластик, влажный от росы, смешно хрюкал под босыми ступнями и приятно грел озябшие подошвы.

Успешно преодолев второй ряд самшитовых зарослей, мальчик вышел к узкому распадку. Огромные деревья с обеих сторон ущелья сплелись вершинами, и под ними было всегда темно. В этой естественной трубе в любую погоду, в любое время дня гудел ветер. Только утром он дул с гор, а вечером с моря.

Заросли в распадке были непроходимы, но мальчик знал здесь свою тайную тропу — каменистое ложе ручья. Весной ручей превращался в бурный желтый поток с многочисленными порогами и водопадами, копать в котором, несмотря на запреты, было гораздо интереснее, чем в море. Летом ручей пересыхал, оставляя едва заметную дорожку из гладко отшлифованного камня. Дорожка была небезопасной: на нее выползали иногда юркие маленькие змейки, от укуса которых нога распухала и поднималась температура. Но если ранку сразу расковырять до крови, а потом поболтать ногами минут десять в морской воде... Вы думаете, она заживет? Ничего подобного! Надо после ванны приложить к ранке горячий круглый камешек, обязательно с дыр-

кой посередине, и тринадцать раз повторить вслух: «Змей, не смей!» Вот тогда обязательно заживет.

Спускаясь по тропинке, Юрка чуть не наступил на метрового полоза, который тоже направлялся к морю. Полоз мгновенно свился в разноцветную восьмерку, но с дороги не уполз — мокрая холодная трава была ему не по нраву. Юрка присел на корточки, осторожно дотронулся до полоза — тот вздрогнул и замер. Мальчик провел по оливковой, в желтых крапинках и ромбах спине, и змея доверчиво развернулась, Юрка взял полоза в руки, обвил вокруг шеи и вприпрыжку помчался по каменному желобу.

Труба вывела его к самой кромке прибоя, на узкую полосу темной гальки, зажатую между обрывом, наминавшим слоистый вафельный торт, и валунами заброшенного волнолома. Море дышало мерно, и белые лапы прибоя лениво царапали гальку. Только в тяжелые лбы валунов море ухало со всей силы — земля вздрагивала под ногами. За валунами была бухточка, где даже в шторм вода оставалась удивительно спокойной. Здесь они с Джеймсом держали свою моторку и всякие рыболовные снасти.

Но сейчас здесь не было ни Джеймса, ни моторки, а только обидная записка, придавленная камнем: «Прийти тобой второй рейс. Не можно так долго спать. Рыба хохочут. Джеймс».

— Рыба хохочут! — передразнил Юрка и показал записке язык. — Веснушка курносая! Зануда! У меня мама скоро кандидатом будет, а все равно всегда просыпает... Долго спать! Сон — это самое полезное для здоровья. Нервную систему укрепляет...

Полоз сочувственно дотронулся раздвоенным язычком до свежей царапины на щеке. Язычок был холодный и щекотный.

Юрка вылез на валун. Туман уже начал отслаиваться от воды, между пушистыми белыми клочьями и бле-

стоящей зеркальной поверхностью образовалось чистое пространство, и этот узкий горизонтальный просвет уходил далеко-далеко. В привольном бело-голубом далеке краснело маленькое пятнышко моторки. До Джеймса было не меньше двух километров — вплавь никак не добраться. Но ждать на берегу, пока Джеймс, лихо свесив ноги за борт, бормочет какие-то волшебные английские слова, заклиная поплавок дернуться, — нет, это выше сил!

Юрка, наклонившись к самой воде, чтобы дальше было слышно, просвистел условленную трель:

— Фью-и-и-осс!

Что-то стремительное, темное и страшное встало перед Юркой во весь огромный рост, окатило брызгами с ног до головы, свистнуло в лицо и, прежде чем мальчик успел что-либо сообразить, исчезло.

Юрка как стоял, так и сел в воду в штанах и рубашке и сидел в воде по плечи, боясь пошевелиться. Даже удрать сил не было.

Очередной накат ткнул в лицо и чуть не свалил на спину, а потом потащил за плечи в глубину. Мальчик вскочил на ноги, фыркая и отплевываясь от соленой воды, и протер заслезившиеся глаза.

Вокруг было по-прежнему тихо, спокойно и пусто.

Впрочем, нет. В сотне метров от валуна, немного правее далекой моторки, торчал из воды плавник. Он не двигался ни туда, ни сюда — просто торчал на месте, словно черно-зеленый флажок на зеркальной поверхности.

— Дельфин! — облегченно вздохнул Юрка. — Ах ты проказа! Негодник этакий! Конечно, я не испугался, а просто поскользнулся. От неожиданности. Вот перед тобой бы так выпрыгнули, посмотрел бы я, что бы ты делал... Откуда я знал, что ты дельфин, а не акула?

Юрка отлично знал, что в Черном море из всего страшного акульего племени водятся только безобид-

ные пугливые катранчики, но это не меняло дела. Он даже пожалел, что чудовище оказалось обычным дельфином, а не «тигром морей». Вот если бы это была акула, вот тогда бы он...

Флажок нехотя двинулся от берега в открытое море.

Это никак не входило в Юркины планы. Он только что снял мокрую одежду, разложил ее на гальке сушиться, а сам приготовился к долгой беседе, чтобы хоть как-то скоротать время. Конечно, дельфин не ахти какой общительный собеседник, но это все-таки лучше, чем разговаривать с мертвыми валунами.

— Дельфин, — закричал Юрка, махая рукой. — Куда ты? Иди ко мне! Здесь хорошо, тихо!

К великому Юркиному удивлению, флажок остановился и даже сделал несколько неуверенных зигзагов в направлении берега.

— Ко мне, ко мне!

Но флажок топтался на месте, не обнаруживая особого желания приблизиться.

Мальчик испробовал все: он звал дельфина на все лады — и как собаку, и как кошку, и как курицу, разыгрывая целые пантомимы, делая вид, что он поймал рыбу, просто приглашал словами и жестами, улегшись на живот и загребая руками, наконец, отыскав в карманах полиэтиленовую рыбку-блесну на обрывке лески, попробовал приманить дельфина ею.

Все было бесполезно. Флажок торчал на месте как приклеенный.

Помог полоз.

Обеспокоенный странным поведением своего случайного хозяина, он долго вертелся на шее, пытаясь вернуть утраченный покой, а потом вдруг довольно ощути-мо цапнул мальчика за ухо. И вдруг Юрку осенило.

Наклонившись к воде, он просвистел боевой пароль:

— Фью-и-и-ссс!

Флажок дернулся и стал описывать замысловатые кривые, которые все ближе подходили к берегу. А Юрка свистел и свистел, пока у него не зазвенело в ушах от собственных трелей.

Дельфин сделал последний круг и неторопливо вошел в бухту. Он остановился совсем недалеко от камня, на котором сидел мальчик. Вода в бухточке была достаточно прозрачна, и Юрка мог детально рассмотреть своего нового знакомого.

Дельфин как дельфин. Темно-зеленая спина, светло-серое брюшко. И совсем не такой большой, как показалось со страху, — мелкий. И зубы в клюве мелкие. А на крутом лбу белая отметина, как у Уисса.

Расставил в стороны боковые плавники и смотрит. Глаза озорные-озорные, как у Джеймса, когда тот подстроит очередную каверзу. Только не серые, а густо-карие, почти черные.

— Ну что смотришь? Страшно?

— А что такое — страшно?

Юрка оторопело уставился на дельфина. Он мог поклясться, что дельфин рта не открывал. Но, кроме него, задавать вопросы было некому.

— Это ты меня спросил сейчас?

— Я, — ответил дельфин, не открывая рта.

Юрка с тоской посмотрел на далекую моторку Джеймса. Вот, оказывается, какие дела. Он не только проспал утреннее свидание с Джеймсом, но и спит до сих пор. И все это ему снится.

— Ты не спишь, — сказал дельфин.

Мальчик с опаской поджал под себя ноги и начал подниматься с камня. Сон это или не сон, но если дельфин умеет читать мысли...

— А ты не умеешь? — спросил дельфин.

Да, с таким собеседником держи ухо востро. Хотя что страшного? Дельфины добрые, они никогда не трогают человека. Если есть говорящие скворцы, то поче-

му не быть говорящим дельфинам? Скворец глупый, а дельфины умные, почти как люди. Об этом мама сколько раз говорила. И Иван Сергеевич тоже. Только вот почему Уисс ни разу не заговорил по-человечьи? А этот говорит...

— Ты говорящий, да?

— Я не знаю, что такое «говорящий».

— Ну вот мы с тобой сейчас разговариваем. Как мы понимаем друг друга?

— Я не знаю. Я еще маленький. Мама знает.

— А где твоя мама?

— Близко. В море. Она отпустила меня играть.

— А почему ты не открываешь рта, когда говоришь?

— Рот открывают, когда едят. Когда думают, рта открывать не надо. Я слышу твои мысли, но не знаю, зачем ты открываешь рот. Ты хочешь есть?

«Дурень», — подумал Юрка и тут же испугался: вдруг дельфиненок обидится? «Это я на себя сказал — дурень, не обижайся». Но не тут-то было — мысли словно с привязи сорвались, никогда Юрка не предполагал, что у него такая суматоха в голове, а надо думать так, чтобы дельфиненок все слышал, вернее, все ему слышать не надо, потому что в голову лезет всякая чепуха, а ведь он, Юрка, сейчас представитель человечества перед представителем дельфинов, надо думать что-то очень умное. Что же еще у него спросить?..

— Я ничего не слышу. Ты думаешь очень сбивчиво и непонятно. Думай громче и медленней.

И тут в целях спасения человеческого престижа Юрка решился на маленький обман — ради науки, разумеется. Он заговорил:

— Люди всегда открывают рот, когда думают громко. Понимаешь, такое свойство. Особое. Поэтому, когда я буду открывать рот, это не значит, что я захотел есть, — это я думаю. Понятно?

— Понятно.

Туман уже почти совсем разошелся, открыв зеленоватое утреннее небо. Вдоль побережья потянул бриз. Горы неохотно просыпались, потягивались, поднимали к небу каменные головы, становясь на дневную вахту.

Мальчик зябко повел плечами, не очень ясно представляя, что, собственно, делать с дельфиненком дальше. Первое удивление прошло, знакомство состоялось, общий язык найден, что же дальше? В гости к себе его не позовешь, с мальчишками во дворе не поиграешь, в турпоход не пригласишь, телефильм не посмотришь... Интересно, что в подобных случаях делают ученые?

Дельфиненок, видимо, испытывал те же сомнения. Он нервно шевелил ластами, не зная, направиться ли ему в море, или остаться в бухте. Контакт грозил прерваться в самом начале и самым печальным образом.

Юрка отыскал у горизонта красное пятнышко. Джеймс сидит там себе и не знает, какие удивительные вещи здесь происходят.

— У тебя есть друзья?

— Все дельфины — друзья.

— Я говорю о таких, как ты.

— Есть. Очень много. Они далеко. В море.

— А здесь?

— Нет.

— Хочешь, я буду твоим другом?

— Хочу.

Юрка хотел по древнему мальчишечьему обычаю протянуть руку, но вовремя спохватился — вряд ли ласты дельфина пригодны для рукопожатий.

— Меня зовут Юрка.

Дельфиненок попробовал изобразить это имя вслух, и у него получилось что-то похожее на «Хрюлька». Мальчик чуть не свалился с камня от хохота. Дельфиненок на радостях выпрыгнул из воды, хрюкнул еще раз и тоже скрипуче засмеялся, открыв зубастый клюв.

— А тебя как зовут? — спросил Юрка, отсмеявшись.

— Фью-и-и-sss, — лихо просвистел дельфиненок заветный пароль.

— Как, это твое имя?

— Так меня зовут.

— И потому ты приплыл на свист?

— Да.

— Вот это здорово! А почему ты не подплыл сразу?

— Я не хотел помешать тебе. Ты делал что-то очень сложное.

— Так это я тебя так подманивал!

Оба снова залились счастливым смехом, один — вытирая слезы и хлопая себя по коленям, другой — высоко выпрыгивая из воды и разевая клюв.

— Ой, вот Джеймс будет смеяться! Умора!

— Кто такой Джеймс?

— Мой друг. Видишь, далеко лодка? Это Джеймс ловит там рыбу и ничегошеньки не знает! Он скоро вернется. Мы подождем его, правда?

— Зачем ждать? Поплывем!

Юрка огорченно опустил голову.

— Хорошо тебе говорить — поплывем! Я не доплыву — далеко. И никто не доплывет. Только чемпион какой-нибудь.

— Я помогу.

Мальчику даже страшно стало: а вдруг это все-таки сон и он сейчас проснется? Проснется, так и не успев прокатиться на дельфине... Затаенная мечта мальчишек всего мира, полузабытая детская сказка... Ну почему нет никого на берегу? Почему его собственная автоматическая кинокамера валяется сейчас на столе, в номере гостиницы?

— А как? — неуверенно спросил Юрка, уже по пояс войдя в воду.

— На спине. Я сильный.

Кожа у дельфиненка была удивительно мягкая и невероятно скользкая — никак не ухватишься. Но после

нескольких попыток мальчику удалось устроиться довольно основательно: спинной плавник поддерживал сзади, как спинка кресла, а колени прочно упирались в боковые ласты. Из такого сиденья не вылететь даже на большой скорости. И руки стали свободными.

Бриз потихоньку раскачал море, и накат усилился. Волны со скрежетом грызли гальку, оставляя на берегу ключья пены. От берега пахло йодом и солью.

Дельфиненок выходил из бухточки осторожно, опасаясь то ли за себя, то ли за всадника. Когда волна откатывалась, он замирал, чтобы при новой волне отвоевать еще один десяток метров, — и так раз пять.

Наконец валуны остались позади.

— Держись!

Тугой воздух ударил в лицо мальчику и засвистел в ушах. Из-под коленок выросли два лохматых крыла водяной пыли. Юрка от неожиданности схватился обеими руками за ласты, но потом выпрямился — сначала робко, потом уверенно.

Какая моторка, какой катер! Такого он не испытывал никогда. Это был изумительный полет. Можно было закрыть глаза и слушать, как замирает сердце, когда ты повисаешь в пустоте, перелетая с волны на волну.

Когда мальчик открыл глаза, красная лодка была совсем близко. Они подплыли неслышно и стремительно, и поэтому Джеймс их не заметил. Он сидел, уставившись на поплавки, и клевал носом...

Триумф был полный. Пока Джеймс приходил в себя, дельфиненок с Юркой подняли в воде такой тарарам, что чуть не перевернули лодку. Они выписывали вокруг немыслимые спирали и восьмерки, уносились в открытое море и возвращались снова.

Потом Юрка перелез со спины дельфина в моторку, а его место занял Джеймс, и все началось сначала — англичанин, растеряв остатки хваленного спокойствия, визжал, вопил, орал не своим голосом какие-то пират-

ские песни, а дельфин свистел, скрипел, хрюкал — и все вокруг кружилось, летело, падало и снова взлетало, и тощая фигурка светловолосого мальчишки на живой зеленой торпедке неслась и неслась сквозь холодное пламя моря.

Наконец все трое умаялись и, совершенно измученные, улеглись отдыхать — мальчишки на дно лодки, а дельфиненок рядом на волну.

И тут Юрка обнаружил интересную деталь: Джеймс совершенно свободно лопотал с дельфином по-английски! Юрку это немного задело: ведь первым установил контакт он, а не Джеймс, поэтому дельфин хотя бы из уважения должен думать по-русски. Он спросил дельфина почти сердито:

— Откуда ты знаешь английский язык?

— Я не знаю, что такое английский язык.

— Но ведь ты слышишь мысли Джеймса?

— Да.

— И мои мысли слышишь?

— Да. Когда ты думаешь громко.

— А мы с Джеймсом понимаем друг друга очень плохо.

— Почему?

— Потому что мы говорим на разных языках. Ну, как тебе объяснить? Я, например, называю берег «земля», а на языке Джеймса он называется «лэнд».

Дельфиненок подумал с минуту, потом свистнул.

— Я, кажется, понял. У нас тоже в разных морях есть разные свисты. Если свистит дельфин из холодного моря, то дельфин из теплого моря этот свист не поймет. Но все дельфины умеют думать одинаково...

— Выходит, и люди думают одинаково, а только говорят на разных языках?

— Вы с Джеймсом думаете одинаково, и я одинаково хорошо слышу ваши мысли.

— Вот здорово! Если бы люди умели читать мысли,

как дельфины, то не надо было бы учить иностранные языки!

От полноты чувств Юрка изо всей силы хлопнул Джеймса по плечу.

— Слышишь, Джеймс, тогда мне не надо было бы зубрить английский! Ура!

Джеймс непонимающе нахмурился и спросил что-то у дельфиненка. Судя по движению плавника, тот перевел. И Джеймс вдруг разулыбался до ушей и тоже ударил Юрку по плечу:

— Энд я нет изучал русский язык! Ура!

Дельфиненок насмешливо заскрипел.

Юрка повернулся на спину и стал смотреть на облака. Еще час назад они низко висели над морем, а сейчас поднялись высоко-высоко и походили на белые пятнышки в сиренево-синем небе. И от этого мир стал большим и просторным, а их лодка маленькой-маленькой. И бриз утих — ему просто не хватало силы стронуть с места столько воздуха и света. Он свернулся клубочком где-то в ущелье и ждал вечера. Когда солнце будет садиться, облака снова опустятся ниже, и мир уменьшится. Тогда бриз выйдет на волю и примется гонять вдоль побережья мелкую зыбь. А потом придет ночь, и море сольется с небом: звезды вверху, звезды внизу, тишина вверху, тишина внизу. А потом из моря встанет заспанная луна. Она будет идти по небу, постепенно уменьшаясь и бледнея, так что утром от нее, как от растаявшей во рту конфеты, останется только тонкий полупрозрачный диск. И потом все повторится сначала...

— Ты приплывешь сюда завтра?

— Да.

— Послушай, тебя надо как-то назвать по-человечьи. Давай мы будем называть тебя Свистун.

— Суистун! Хорошо, вери гуд, — как эхо отозвался Джеймс.

— Су-ис-ти-ун!!! — локомотивным сигналом пронеслось над морем, и все трое засмеялись.

Все-таки это необычный дельфин, думал Юрка. Нездаром у него знак на лбу. То, что он приплыл на свист, конечно, здорово, но в этом нет ничего необыкновенного: с помощью «дельфиньего эсперанто» можно не только звать, но и переговариваться с дельфинами. Об этом в учебнике написано.

А вот о том, что с дельфинами можно разговаривать без всякого «эсперанто», — об этом нигде не написано. Может, такого еще не случалось? Иначе зачем изобретать всякие там ДЭСы и прочие хитрые вещи?..

А может, случилось, да не поверили... Это вот Юрка знает, что дельфины разумные существа, а если кто не знает? Услышит он голос внутри себя — подумает, почудилось. А если человек несовременный, религиозный — подумает еще невесть что.

Так что, если рассудить здраво, ничего особенного в сегодняшнем происшествии нет. Просто счастливый случай.

Юрка потерял щекой о нежную кожу нового друга. Нет, все-таки произошло чудо! Вообще чудес на свете много бывает, но все они приключаются почему-то с другими. Но вот теперь...

Дельфиненок вздрогнул и метнулся от лодки.

— Мама зовет, — виновато сказал он.

Друзья понимающе переглянулись.

— Ну что ж, — со вздохом сказал Юрка. — До завтра!

— До завтра!

Дельфин скрылся в воде, словно его и не было.

— До завтра! — прозвучало где-то внутри, стуком крови в ушах.

И вдруг у самой кромки горизонта, уже начавшей таять в полуденном мареве, донесся лихой разбойный пересвист:

— Хри-юль-ка! Джи-эй-им-изс! Су-ис-ти-ун!

Мальчишки разом вскочили, замахали руками, до рези в глазах вглядываясь в слепящую даль. Но ничего не увидели.

Джеймс молча завел мотор. Каким неуклюжим корытом показалась им сейчас их алая крылатая лодка с инициалами «Джи» и «Ю» на покатоном носу!

Уже у самого берега Джеймс спросил:

— Ты будешь рассказать отец за Свистун?

— Нет, — подумав, ответил Юрка. — Он все равно не поверит. Вот мама — та бы поверила. Она ведь все про дельфинов знает. Но мама далеко...

7. ПЕНТА-СЕАНС

Здесь, на высоте, было нежарко, но океан внизу под горячим дыханьем пассата парил и туманился, как запотевшее стекло. Небо тоже не радовало чистотой, хотя на нем не было ни облачка. Полуденное марево гасило краски, и даже солнце в зените выглядело бледным и потным. Где-то там, в стратосфере, нес обратным курсом океанскую влагу антипассат: ветры вблизи экватора работали неутомимо и бесперебойно, как горизонты метро.

Полуденный пассат располагает к созерцанию и лени, но сегодня покой океана был как занавес на сцене, который вот-вот взвоется и откроет поле невиданных событий и небывалых действий.

С двух сторон шли навстречу друг другу два клина, две армии: одна — безоружная и ничего не подозревающая, другая — закованная в сталь, вооруженная до зубов хитрой механикой и готовая к неожиданной сокрушительной атаке. С одной стороны верещали, свистели и скрипели дельфины, ровняя строй тунцов, не уступающих им по размерам и силе, с другой — верещали эхо-

лоты, пересвистывались боцманы, скрипели лебедки, пряча под воду цепкие ячейки необъятных тралов.

У каждой армии был свой предводитель. Одной беззвучно командовал большой дельфин-альбинос с белым пятном на лбу, другой — седой и грузный старик в белом капитанском кителе. Одного звали Сусип, другого — Тарас, но они не знали друг о друге.

А между двумя сходящимися клиньями, как челноки в ткацкой машине, сновали взад и вперед четыре «Флайфиша», оставляя за собой цветные шерстистые нити — следы. Рыборазведчики трассировали курс, чтобы рулевые могли направить свой сейнер в тунцовый строй с точностью брошенного гарпуна.

Два косяка — живой и железный — сближались.

Тарас Григорьевич оторвался от стереотрубы: ход рыбы был виден простым глазом. Дельфины, конечно, тоже видели корабли, но скорости не снизили. Дельфиньи крики в гидрофонах зазвучали резче и настойчивей, словно погонщики решили протаранить тунцами и корабли и тралы.

— Лихо идут, — бурчал старый рыбак, вытирая вышитым платком мокрую шею. — А куда спешка? И зачем им прорва такая?

Что-то неправильное чудилось Тарасу Григорьевичу в этом огромном косяке, что-то тревожащее. Он всматривался в «плешь», в завихрения и водовороты, уже видные на поверхности, в лаковые выгибы дельфиньих спин, переводил глаза на небо, цветасто заштопанное трассами «Флайфишей», пыхтел, не вынимая трубки: «Начадили тут, дохнуть нечем», но во всем этом привычном не хватало какой-то малой детали, какой-то пустяковины, а чего именно, Тарас Григорьевич понять не мог. И это его сердило. Но думать ему не дали.

Когда до косяка оставалось не больше трех километров, дельфины начали действовать. Первым маневр дельфинов заметил Фрэнк Хаксли, вернее, даже не

Фрэнк, а Бэк. Радист поддался всеобщему возбуждению и палил шашку за шашкой, оставляя за хвостом гидросамолета такие клубы дыма, что кто-то из соседей поинтересовался, не сигналил ли он на Луну.

Итак, Бэк посмотрел вниз и сказал:

— Ого!

Столь бурное изъяснение чувств заставило Хаксли повнимательнее всмотреться в острое рыбьего клина, над которым они делали очередной разворот. Острое мало-помалу превращалось в трезубец с широко разогнутыми крайними лезвиями.

— «Флайфиш-131» — флагману! Косяк разделяется на три части: центральная по-прежнему идет на вас, а две — в обход слева и справа! Они увеличили скорость!

— Курсы! Все три, — рявкнул Тарас Григорьевич, и, когда несколько секунд спустя прозвучали точные цифры, он мог уже без карты сказать, что дельфины выиграли первый раунд. У фланговых косяков теперь было преимущество в скорости: громоздкие корабли, да еще с сетями, не смогут так быстро развернуться и отрезать им путь. Расчет был точным: начини дельфины маневр чуть раньше или чуть позже, можно было бы что-то предпринять. А теперь две трети улова... О них надо забыть, чтобы вообще не остаться пустым.

— Ах, бестии подводные, кальмар вас задери, ах, черти зеленые, тридакну вам в клюв, — по всем морским правилам костерил Тарас Григорьевич коварного «противника». — Облапошили на старости лет... «Онега», «Звездный»!

— «Онега» слушает!

— Есть «Звездный»!

— Давайте разворачивайте помалу...

— Так разве успеешь?

— Если только тралы свернуть... Да и то... Пока провозишься...

— Надо брать тех, что идут на нас. Перехитрить

надо. Они хотят, чтобы мы растерялись, рассредоточились, погнались за двумя зайцами. В разные стороны. А тем временем сквозь дыры и центральная орда проскочит. Так что надо сделать вид, что мы клюнули. Разворачивайтесь, да не шибко. Они тогда опять на три разделятся, чтобы два фланга между мной и вами пропустить. А вы тут задний ход и тралы под нос: пожалуйста! Усекли?

— «Онега» — ясно.

— «Звездный» — к выполнению приказа приступил.

Через минуту, когда «Флайфиш-89» сообщил, что оставшийся косяк снова разделился на три и не снижает скорости, старый капитан успокоенно сунул в рот погасшую трубку:

— Так-то...

База все это время благо разумно помалкивала, понимая свою неспособность помочь делу. И только дельфинолог Комов никак не мог успокоиться, нудел без конца о позоре, свалившемся на Базу и на его голову, и грозил страшными карами подопечным дельфинам-загонщикам, если они вернуться.

— Ты, наука, не дребезжи, — не выдержал Тарас Григорьевич. — Есть дело — говори, а нет — помолчи. Тут и без тебя слабонервных хватает...

И, отложив переговорник, взялся за мегафон: передовые порядки тунцовой эскадры были уже в нескольких сотнях метров.

Наперебой загудели «Онега» и «Звездный», резко изменив курс: гудки их смешивались с пронзительными криками дельфинов, чересчур поздно разгадавших уловку людей; вода вокруг забурлила; остановить живую лавину, несущуюся в западню со скоростью междугородного экспресса, не мог уже никто.

— На эхолотах, смотреть в оба! — Усиленный мегафоном голос капитана гремел победоносно. — На лебедках, чуть что — травите средние сети — рыба попытает-

ся пройти низом! Задние сети не травить — остатки снова пойдут к поверхности, а мы их — хоп!

Распоряжаясь, Тарас Григорьевич краем глаза посматривал на океан. Сети постепенно заполнялись, тяжелели, а тунец все шел и шел. Дельфины ныряли возле кораблей, сотни острых плавников то там, то сям пропарывали бурлящую воду, как лезвия гибких ножей. И вдруг, неожиданно для всех, стали рвать сети и отгонять рыбу. Прошло совсем немного времени, как все было кончено и освобожденный косяк ушел в океан.

Флотилия возвращалась на Базу, как похоронная процессия. Сети были испорчены, трюмы пусты. Косяк исчез, словно растворился: ни гидролокаторы других баз, ни «рыбогляд» даже остатков его не нашли.

По этому случаю, а также по случаю официального выхода на пенсию старого капитана в кают-компания «Онеги» состоялся прием. «Удачливый» показался рыбакам маловат для раута на капитанском уровне.

Согласно ситуации Тарас Григорьевич был грустен и молчалив. Закусывали, словно издевались над собой — консервами «Тунец в собственном соку».

— Одного не могу понять, — сказал вдруг Тарас. — Чего-то не хватало в проклятом лове, чего-то очень знакомого...

— Рыбы, — засмеялся кто-то с набитым ртом.

— Птиц не хватало сегодня: ни чаек, ни даже фрегатов, — пропел со своего места Тасис.

— Чертушка! Гомер рыжий! А я-то, старый осел... — Тарас вскочил, опрокинув стул. — Конечно, птицы! Они же за нами как приклеенные ходят! А сегодня — ни одной!

— Ну и что?

— А то, что даже птица не трогала эту рыбу! Ни чайки, ни фрегаты, ни альбатросы, а они любую падаль клюют! Значит, было в этой рыбе что-то такое...

Правда, наука помалкивает... Только кажется мне, что дельфины нас, дураков, от какой-то неизвестной науке пакости оберегали. И оберегли.

В кают-компании воцарилось неловкое молчание.

* * *

Нина появилась так же внезапно, как и исчезла. На ней был мягкий купальный халат.

— Толя, готовьте кресло.

Пан поднял голову.

— Нина, что вы хотите?

— Связаться с Уиссом на пента-волне.

— Ни в коем случае! Вы помните, что было в прошлый раз?

— Помню. Но мы должны знать, что случилось?

— Пента-волна слишком опасная штука. Нет, Нина, рисковать незачем. Надо искать другие пути.

— Иван Сергеевич, вы отлично знаете, что других путей нет. А сидеть и ждать вот так бессмысленно, потому что мы не знаем причин, из-за которых Уисс изменил свои намерения. С кем он говорил? В чем опасность Третьего Круга и связана ли она с будущей передачей? И возможна ли вообще теперь передача? Если возможна, то когда — не сидеть же у пультов день и ночь...

— Не знаю. Ума не приложу. Все так долго готовились к путешествию и к сегодняшнему дню... И мы, и Уисс. И в самом начале провал... Уиссу могло помешать только что-то очень серьезное... Но что?

— Никто, кроме Уисса, на эти вопросы не ответит, Иван Сергеевич. А что касается прошлого раза — полно. Уисс теперь и сам будет осторожнее, тогда он просто не рассчитал мощности сигнала... Нельзя медлить. Происходят какие-то события, возникает новый фактор, а

мы прячемся за Уисса и ждем, когда он сам разрешит наши проблемы.

— Ну... Ну хорошо. Только будьте осторожны, Нина. Не перенапрягайтесь. И пожалуйста, без обратной связи...

— Как получится.

— Никаких «как получится». Не подводите старика. Договорились?

— Договорились, Иван Сергеевич... Толя, кресло готово?

— Да, Ниночка. Садись и вещай напропалую.

Нина сбросила халат. Коричневый купальник сливался с цветом загорелой кожи, и в потоке зеленого света ее фигура казалась отлитой из меди. Она постояла на носу корабля с минуту и медленно села в кресло. Толя и один из лаборантов захлопотали над ней. Провода постепенно обвивали ее тело, впиваясь присосками электродов в виски, в шею, в руки, в живот, в ноги...

— Иван Сергеевич...

В голосе Карагодского помимо воли прозвучало что-то такое, что заставило Пана оглянуться. Карагодский смутился.

— Иван Сергеевич, я понимаю, что сейчас вам не до меня, но я никогда ничего не слышал...

— О пента-волне?

— Да.

— Пента-волна, коллега, это... Словом, бог знает что это такое. Я знаю ваше яростное неприятие всякого рода телепатии, парапсихологии и прочей, как вы выражаетесь, «чуши», поэтому... Возможно, это какой-то необычный вид излучений, присущий только живым организмам... Ох, Толя, ну что вы там копаетесь?! Да... О чем мы говорили? Так вот «пента-волна» — это мой собственный термин. Лично я на стороне тех физиков, которые к четырем фундаментальным состояниям вещества — газ,

жидкость, твердое тело, плазма — добавляют пятое: живое вещество. Жизнь — одно из фундаментальных состояний вещества... Но в этой области мы пока как испанцы в империи инков — видим, ничего не понимаем и пытаемся все переделать по-своему... Так и с биоизлучением: что это такое — не знаем, а установку для усиления пента-сигналов Толя уже придумал... Готово?

Нина сидела, откинувшись на спинку кресла. Лицо ее заострилось, она улыбалась — скорее для самоуспокоения, чем для демонстрации храбрости. На голове, облекая виски, пылала алая корона, похожая на большой тяжелый венок из маков. А на лоб, волосы и плечи спадала замысловатая сеть проводников. От направленной антенны тянулись по меньшей мере сотни две зеленых гибких шнуров, маленькими присосками соединенных с разными точками тела.

— Иван Сергеевич, точки соединения электродов выбраны произвольно?

— Нет, конечно. Биоизлучение каким-то образом связано с электромагнитными параметрами тела — на этом и основан принцип ее усиления. А точки — места наибольшей электронапряженности кожи — найдены экспериментально...

— А вам ничего не напоминает рисунок этих точек?

— Рисунок? Пожалуй, нет.

— Забавно. Сколько точек вы нашли?

— Двести восемнадцать. А что?

— Так вот я могу без электрометра указать вам еще шестьдесят пять точек, которые вы пропустили.

Карагодский не без удивления ощутил в себе волну радости: он заметил что-то, чего не заметил Пан! Пусть маленькая деталь, но она найдена самостоятельно, без подсказок и объяснений. Или... Или сумасшествие заразительно?

— Не понимаю, Вениамин Лазаревич.

Карагодский тоже не очень понимал свое состояние, но остановиться не мог:

— Вы слышали когда-либо о древней китайской медицине — иглотерапии?

— Разумеется.

— Так вот ваши точки — это и есть знаменитые двести восемьдесят три точки для иглоукалывания, которые были известны китайским медикам две тысячи лет назад... Я, правда, совершенно не понимаю, какая связь между вашей пента-волной и иглоукалыванием, но совпадение вполне вероятно.

— А ведь вы правы... Я просто не обратил внимания... Мне как-то не пришло в голову... Действительно, здесь, видимо, есть связь. В этом имеет смысл покопаться... Отличная идея! Ведь если...

— Иван Сергеевич, я начинаю.

— Начинайте, Ниночка! Как говорят, ни пуха. Только без самодеятельности, хорошо?

— Хорошо. К черту!

Ничего не произошло. Просто антенна в форме цветка орхидеи стала медленно вращаться вокруг своей оси, а Нина, расслабившись, опустила руки на подлокотники и закрыла глаза. По-прежнему сквозь желто-зеленую крышу било солнце, и нестерпимо блестела морская даль, и щетинился тусклыми кустарниками островок, и черноголовые средиземноморские чайки срезали острыми крыльями гребешки волн и снова взмывали вверх с трепещущей добычей в клюве — ровно ничего не изменилось в мире за эти полчаса, кроме того, быть может, что один седовласый академик неожиданно почувствовал себя недоучившимся аспирантом...

— Иван Сергеевич, вы говорили, что пента-волна — это опасно. Почему? Кажется, все довольно невинно и просто.

— Понимаете, Вениамин Лазаревич, тут довольно-таки сложный парадокс. Для приема пента-передачи

необходима очень восприимчивая, очень незащищенная нервная система. Женщины принимают пентаволну лучше, чем мужчины, к примеру... Но и женщины не всекие...

— В таком случае идеальными пента-приемниками были бы дети — их психика ограждена меньше всего.

— Вероятно, да. Но сами понимаете, что опытов с детьми мы не имеем права ставить, пока не добьемся полной безопасности... А пока... Во время прошлого сеанса, например, Нина потеряла сознание.

— Причина?

— Видимо, очень сильный пента-сигнал Уисса. Я так думаю. У нее было нечто вроде галлюцинаций: ее психический строй был подавлен психическим миром дельфина, она, проще говоря, почувствовала себя дельфинкой, оставаясь женщиной, понимаете? Дельфины воспринимают и чувствуют, как вы знаете, мощнее нас. Человеческие нервы не выдержали. Шок. Что-то вроде того, если по тонкому проводу пустить слишком сильный ток.

— Да, да, конечно. Сработали предохранители — выключилось сознание, свет померк...

— Вот именно. Мы, правда, потом придумали вот эту штуку — маковый венок. Вроде индикатора напряжения. Он должен сработать раньше, чем уйдет сознание, и создать заградительное пента-поле. Но... мы предполагаем, а природа располагает. Если бы не создавшаяся ситуация, я ни за что бы не разрешил пента-сеанс.

Море стихло совершенно. Ощущалось только соседство близкого прибора. Нина лежала в кресле не двигаясь. Медленно вращалась над ней металлическая антенна. Толя едва слышно насвистывал что-то, рассматривал экраны, по которым бегали только бледные точки. Пан, сцепив руки за спиной, молча ходил через всю ла-

бораторию от кресла к двери и обратно и тоже поглядывал на погасший рубиновый овал.

А Карагодский, усевшись на трехногий стул и привычно оперев подбородок о трость, думал. У него тоже был «пента-сеанс». Он говорил сам с собой. Он пытался вспомнить что-то хорошее и никак не мог. Вопреки желанию перед ним проходили бесконечные коридоры, открывались двери с фамилиями на табличках, ложились под ноги ковровые дорожки, ведущие к столу президиума... Он позабыл, когда, на каком симпозиуме он сидел в зале на обычном откидном стуле. Президиумы, президиумы... Может быть, он и родился в президиуме? Кажется, он всю жизнь покровительствовал и препятствовал, разрешал и запрещал, проверял и указывал, и всю жизнь на носу его сидели проклятые очки в черепаховой оправе, сквозь которые мир кажется мягким, округлым и спокойным. Но ведь это не так, не так! Когда-то и он... Но когда это было? И было ли вообще, чтобы море, чтобы какой-то сумасшедший дельфин, чтобы аспирант Толя был с тобой на «ты», чтобы все вокруг тревожило загадками и требовало немедленного решения, чтобы вот так метаться из угла в угол из-за сумасбродной девчонки, рискующей в худшем случае обмороком, и рисковать самому вещами более значительными...

«Что же ты ходишь, Пан, что молчишь? Пятнадцать лет воевал я с тобой на журнальных страницах, на высоких трибунах. А ты уничтожил меня за сорок минут и сам, кажется, не заметил этого. Потому что победа надо мной для тебя — пустячок. Для тебя важнее твой дельфин, твоя Нина, твой Толя, твои экраны, твоя работа — и какое тебе дело, что академик Карагодский выбросил белый флаг?

Но если даже тебе не нужна победа надо мной, Пан, то кому она нужна вообще? Может, спрятать белый флаг, пока его никто не заметил, и пусть все идет по-

старому? А как быть с Венькой Карагодским, «Веником»... Ведь это ты, Пан, заметил в студенческой толчее упрямого черноголового парня, ты подсунул ему тему про дельфинов, ты раскрутил его самолюбие... И вот я снова перед тобой: академик, лауреат, главный дельфинолог, мировой авторитет. А ты вместо восхищения делом рук своих третируешь меня, ранишь самолюбие, без конца заставляя отвечать «не знаю» и «не слышал»...

Сначала я думал, что ты просто по-стариковски мстишь мне за то, что я обошел тебя в степенях и званиях. Но нет, дело в другом: постарел-то, оказывается, я, а ты по-прежнему молод, профессор...»

— Стоп сеанс, Толя, усилитель! Быстро! Укол!

Алая корона на голове Нины опала на глазах.словно в кадре неозвученного мультфильма, слабели, теряли упругость лепестки мака, съеживались, точно подул ледяной ветер. И бледность, заметная даже под загаром, заливала лицо Нины.

Толя обеими руками разом перевел все тумблеры усилителя. Антенна остановилась. Пан держал Нину за руку, считая пульс, а Толя принялся торопливо снимать присоски проводов. Подскочил лаборант с пневмошприцем.

Нина открыла глаза. Глубоко-глубоко вдохнула — раз, другой, третий.

— Не надо укола, Иван Сергеевич. Все в порядке. Ах, какое это счастье — дышать... Видеть солнце. Ощущать всю себя...

Голос Нины прервался глубоким судорожным всхлипом, как у человека после глубокого истерического припадка. Пан кивнул лаборанту, а тот, осторожно взяв руку Нины выше локтя, на мгновение прикоснулся к ней губчатым раструбом пневмошприца.

— Я же говорю — не надо.

— Ничего страшного, Нина, это обычный тоник.

Помолчите минут пять. Придите в себя. Потом расскажете.

— Уисс...

— Помолчите. Уважьте старика.

Нина медленно сняла с головы увядшую корону и протянула Толе. Снова вздохнула и откинулась в кресло. Большая чайка промчалась у самого бушприта «Дельфина». Нина следила из-под полуприкрытых век за полетом до тех пор, пока чайка не превратилась в точку на небе, и закрыла глаза.

Кто-то тронул Карагодского за плечо. Академик оглянулся — радист указывал ему на дверь, шепча:

— Вас вызывают, Вениамин Лазаревич... Срочно... Искал вас в каюте, как всегда, а вы здесь, оказывается...

— Кто?

— Из Д-центра...

Академик недовольно поморщился: всегда так, в самый интересный момент у кого-то из службистов Д-центра возникает идея, о которой надо немедленно доложить начальству.

Он вышел за радистом, стараясь ступать тише.

Вернулся он довольно быстро, рассерженный и потный — видно было, что кому-то за тысячи миль отсюда основательно досталось. Нина по-прежнему сидела с закрытыми глазами — то ли дремала, то ли просто отдыхала, думала о чем-то.

— Что стряслось в вашем хозяйстве? — поинтересовался Пан.

— А, чепуха... Лишняя иллюстрация к тому нашему разговору, только на этот раз с неприятными вариациями... Дельфины угнали большой косяк тунца, ну и...

— Как угнали?

— Рыборазведчик обнаружил сегодня утром в Атлантике огромный косяк, который гнали дикие дельфи-

ны. База «Поиск — двенадцать дробь пятьсот двадцать восемь» выслала им навстречу отряд рабочих дельфинов — загонщиков и флотилию международной рыбокооперации... Короче, дельфины взбунтовались — и ручные и дикие — и оставили рыбарей с носом. И, как всегда в таких случаях, там был дельфин со знаком на лбу — что я вам говорил, а?

— Сочувствую рыбалям, но на месте дельфинов поступил бы так же. Из принципа. Ну и все?

— А вам мало мятежа? Ведь это первый случай в таких масштабах! Только дело этим не кончилось — рыбаки переколошматили дельфинов.

— Не понимаю...

— Что же непонятного? Обозлились и обстреляли дельфинов пиропатронами. Без злого умысла — хотели распугать. А того не учли, что напуганный огнем дельфин инстинктивно уходит под воду и не всплывет он, пока есть пламя... Скорей задохнется под водой... Но я там дал разгон: дельфинологу Комову объявил выговор и на неделю отстранил от работы. Это он придумал с пиропатронами. Мальчишка, два года как институт кончил... Но энергичный парень, из него толк выйдет... Такие-то вот наши земные мелочные заботы, Иван Сергеевич...

Нина открыла глаза:

— Так вот почему удушье... Они задохались под водой... И гибли... Чтобы спасти людей...

— Нина, вам плохо? — кинулся к ней Пан.

— Ничего, Иван Сергеевич... Я просто устала... Теперь я все поняла... Все-все. Я расскажу. Обязательно расскажу. Только не сегодня, ладно? Я очень устала. Завтра утром, ладно?

— Конечно, Нина, конечно! — воскликнул Пан с деланным энтузиазмом. — Отдохните, выпитесь хорошенько... А наше любопытство за ночь только крепче станет. Итак, завтра утром...

8. ХРАМ ПОЮЩИХ ЗВЕЗД

Было полнолуние, и борт «Дельфина», обращенный к луне, сверкал серебряным барельефом на фоне ночи. Тяжелые ртутные волны лизали бока маленькой надувной лодки.

Нина вытащила из-за пояса импульсный пистолет-разрядник и бросила его в багажник. Оружие ни к чему. Тем более что придется возиться с видеоманитофоном, который почему-то именуют «переносным». От этого аппарат не становится ни удобнее, ни легче.

Уисс у борта проскрипел тихо, но нетерпеливо.

Нина опустила маску акваланга, прижала к груди бокс аппарата, еще раз глянула на луну, которая сквозь поляроидное стекло маски показалась хвостатой кометой, и нырнула в черный омут.

Вода нежно и сильно сжала ее тело, тонкими иглами проникла в поры, щекочущим движением прошлась по обнаженной коже — и Нина сразу успокоилась. Уисс возник рядом, она перекинула ремень аппарата через плечо и крепко взялась за галантно оттопыренный плавник. Дельфин, опустившись метров на пять, остановился. Здесь было темно, только едва заметная бледность над головой говорила о существовании иного мира — с луной и звездами.

Неожиданно где-то внизу засветились огоньки — красный и зеленый — точно там, внизу, тоже было небо и далекий ночной самолет держал неведомый курс. Потом огоньки раздвоились, соединились в колеблющийся рисунок — и блистающее морское чудо явилось перед Ниной на расстоянии протянутой руки.

Небольшой полуметровый кальмар был иллиуминирован, как прогулочный катер по случаю карнавала. Все его тело, начиная с конусовидного хвоста, ограниченного полукруглыми лопастями плавников, и кончая сложенными щепоткой вокруг клюва щупальцами, фос-

форесцировало слабым фиолетовым светом. Время от времени по телу пробегали мгновенные оранжевые искры, и тогда щупальца конвульсивно шевелились, а круглые доверчивые глаза вспыхивали изнутри нежно-розовыми полушариями. Вокруг глаз правильными дугами горели зеленые фонарики — по пять на каждую «бровь». Такие же зеленые и красные фонарики горели на длинных, раскинутых в стороны щупальцах, на «плечах» и хвосте.

Нина и раньше видела таких глубоководных щеголей — их называли «волшебными лампами». Но одно дело, когда перед тобой стекло батискафа, другое — если одна твоя рука на плавнике дельфина, а вторая свободна... Нина осторожно, чтобы не слугнуть, протянула левую руку к моллюску. Кальмар не шелохнулся, только быстрее побежали оранжевые искры, а тело приобрело цвет красного дерева. Он позволил потрогать свой бок, и Нина почувствовала, как тикают внутри наперебой три кальмарьих сердца.

Она уже хотела убрать руку, но кальмар обвил двумя щупальцами ее палец и не пустил — два гибких магнита прилипли к коже.

На мгновенье заломило виски — это подал неслышную команду Уисс, — кальмар засверкал огнями, и все трое по крутой спирали понеслись вниз, в беззвездную ночь глубины.

Впрочем, эта ночь хитрила, притворяясь беззвездной; бесконечное множество светил блуждало в ней по тайным орбитам. Пестрыми взрывчатыми искрами загорались у самых глаз лучистые радиолярии, после которых филигранное изящество земных снежинок казалось грубой поделкой; разнокалиберными пузатыми бочонками, полными доверху густым янтарным светом, проплывали степенные сальпы; двухметровый венерин пояс, больше похожий на полосу бесплотного свечения, чем на живой организм, изогнул-

ся грациозной дугой, пропуская мимо стремительную тройку.

Один раз Уисс и Нина с «волшебной лампой» в протянутой руке с ходу влетели в большое облако медуз и попали в хоровод рассерженных сказочных призраков: бесшумно зазвонил десятком малиновых языков голубой колокол, над головой перевернулась пурпурная, в изумрудно-зеленых крапинках тарелка, вывалив целую кучу прозрачной рыжей лапши, диковинный ультрамариновый шлем в белых разводах грозно зашевелил кирпично-красными рогами, вязаная красная шапочка, шмыгнув бирюзовым помпоном, стала быстро расплетаться, разбрасывая как попало путаную бахрому цветных ниток...

Потом они плыли над тем самым коралловым лесом, который Уисс показывал на экране днем. Красные кусты казались пурпурными в сильном голубоватом свете. Сотни, тысячи спрятанных в грунте известковых трубочек хетоптеруса освещали их снизу, как маленькие прожекторы.

Кальмар резко остановился и, отпустив палец Нины, исполнил маленький световой этюд.

Сначала он посинел всем телом, оставив фиолетовыми только щупальца, разом погасив красные огни, заставив зеленые мигать в сложной, одному ему известной последовательности. Затем погасил зеленые и проделал все то же самое с красными.

В неровных вспышках фонариков моллюска Нина успела различить очертания большого камня, вернее, целой скалы, черной от мшистых водорослей. Подчиняясь ритму миганий, на камне разгоралось алое пятно.

Непонятный обряд у камня продолжался. Кальмар притушил огни и фейерверочной ракетой скользнул куда-то вверх, растворившись в темноте. Зато пятно на камне достигло прожекторного накала, превратив ночь в подводный рассвет. Его яркое сияние помешало Нине

уловить, откуда и когда появилось новое действующее лицо в цветовом спектакле.

Полосу света перегородила тень. Вода искажала перспективу, и Нине показалось сначала, что рядом с камнем ковыляет уродливый головастый человечек. Но вот человечек, приподнялся, повернулся боком, сверкнув узорчатой кольчугой цвета старой меди, и рука Нины невольно скользнула к поясу, где обычно висел импульс-пистолет.

Огромный осьминог, покачиваясь на толстенных боковых щупальцах и лениво щурясь, разглядывал гостей сонными глазами. Он был очень стар, и большие желтые глаза-тарелки смотрели мудро и печально.

Уисс свистнул. Спрут раздраженно почернел, однако заковылял к скале. Четыре мускулистых «руки» обвили вершину камня, четыре других заползли в едва заметные щели основания.

Горы мышц вздулись, наливаясь голубой кровью, и камень дрогнул. Он отвалился медленно и плавно, как бывает только под водой или во сне, и за ним открылся неширокий черный ход, ведущий в глубь рифа. Спрут протянул щупальце в проход, и там что-то блеснуло.

Уисс шевельнул плавником, приглашая Нину за собой. Нина включила головной фонарь, вслед за Уиссом подплыла к проходу и остановилась, изумленная. В проходе была дверь! Тяжелая, решетчатая дверь из желтого металла, который Нина приняла сначала за медь, но потом сообразила, что медь в морской воде давно покрывалась бы слоем окиси...

Дверь была широко распахнута. Нина, словно желая убедиться, что решетка не обман зрения и не бред, медленно провела пальцами по толстым шероховатым прутьям грубойковки, по неровным прочным заклепкам, по силуэту дельфина, умело вырубленному зубилом из целого куска листового золота... Похоже было, что все это сделано человеком, но когда, зачем и для кого?

Нина попробовала повернуть дверцу на петлях, но дверца не поддавалась.

Золотой дельфин, наискось пересекая решетку, застыл навеки в бесконечном прыжке.

Академик Карагодский никак не мог уснуть в эту ночь.

Вернувшись к себе в каюту после переполненного впечатлениями дня, он разделся, накинул на плечи пушистый халат и долго стоял перед зеркальной стеной, разглядывая себя.

Из стеклянной глубины на него смотрел высокий плотный старик, еще довольно крепкий, хотя и основательно расплывшийся. Чрезмерная полнота, однако, не безобразила его: даже двойной подбородок и объемистый живот только подчеркивали весомость и значительность всей фигуры. Но в этой знакомой благополучной фигуре появился какой-то диссонанс...

С некоторым замешательством всматривался Карагодский в свои собственные глаза и не узнавал их. У них изменился даже цвет, они отливали синевой. Помолодевшие, они разглядывали академика с откровенной неприязнью.

Нет, это уже слишком. Если собственное отражение начинает тебя так разглядывать, значит, дело плохо. На корабле сумасшедших, наверное, действует какое-то биополе, попав в зону которого сам становишься сумасшедшим.

Интересно, как он будет вести себя, вернувшись домой? Снова заседания, президиумы, обременительная дружба с некоторыми «персонами». Или...

Карагодский поплотней запахнул халат и настежь открыл оба иллюминатора. Острый запах соли и шалфея щекотал ноздри. Полная луна плыла над морем, покачиваясь в темном небе, как детский шарик.

В тени острова Карагодскому почудилось движение. Что-то сильно плеснуло и стихло.

Карагодский придвинул кресло к видеофону Все-союзного нооцентра и набрал шифр. На экране загорелась надпись: «Просим подождать». Машинам пришлось копаться в своей всеобъемлющей памяти. Наконец загорелись сигналы готовности, и Карагодский, шурша переключателем, принялся просматривать материалы: крикливые газетные заметки, запальчивые журнальные статьи, схемы и описания опытов.

Всякие сомнения отпали: о таинственном биоизлучении писали еще в XX веке. Исследовалось оно предельно наглядно и просто. Бралась схема грозоотметчика Попова, прапрадедушки радиоаппаратов. Только вместо стеклянной трубки со стальными опилками ставился «живой детектор» — цветок филодендрона. «Живые детекторы» чувствовали мысленные угрозы человека — «излучается» за триста миль, и все известные способы экранирования не мешали растениям фиксировать сигналы. Но большое открытие прошло по разряду ежедневных «газетных уток» и было, как часто бывает, крепко забыто.

И только Пан... Откуда у него это чутье, эта прямо-таки патологическая потребность копаться в пройденном и по-новому оценивать его, сопоставляя явления, на первый взгляд совершенно несопоставимые?

Карагодский снова включил экран и набрал новый шифр:

«Крито-микенская культура, кикладская ветвь — полностью». Он рассеянно просмотрел по-немецки педантичные и подробные отчеты первооткрывателей «Эгейского чуда» — археологов Шлимана и Дерпфельда, улыбнулся выпреним описаниям англичанина Эванса, без сожаления пропустил историю величия и падения многочисленных царств Крита, Микен, Тирифа и Трои — хронологию войн и грабежей, строитель-

ства и разрушения, захватов и поражений, восстановленную более поздними экспедициями.

Он замедлил торопливый ритм просмотра, когда на экране появились развалины Большого дворца в Кноссе. Объемный макет восстановил изумительный архитектурный ансамбль таким, каким был он добрых четырех тысячи лет назад. Огромные залы с деревянными, ярко раскрашенными колоннами, заметно суживающимися книзу; гулкие покои, тускло освещенные через световые дворики; бесчисленные кладовые с рядами яйцевидных глиняных пифосов; замшелые бока двухметровых водопроводных труб; бани с бассейнами, выложенными белыми фаянсовыми плитками, и десятки, сотни зыбких висячих галерей, таинственных ходов, переходов, коридоров, тупиков и ловушек, прикрытых каменными блоками, поворачивающимися вокруг оси под ногой неосторожного. И всюду — фрески, выполненные чистыми, яркими минеральными красками на стенах, сложенных из камня-сырца с деревянными переплетами: динамические картины акробатических игр с быком, праздничные толпы, сцены охоты, изображения зверей и растений...

Карагодский остановил изображение. Необычная фреска что-то ему напомнила. Полосатая рыба — судя по всему, это был морской карась — была нарисована на штукатурке сразу в шести проекциях одновременно: этакое сверхмодернистское чудище с четырьмя хвостами между глаз. Как на экране в центральной операторской, когда Пан рассказывал о том, как видит предметы дельфин...

И что за чушь лезет в голову! Как могло увиденное дельфином попасть на фреску, написанную человеком?!

А если пента-волна?

Биосвязь между человеком и дельфином за две тысячи лет до нашей эры?

Карагодский теперь не обращал внимания на живо-

писные достоинства критских росписей. Переключатель замирал лишь тогда, когда на экране появлялись дельфины или морские животные.

А таких изображений было много — на фресках, на вазах, на бронзовом оружии и на домашней утвари. И тем более странным казалось то, что все это множество рисунков повторяло в разных сочетаниях и поодиночке одни и те же темы: рубиново-красная морская звезда; фиолетовый кальмар с веером разноцветных черточек вокруг тела (свечение?); серо-зеленый мрачный осьминог, раскинувший щупальца; дельфин, изогнувшийся в прыжке, и женщина в позе покорной просьбы: правая рука протянута к дельфину, левая прижата к груди.

Золотой стилизованный дельфин мелькал на дорогих кинжалах без рукоятки, с четырьмя отверстиями для пальцев — такие кинжалы островитяне надевали на руку как кастет. Силуэт дельфина был вырезан на инкрустированной большими сапфирами царской печати Кносса, на женских браслетах и на мужских перстнях. Мраморная скульптурная композиция, найденная на Кикладах, варьировала уже знакомую сцену: женщина в одежде жрицы и дельфин, могучим изгибом полубнявший ее колени.

Но больше всего Каратодского заинтересовала «кикладская библиотека» — несколько десятков фаянсовых плиток, испещренных черными линиями пиктограмм. Письмена-рисунки иногда еще хранили сходство с предметами и существами, о которых рассказывали: в неровных точках угадывались все та же морская звезда, все тот же кальмар, грозный осьминог и летящий дельфин. Фигурки людей в разных позах, видимо, повествовали о каких-то действиях и событиях. Но большинство рисунков не имело никакого сходства с реальными предметами — это были уже условные знаки, иероглифы, значение которых угадать невозможно.

Карагодский нажал клавишу «Перевод» и получил лаконичный ответ: «Письменность не расшифрована».

Ему вдруг отчаянно захотелось закурить — впервые за тридцать лет строгого воздержания. Короткая фраза звучала прямо-таки кощунственно. Где-то в глубоком космосе летели земные корабли, где-то гудела в магнитных капканах побежденная плазма, воскресали мертвые, думал искусственный мозг, совершал геркулесовы подвиги неустанный робот, а эти вот неказистые белые таблички с кривыми рядами убогих рисунков, словно издеваясь над разумом человеческим, столько тысячелетий хранят свою тайну — тайну, которая, быть может, важнее всего, что сделано человечеством до сих пор...

Видефон тихо гудел, ожидая новых заданий. Карагодский положил пальцы на наборный диск и задумался.

Если нет прямого пути к разгадке символической пятерки — звезда, кальмар, осьминог, дельфин, жрица, — значит, надо искать обходный. Повторение живописного сюжета не может быть случайным — слишком велико для случайности число совпадений. Следовательно, пятерка эта имела какой-то высший смысл. Пальцы проворно отщелкали комбинацию двоичных цифр — дополнительный шифр: «Религия. Храмы».

И снова в ответ короткие: «Религия неизвестна, храмы не сохранились».

Карагодский раздраженно хлопнул по панели ладонью. Экран погас.

Было уже около двух ночи, когда Карагодский, не снимая халата, прилег на тахту...

Он очнулся от резкого чувства страха. Звонил корабельный видефон.

У аппарата стоял Пан. Он был в пижаме, но звонил, видимо, из центральной лаборатории: за его спиной пестрела путаница висячих кабелей.

— Вениамин Лазаревич, извините, пожалуйста...

Я разбудил вас... Простите, но тут такое дело... Перед сном вы не заметили ничего подозрительного?

— Подозрительного? В каком... В каком смысле?

— А... Девчонка! Нина сбежала! Вот, оставила записку и сбежала!

— Вы в центральной? Я сейчас приду...

Уже в коридоре академик сообразил, что выскочил без пиджака, остановился было, но махнул рукой и, отдуваясь, полез вверх по лестнице, перешагивая через две ступеньки.

— Вот... Полюбуйтесь...

Карагодский развернул листок. Крупные неровные строчки торопливо загибались вверх: «Милый Иван Сергеевич! Пожалуйста, не сердитесь. Таково условие Уисса — я должна быть одна. Я не могу поступить иначе. Не волнуйтесь за меня. Все будет хорошо. Я верю Уиссу. Нина».

— Как вам это нравится? Современный вариант «Похищения Европы»! Место действия прежнее — Эгейское море. Время действия — двадцать первый век, поэтому в роли Зевса выступает дельфин, а в роли прекрасной критянки Европы — ассистентка профессора Панфилова, кандидат биологических наук Нина Васильевна Савина. Весь антураж сохраняется: лунная ночь, безымянный остров, аромат экзотических трав... Девчонка! Заполошенная девчонка! Фантазерка!

Пан яростно потряс над головой сухим кулачком, в котором был зажат знаменитый синий галстук. Даже чрезвычайное событие не смогло сломать автоматизма привычки: внешний мир и галстук были неотделимы.

Карагодский легонько тронул за плечо разбушевавшегося Пана:

— Иван Сергеевич, а что, если воспользоваться вашей техникой?

Пан отмахнулся.

— Вызвать Уисса? Пробовали — не отвечает.

— Да нет, не вызывать, а вот об этих экранах, ведь... Но Пан уже понял.

— Толя! Толенька! Немедленно! Гидрофон! Ну как это я сразу не сообразил... Ведь локатор Уисса работает непрерывно — мы найдем его по звуку.

Пока Толя возился с аппаратурой, Пан извелся. Он теперь не ходил, а бегал по лаборатории с завидной выносливостью опытного марафонца. Его яркая пижама какого-то немыслимого ультрамаринового оттенка методично металась из стороны в сторону, и через десять минут у Карагодского поплыли перед глазами синие пятна.

— Ни черта не понимаю...

Толя повернулся на стуле спиной к экрану и обвел всех удивленным взглядом.

— Я врубил гидрофон на полную мощность... Пусто... Или их нет в радиусе пятидесяти километров, или...

— Что — или? — очень тихо спросил Пан.

— Или они сквозь землю провалились...

Подземная галерея, изгибаясь плавной спиралью, вела куда-то вверх. Позади осталось уже не меньше трех полных витков, а выхода пока что не предвиделось. Овальный ход был метра два в диаметре, и они снова могли плыть вместе — Уисс легко и стремительно нес Нину по каменному желобу.

Время от времени в свете фонарика мелькали четырехугольные боковые ответвления от главного хода, но Уисс, не останавливаясь, летел дальше, и загадочные ниши оставались позади. Однажды среди коричневых и буро-зеленых пятен блеснуло что-то белое: Нине показалось, что ниши облицованы чем-то вроде кафеля или фаянса.

Галерея кончилась внезапно: стены вдруг исчезли, и

Нина с Уиссом, пронзив толстый пласт воды, с резким всплеском вылетели на поверхность.

Их окружила плотная темнота, и луч фонарика, горящего вполнакала, беспомощно обрывался где-то в высоте. Но по тому, как забулькало, заклокотало, заверещало, загудело эхо, усиливая всплеск, Нина определила, что они попали в большую пещеру.

Воздух в пещере был свежим и острым, как в кислородной палатке. Неожиданный медовый настой эспарцета охлаждал губы. Уисс уже отдышался и медленно поплыл в глубь пещеры.

Нина подняла защитный рефлектор, чтобы прямой свет не бил в глаза, и включила фонарь на полную мощность. Маленькое солнце зажглось над ее головой.

Пещера оказалась огромным круглым залом с высоким сводчатым потолком. Стены в три этажа опоясывали массивные каменные балконы с невысокими барьерами вместо перил. Очевидно, когда-то с балкона на балкон вели широкие деревянные лестницы — сейчас еще торчали кое-где полусгнившие обломки раскрашенного дерева. Несколько балконных пролетов обрушилось, но на остальных сохранился даже лепной орнамент, изображающий рыб в коралловых зарослях. Над балконами свисали переплетенные осьминожки щупальца из позеленевшей меди, поддерживающие стилизованные раковины плоских чаш. За каждым из таких давно погасших светильников на стене висел круглый вогнутый щит, густо запорошенный пылью.

Точно такие щиты металлической чешуей покрывали почти весь купол потолка, правильными рядами окружая квадратные проемы, бывшие когда-то своеобразными окнами. Травы, кусты шалфея и длинные стебли эспарцета забили теперь эти окна сплошной серо-зеленой массой, которая свисала внутрь храма многометровыми клочковатыми хвостами.

Все пространство стен между нижним рядом окон

и верхним балконом было занято росписями, удивительную свежесть и сочность которых не могли погасить ни многовековой слой пыли, ни бурые потоки мхов, ни обширные ядовито-яркие пятна плесени. Часто роспись смело и непосредственно переходила в цветные рельефы, и это придавало изображениям жизненность реально происходящего.

Росписи и рельефы воспроизводили сцены какого-то сложного массового ритуала. Многочисленные повреждения не давали проследить сюжетное развитие сцен и понять смысл обряда, но сразу бросалось в глаза, что на фресках нет ни одной мужской фигуры, так же как нет традиционных картин войны или охоты, работы или отдыха. В изысканной ритмике медленного танца на ярко-синем фоне чередовались вереницы обнаженных женщин и ныряющих дельфинов, пестрые стайки летучих рыб и осьминоги с человеческими глазами, пурпурные кальмары с раковинами в щупальцах и малиновые морские звезды, приподнявшиеся на длинных лучах. В этом красочном поясе не было ни начала, ни конца, ни логического центра — только бесконечное кружение, завораживающий хоровод цветовых пятен.

А вместо пола в зале стеклянно сверкала плоскость воды, на которой еще не стерлись бегучие круги, вызванные появлением Уисса и Нины. Глубокий пятиугольный бассейн, в который привела их длинная спираль «подводного хода» из открытого моря, занимала всю площадь зала, за исключением невысокого помоста, куда из воды вели четыре мраморные ступени.

Уисс просвистел приглашение подняться на помост.

Шлепая по мрамору мокрыми ластами, Нина вышла на квадратную каменную площадку, выложенную фаянсовой мозаикой. Судя по всему, мозаичный пол служил неведомым жрицам не одно столетие. Часть плиток была выбита, другая — истерта до основания, а по оставшимся восстановить рисунок было уже невозможно.

Почти у самых ступеней стоял трон с высокой резной спинкой, вырубленный из целого куска желтого мрамора. По обе стороны на высоких треножниках покоились раковины из бледно-розовой яшмы со следами выгоревшего масла на дне. А за раковинами, чуть поодаль — два непонятных воткнутих щита, как на стенах и потолке.

Нина провела ладонью по поверхности щита, стирая пыль, и на нее глянуло чудовищно искаженное, огромное человеческое лицо. Оно испуганно и страшно перекосилось, выкатив серо-зеленые сгустки глаз, дернулось в сторону.

Зеркало. Обыкновенное вогнутое зеркало, кажется, из «электрона», как называли древние греки сплав золота и серебра. Все эти бесчисленные щиты просто-напросто рефлекторы, отражатели для масляных светильников и немногих дневных лучей, что проникали когда-то сквозь оконные проемы купола.

А ведь это было, наверное, сказочно красиво: бледно-голубое мерцающее сияние под куполом, колеблющиеся разноцветные огни светильников, превращенные десятками зеркал в переливающиеся световые потоки, и вся эта бесшумная, бесплотная, неуловимо изменчивая симфония красок падает невесомо в широко раскрытый, влажно поблескивающий глаз бассейна...

Кому предназначалась эта феерия? Тем, кто следил за ними из глубины, через прозрачный пласт воды?

Что за таинственный ритуал совершался в этом храме? И как попадали сюда люди — ведь не для дельфинов, не для прочих морских обитателей эти лестницы и балконы, эти светильники и зеркала, эти окна и фрески, а ведь в стенах нет ни одной, а до оконных отверстий могут добраться только птицы...

В храм можно попасть, как попали они с Уиссом, — с морского дна, по спирали подводно-подземного хода, сквозь пятнадцатиметровый слой воды в бассейне...

А это возможно только с могущественной помощью существ, чьи добрые и сильные тела изображены на фресках...

Кстати, почему на фресках нет ни одной мужской фигуры? Ведь не женщины же вырубали в скале этот зал, ковали светильники и зеркала, расписывали стены и выкладывали мозаики, придумывали систему вентиляции воздуха в храме и протока воды в бассейне...

Кто, когда и зачем посещал этот единственный в своем роде храм?

— Женщины. Ты поймешь. Сядь, смотри и слушай... — прозвучал где-то в висках — или за спиной? — ее собственный голос. — Женщины. Очень давно. Слушали музыку звезд. Они не понимали всего. Ты поймешь. Сядь, смотри и слушай. Будут петь звезды. Здесь, в воде.

Уисс висел в бассейне, опираясь клювом о нижнюю ступеньку. Темный глаз его смотрел на Нину печально.

— Ты поняла? Что надо смотреть?

— Да, — неуверенно ответила Нина.

Разумеется, она ничего не поняла. Да и не пыталась понять. Думать в ее положении было так же бессмысленно, как доделывать во сне то, что не успелось наяву. Сейчас важно было смотреть и слушать, видеть и запоминать. А понимать — это потом. Если все это вообще можно понять...

Нина села на трон и вздрогнула от ледяного прикосновения мрамора к телу. Аппарат, висевший на боку, глухо звякнул о камень. Только сейчас Нина вспомнила о видеоманитофоне и огорченно прикусила губу — ведь его можно было использовать как обыкновенную кинокамеру, снять весь подводный путь, «волшебную лампу» и осьминога, подземную галерею и этот зал. Теперь поздно. Впрочем, интерьер храма она снять еще успеет — после того, что хочет показать Уисс.

Она поудобнее устроила аппарат на коленях, сняла переднюю стенку бокса, открыла объектив и выдвинула в направлении бассейна раскрывшийся бутон микрофона.

— Убери свет.

Рука, потянувшаяся к шлему, замерла на полпути. Уисс плавным толчком пошел на другую сторону бассейна, и, проводив его взглядом, Нина увидела прямо напротив, в глубокой нише, не замеченную раньше скульптуру.

Хрупкая, наполовину раскрытая раковина из розового с фиолетовыми прожилками мрамора зубцами нижней створки уходила в воду. Нагая женщина полулежала на боку, у самой воды, опершись локтем на хвост дельфина. Дельфин, прижавшись сзади, положил голову ей на колени. Оба отрешенно и грустно смотрели прямо перед собой, не в силах расстаться и не в силах быть вместе, и верхняя рубчатая створка, казалось, вот-вот опустится вниз, замкнув раковину и навсегда скрыв от мира их встречу.

Женщина и дельфин были выточены из дымчатого темного обсидиана, и полупрозрачные тела их как будто таили на розовом ложе, уходя в мир несбывшегося и несбыточного.

— Убери свет. И включай свою искусственную память.

Нина торопливо выключила фонарь и запустила видеоманитофон. Полная темнота и безмолвие хлынули из углов и затопили пространство. И только шорох аппарата нарушал тишину.

В храме повис еле слышный звук, даже не звук, а тень звука, одна томительная нота, где-то на пределе высоты, где-то у порога слуха.

В темноте возник еле видимый свет, даже не свет, а эхо света, один тончайший луч, где-то на пределе спектра, у порога зрения.

Во рту появился еле различимый привкус, даже не запах, а память запаха, одна мгновенная спазма, где-то на пределе дыхания, у порога обоняния.

Во рту появился еле различимый привкус, даже не привкус, а след привкуса, один соленый укол, где-то на кончике языка, у порога вкусовых отличий.

Кожу лица тронуло еле ощутимое прикосновение, даже не прикосновение, а ожидание прикосновения, одно дуновение ветра, где-то на пределе давления, у порога осязания.

Не стало ни страха, ни боли, ни радости, все перестало существовать, и сама она сжалась в бешено пульсирующий клубок, раскинувший в пространстве пять живых антенн, пять органов чувств, и предельное напряжение вытянуло антенные щупальца в длинные лучи.

Мысли остановились, исчезли. Она не могла думать, оценивать, сопоставлять — она стала оголенным ощущением, сплошным, невероятно обостренным восприятием. Она была подобием морской звезды, неподвижно лежащей на дне Океана Времени: пять жадных лучей во все стороны, а вместо тела — хищный мозг, ждущий добычи, и память, готовая принять все, что придет...

Перед ней вспыхнул пятиугольный экран. В его голубой глубине светились многоцветные звезды.

Высокий вскрик, упавший до вздоха, пролетел над куполом. Призыв и мука слышались в нем.

Нет, это был не экран — это была дверь. Зеленая дверь в неведомый мир, который чем-то знаком и близок, он как забытая детская сказка, которую пытаешься вспомнить в одинокой старости, но не вспомнишь ни слова, только неясный свет, и мягкое тепло, и прощение всему, и прощание со всем...

9. ЗЕЛЕНАЯ ДВЕРЬ

Она падала — падала безостановочно, ощущая лишь напряжение скорости и глухую тоску безвременья. Непрекращающийся взрыв потрясал все вокруг.

Ломались, едва возникнув, хрупкие рисунки созвездий, вздувались и лопались звездные шары, бешеное вращение сжимало и разрывало в клочья газовые туманности, растирало в тончайшую пыль куски случайно отвердевших масс и выбрасывало в пространство.

Она летела сквозь эту мешанину обломков и бессмысленно кипящей энергии, сквозь раскручивающийся огневорот — летела, одинаково легко пронизывая великие пустоты и сверхплотные сгустки тверди, — и прямой путь ее не могли скривить ни тяга магнитных полей, ни штормовые волны гравитации.

Она была бесплотным и сложным импульсом, в ней дремали до срока силы, неведомые ей самой. Вокруг бушевал разрушительный огонь, давя гроздь неоформившихся молекул, срывая электронные пояса атомов, дробя ядра — и, казалось, не было ничего, способного противостоять его губительному буйству.

Уже десятки ледяных планет с кремниевыми сердцами кружились вокруг звезды, и звезда следила за их полетом, как засыпающий красный глаз.

Это была лишь уловка, хитрый прием хищника, ибо однажды красный глаз раскрылся широко и цепкие протуберанцы метнулись к планетным орбитам.

Вспышка длилась недолго, и дальние ледяные гиганты успели отступить в спасительный сумрак, и лишь один из них, разорванный двойным притяжением, опоясал светило широким кольцом из обломков и пыли.

Вспышка длилась недолго, но близкие планеты снова стали голыми оплавленными глыбами — пламя слизнуло ледяной панцирь и развеяло в пустоте пустот.

Атомный огонь обрушился на среднюю планету, и

там, как и везде, лед стал газом. Газ рванулся в пространство, но тяготение не отпустило его. Оно скручивало пар в титанические смерчи, свивало в узлы страшных циклонов, сдавливало и прижимало к каменному ядру.

Освобожденно и устало пронесся вздох — это ураганно и грузно упали на камень горячие ливни.

Разошлись и соединились бурлящие воронки.

Нина стала морем, безбрежным и безбурным, и это было мучительно и сладко, как короткая минута, когда уже не спишь и еще не можешь проснуться. Только минута эта длилась миллиарды лет.

Она еще не была живой, но в ней бродил хмель жизни, и в голубом свечении радиации поднималась грудь, и токи желанно пронизывали плоть — и долгим жадным объятием обнимала она Землю, предвкушая и торопя неизбежный миг.

Гонг прозвучал — дрогнуло и раскололось дно, и белая колонна подземного огня пронзила водные толщи, ударила в низкие тучи и опала гроздьями молний.

В затихающем водовороте покачивался шарик живой протоплазмы...

* * *

Это походило на забавную игру, когда в бурной круговерти развития, в суматошной смене форм Нина переходила из стадии в стадию, превращаясь из организма в организм, смешные, уродливые, фантастические сочетания клеток, скелетов, раковин, — все кружилось зыбко и цветасто, словно примеряло маски для карнавала.

Какой был карнавал!

Не существовало никаких законов — море щедро. Можно было плавать, шевеля ушами. Можно было превратиться в большой пузырь и всплыть на поверхность

или, наоборот, опуститься на дно, заключив себя в изящную роговую шкатулку. Наконец, можно было вообще ни во что не превращаться, а просто висеть куском студня в средних слоях.

Нина не заметила момента, когда перестала быть участницей пестрого хоровода, а стала только зрительницей. Крепкий кремниевый панцирь прикрывал ее от всяких неожиданностей и опасностей. Вокруг шарообразного тела торчал густой лес длинейших игл-антенн, переплетенных в тончайшие кружева. Каждая игла была пронизана миллионами ветвящихся обнаженных нервов.

Она не могла передвигаться, да в этом и не было нужды: в морской воде было достаточно пищи, а пульсирующие каналы связи соединяли множество подобных шаров, разбросанных по Мировому океану.

Хоровод продолжался, странные создания проплывали мимо, рождались и умирали, уступая место другим, а кремниевые шары неизменно и бесстрастно следили за каруселью эволюции, стараясь найти причины и следствия каждого изменения, предугадать многозначные ходы приспособления, проникнуть в тайну тайн превращений живого вещества.

Море не помнило своих ошибок и удач. Беззаботно продолжало оно игру, перебирая цепочки случайностей.

Длился Первый Круг Созидания.

Все вершилось медленно, очень медленно — миллионолетние геологические эпохи проносились и затихали короткой рябью. Вода сжимала землю, и от чудовищных сил сжатия плавилась недра. Твердь вспухала, заставляя отступать море, и застывала неровными пятнами материков. Мертвыми надгробиями из базальта и гнейса высились они среди океана.

Жизнь переполняла океан. Колыбель становилась тесной. Место в ней доставалось боем.

Это случилось, когда базальтовый суперматерик занимал почти пятую часть поверхности планеты и первый «десант» зоофитов, цепких полуживотных-полурастений, в поисках жизненного пространства высадился на береговые скалы.

Нина почувствовала голод.

Напрасно напрягались слабые мышцы, прогоняя сквозь организм морскую воду. — пищи в ней почти не оставалось после тысяч прожорливых существ, снующих рядом.

Так начался Второй Круг.

* * *

Оставалось одно — действовать самой.

Она вновь и вновь переживала свое первое движение: легкое напряжение щупалец — и тело послушно поднялось вверх, едва уловимое сокращение мышц — и тело передвинулось вбок, дрожь расслабления — и тело опустилось на песок, слежалый от века. Три внутренних приказа, три неуверенных исполнения, но она пережила целую эпоху ожидания и сомнения, страха и радости.

А когда наступал отлив, солнце тянуло к ней горячие красные щупальца, пронизывало мутную воду щекоющим теплом радиации, рождая в крови смутную музыку странных стремлений.

Близился Третий Круг.

* * *

Нина вместе с другими все чаще и дальше проникала в лагуну. Небольшая стая самых неумных и самых отчаянных входила в узкий проход вместе с приливом и бродила по мелководью, пока дыхание отлива не позовет назад, в привычную глубину.

Подплывая к берегу, Нина видела буйные заросли неведомых трав, огромные зеленые утесы деревьев, летающие армады насекомых. И все чаще ей приходило в голову, что именно на суше, наедине с солнцем, свершится дерзкая мечта — опередить природу, используя ее собственную неустойчивость, освободиться от давящей власти Времени, предельно ускорив ритм приспособления.

Однажды, когда начался отлив и разная морская мелочь, давясь, бросилась за уходящей водой, Нина обняла острый камень и застыла на месте.

Инстинкт самосохранения стучал в ней набатным пульсом — отпусти, разожми плавники, уходи, — но она, дрожа и напрягаясь, подавила тревожный импульс.

Широко расставленные телескопические глаза видели, как непоправимо светлеет голубизна, чуткая кожа чувствовала, как скачками поднимается температура и острые иглы космических частиц вонзаются в тело, но она не разжала сомкнутых плавников.

Воздух оглушил, судорога свела тело, последний мутный поток отбросил ее от камня и перевернул на спину. Зеленая линия побережья чудовищно исказилась в глазах, созданных для подводного зрения.

Неизвестно, сколько времени прошло, прежде чем Нина поняла, что она все-таки жива. Слизь на коже превратилась в роговые чешуйки, и спасительный панцирь защитил плоть от мгновенного высыхания. Лабиринтовый орган позволил дышать — тяжело, трудно, но дышать. Сердце билось яростной барабанной дробью, но все-таки билось.

Лавина энергии падала сверху, прижимая к горячему илу — желанная и страшная энергия атомного огня.

Прошло еще немного времени, прежде чем Нина ощутила в себе возможность расправить мышцы. По-

пробовала перевернуться, и, как ни странно, это ей удалось.

Еще не веря в случившееся, она выкинула плавники вперед и медленно, неуверенно подтянула отяжелевшее тело...

* * *

Нина недоуменно и долго смотрела на свои руки, протянутые к бассейну.

Уисс парил у ног, кося внимательным глазом. Морские звезды на дне едва тлели, сложившись в правильный треугольник. Она приходила в себя рывками, мгновенными озарениями. Она снова ощутила пустоту и тишину храма. Уисс молчал.

— Это все? — спросила Нина. Она не была уверена, что произнесла слова, потому что спекшиеся губы не хотели шевелиться.

— Это все?

— Нет, это не все.

Голос внутри опустошенного мозга звучал глухо и низко, бился о стенки черепа, как птица, случайно залетевшая в окно и не находившая выхода.

— Нет, это не все. Был Третий Круг, когда предки дэлонов вышли на сушу и стали жить там. Третий Круг называют по-разному, но в каждом названии боль. Круг Великой Ошибки, Круг Гибельного Тупика — стоит ли перечислять? Мы, живущие сейчас, чаще всего зовем его Кругом Запрета, ибо только Хранители способны вынести бремя его страшных знаний.

— Хранители. Ты — Хранитель?

— Да, я один из них. Остальные дэлоны не могут переносить безумное знание Третьего Круга. Это Запрет во имя будущего.

— Я смогу?

— Ты не сможешь и не поймешь. Слишком слаба воля и несовершенно знание. Я покажу тебе песню —

то, что помнят все остальные делоны. Это не страшно — тебе не надо перевоплощаться. Только смотреть и слушать, и оставаться собой.

* * *

Морские звезды в бассейне плавно сдвинулись и поплыли музыкальными узорами цветowych пятен, и низкий мелодичный свист Уисса затрепетал под каменными сводами храма.

Уисс был прав — ее сознание не отключилось, она чувствовала под руками холод каменных подлокотников, незримый объем зала и дрожь «видеомага» на коленях.

Пронзительный тоскующий мотив плескался у ног, странные картины и слова сами собой рождались в аккордах цветомузыки.

Был день встречи и день прощания, и между ними прошла тысяча лет.

Было солнце рассвета и солнце заката, и обманчивый свет величья ослепил пращуров...

То, что видела Нина, не имело аналогий с человеческим опытом, и даже приблизительные образы не могли передать сути происходящего. Какие-то удивительные существа бродили по Земле, и ни одно из них не походило на другое. Больше того — сами существа беспрерывно изменялись: кентавры превращались в шестикрылых жуков, жуки — в раскидистые деревья, деревья — в гроззовые облака... Раскручивалась карусель превращений, все плыло, все менялось на глазах — и вот уже то ли существа, то ли тени существ, полуматериальные, полубесплотные, распадаясь на подобию окружающих предметов, сливаясь в плотные смерчи голубого горения, проносятся на фоне текучих сюрреалистических пейзажей. Невозможно понять, что они делают, но их танец имеет какую-то непостижимую цель.

А песня тосковала, переливаясь в слова:

— Они искали идеального приспособления — и все дальше уходили в лабиринты Изменчивости.

— Они все быстрее изменяли себя — и все ближе и ближе подходили к границам Бесформия, за которыми огонь и хаос.

— Они не могли, не хотели остановиться, хотя догадывались, что час близок.

— Играя с огнем, они надеялись победить природу.

— И свершилось...

Земля летела по орбите, медленно поворачиваясь к солнцу красновато-зеленой выпуклостью гигантского праматерика. Дымчато-желтые облака плыли над ним, скручиваясь кое-где в замысловатые спирали циклонов.

И вдруг в центре материка появилась слепящая белая точка. Она росла и скоро засверкала ярче солнца.

Материк лопнул, как лопаются кожура перезревшего плода, и мутное зарево раскаленных недр осветило трещины.

Исчезло все — контуры суши, просинь дрогнувшего океана, — пар, дым и пепел превратили планету в раздувшийся грязно-белый шар, который, как живое существо, затрепетал, пытаясь сохранить старую орбиту.

Раненой Земле удалось сохранить равновесие, хотя катастрофа изменила ось вращения.

Казалось, ничему живому не дано уцелеть в этом аду, в этом месиве огня и мрака, в этих наползающих серых тучах, среди медлительно неотвратимых ручьев лавы и рушащихся гор...

И тогда явилась та, которой суждено было явиться, и имя ей было Дэла.

Из пены волн явилась она и позвала всех, кто остался.

И когда все, кто остался, собрались в одно место, она сказала им слово Истины.

— Позади смерть, впереди море, — сказала она. — Выбирайте!

Все хотели жить и поэтому выбрали море.

— Праматерь живого примет вас, — сказала Дэла, — и пусть идут века.

— Пусть идут века, и пусть покой придет в ваши души, и будет Четвертый Круг — Круг Благоразумия.

— Пусть покой придет в ваши души и сотрет память о Третьем Круге, и только Бессмертные будут помнить все.

— За зеленой дверью запрета пусть спят до времени страшные силы и тайны, которые открылись слишком рано.

— Ибо нет большей ошибки, чем применить знание, которое не созрело, и освободить силу, которая не познана до конца.

— Ибо Равновесие — суть всего живого и жизнь — охранительница Равновесия Мира.

— И когда вы будете здоровы телом и духом, и сильны дети ваши, и беззаботны вновь дети детей ваших, тогда начнется Пятый Круг, Круг Поиска.

— Чтобы соединить вновь разрозненное в единое, разбитое в монолитное. И это будет Шестой Круг — Круг Соединенного Разума.

— А до той поры пусть нерушимо будет Слово Запрета и пусть некоторые из вас будут бессмертны в поколениях, чтобы передать Соединенному Разуму знание Третьего Круга...

10. ПЕРЕКРЕСТОК

Нина устала, очень устала — она потеряла чувство времени и удивилась, взглянув на часы, — там, в мире людей, уже занималось утро.

Она совершенно автоматически выключила «видео-

маг» и продолжала сидеть на мраморном троне. И только когда Уисс во второй раз позвал ее, она покорно поднялась, спустилась по влажным ступенькам. Вода приняла тело, стало легче.

Убедившись, что Нина держится за плавник достаточно крепко, Уисс нырнул, и вновь полетел навстречу подземный тоннель — теперь уже вниз, к выходу.

Нина понимала, что времени остается все меньше и меньше, что надо, пока не поздно, задавать вопросы — как можно больше! — иначе не найти ключей ко всему виденному и слышанному. Она мучительно старалась поймать самое главное, но спросила то, о чем почти уже догадалась сама:

— Почему ты уходишь?

— Это воля Бессмертных.

— Но ты же один из них?

— Да. И поэтому я должен подчиниться.

— Ты вернешься?

— Не знаю. Мне надо убедить остальных.

— Убедить? В чем?

Они пронеслись по каменной трубе добрую сотню метров, прежде чем Уисс ответил:

— В том, что люди разумны. В том, что начался Пятый Круг — круг Поиска Равных, Поиска Друга.

Нина заговорила вслух, заговорила горячо, сбивчиво, и голос ее, зажатый маской акваланга, звучал в гидрофонах обиженным всхлипом:

— Уисс, катастрофа в Атлантике — ошибка. Страшная, трагическая. Ты должен понять. Люди не хотели зла дельфинам. Это вышло случайно, пойми. Я... я просто не знаю, как тебе объяснить...

И опять Уисс помолчал, прежде чем ответить:

— Я понимаю. Почти понимаю. Но остальные не понимают. Мне надо их убедить. Будет трудно. Ибо длится Четвертый Круг — круг Благоразумия, в котором народы Дэла нашли покой.

— Уисс, каждый из нас несовершенен. Но мы строим общество, где эти несовершенства будут взаимно уничтожены. Мы называем его коммунизм.

— Я нарушил Запрет, потому что верю в людей.

Они миновали распахнутую золотую дверь и выбрались наконец из недр загадочного острова. Снова приковылял старик осьминог и с ловкостью заправского швейцара прикрыл решетку, завалив вход огромным камнем.

На этот раз заговорил первым Уисс:

— Мы давно уже ищем встречи. Мы помним древний завет — собрать и соединить вместе крупницы разума, рассеянные во всем живом и разобщенные временем.

— Уисс... Уисс, расскажи обо всем — об этом храме, о поющих звездах, о тех, кто приходил сюда, — расскажи!

— Это долго. У меня нет времени.

— Расскажи.

— Ты устала.

— Уисс, прошу тебя!

— Было время, когда мы и люди почти понимали друг друга. Они считали нас старшими братьями, и мы хотели научить их тому, что знали сами. Они строили скалы, пустые внутри, и женщины приходили сюда, чтобы слушать нас. И мы говорили с ними.

— Только женщины приходили к вам?

— Да, только женщины.

— Почему?

— Долго объяснять. У людей все по-другому. Женщины учили мужчин тому, чему учили их мы.

— Что же было потом?

— Потом мы перестали понимать друг друга.

— Почему?

— Не знаю. Сейчас не знаю. Раньше мы думали, что разум людей увял, не успев распуститься, что люди вы-

родились и на суше невозможна разумная жизнь. Так думали почти все.

— Почти все?

— Да, почти все. Но были такие, кто не верил этому. Они искали встречи даже после провала первой попытки. Многие погибли.

— Их убили люди?

— Да. А те, кто остался, приняли кару.

— Какую кару?

— Нам надо спешить...

— Ты бессмертен, Уисс?

— Да. Я не имею права умереть естественной смертью. Это и есть кара.

— Бессмертие — кара?! Бессмертие — самая сладкая мечта человечества! Наука веками боролась за всемерное продление жизни! А возможность продлить жизнь бесконечно... Это сказочное счастье!

— Люди — большие дети. Нет ничего страшнее, чем жить, когда твой жизненный круг замкнулся, когда ты отдал живому все, что мог, и не можешь дать больше, когда все повторяется и повторяется без конца, не согревая тебя неизведанным, когда нет желания жить! Только за очень большую вину наказывают бессмертием!

— Ты был виноват?

— Нет. Я принял вину отца, как он когда-то принял вину деда. Наказание бессмертием вечно, но бессмертный может обрести право на смерть, если его вину примет сын.

— И сын становится бессмертным?

— Да.

— И ты будешь жить вечно?

— Нет. Я устал. У меня есть надежда. У меня есть сын. Он еще маленький. Но если, став взрослым, он добровольно примет мою вину, я получу право на смерть. Блаженную смерть...

— Я не понимаю, Уисс... Выходит, бессмертные виновны... Почему же они правят всеми дельфинами?

— Мы не правим. Мы несем кару.

Уисс потянул Нину вверх осторожно, но повелительно. Внизу мелькнул и пропал коралловый лес. Проекторы хотептерусов уже погасли, и буйные заросли медленно расплывались, отдаваясь, темным красно-бурым пятном.

От праздничной подводной иллюминации не осталось и следа. Уисс и Нина летели сквозь серо-синюю муть воды, еще не тронутую солнцем. Изредка попадались медузы, но их смутные полупрозрачные колпаки ничем не напоминали ночного великолепия. Даже пестрые рыбки, деловито снующие между всякой мелкой живностью, спускающейся на дно, выцвели и поблекли.

А может быть, это чувство скорой разлуки гасило краски?

В наушниках зазвенели знакомые стеклянные колокольчики автопеленга, возвращая к действительности. Волшебная ночь подходила к финалу, и пора было думать о том, как оправдаться на корабле.

Поверят ли ей? Поймут ли? Пан... Пан поймет. Он будет дотошно крутить ленту «видеомага» назад и вперед, высчитывать и сопоставлять — милый, добрый, внимательный и все-таки... Все-таки недоверчивый. Он ученый и привык понимать разумом, а не сердцем.

Если бы он был рядом с ней в эту ночь, если бы мог физически пережить то, что пережила она! Тогда не пришлось бы ничего доказывать...

Они были уже где-то рядом с надувной лодкой, потому что серая муть превратилась в голубое сияние, а колокольчики гудели колоколами.

Уисс остановился.

— Дальше ты поплывешь одна. Я уйду. Прощай.

Нина обняла обеими руками его большую мудрую

голову, прижалась к упругому сильному телу. То ли запотел щиток маски, то ли после темноты на свету защищало глаза, но все заволокло туманом.

— Ты вернешься, Уисс?

Она почувствовала, как бьется сердце Уисса, и подумала о том, что общение уже не требует от нее прежнего нервного напряжения — что-то случилось то ли с ней, то ли с Уиссом, но их пента-волны встречались легко и просто, будто слова обычного человеческого разговора.

— Ты вернешься, Уисс?

Уисс не умел лгать, но он знал, что такое грусть и надежда. Он взял в широкий клюв пальцы женщины, слегка сжал их зубами и помычал. И вдруг одним неуловимым мощным броском ушел в сторону и вниз, и через секунду его уже не было видно.

Нина не двигалась, парила в нескольких метрах от поверхности и задумчиво смотрела в водное зеркало. Прошло пять, десять минут, по зеркалу пробежала золотая рябь: где-то там, в мире людей, вставало солнце.

Вода стала совершенно прозрачной, и Нина видела сверху свое отражение — диковинное зеленовато-коричневое существо с блестящим овалом маски вместо лица, с ритмично вспухающими и опадающими веерами синтетических «жабр» за плечами.

Такой или не такой видел ее Уисс? Смешно, конечно, не такой — он все видит не так, как люди. Но тогда какой? Красивый или безобразный, с его точки зрения?

Правую руку слегка защищало. Она поднесла кисть к глазам и увидела небольшую царапину — Уисс слишком крепко держал ее руку. Нина улыбнулась чему-то, и ей стало легко и сладко.

Пора было всплывать, но это значило разбить золотое зеркало и вернуться в повседневность. Ей и хоте-

лось и не хотелось этого. Она медлила. Она всегда медлила на перекрестках: ей всегда становилось смешно и грустно оттого, что один поток машин идет в одну сторону, другой — в другую. Ей всегда хотелось погасить светофоры и остановить встречные потоки: пусть люди попросту расскажут друг другу, что они видели в каждой стороне...

Дальнейшее случилось со скоростью неожиданного удара.

Она увидела в зеркале рядом с собой, только много ниже, длинную серую тень. Ей показалось, что вернулся Уисс, и она рывком повернулась навстречу тени.

Ей помогло то, что при резком повороте бокс с видеоманитофоном отлетел в сторону.

Страшная пасть щелкнула у самого бока, и аппарат оказался в горле пятиметровой акулы. Он застрял там — его держал нейлоновый ремень, перекинутый через плечо Нины.

Акула не откроет пасти, пока не проглотит добычи — таков инстинкт. Значит, пока цел ремень, Нине не страшны акульи зубы.

Но пока цел ремень, Нина привязана, прижата к акульему костистому боку.

Хищница уходила все глубже и глубже судорожными кругами, давясь и топыря жабры. Бороться с ней было бесполезно.

Пальцы шарили у пояса, но там было пусто. Импульсный пистолет-разрядник лежал на дне лодки. Она сама бросила его...

Уисс тоже не спешил к своим, хотя знал, что его ждут. Он хотел сосредоточиться, собраться перед нелегким спором. Чем кончится спор — неизвестно. Может быть, только Сусип поддержит его. Скорее всего только Сусип. Но и это немало. Три глота Сусип и пять глотов Уисса — это уже восемь глотов из двадцати одного...

Слабый сигнал тревоги замигал в мозгу. Уисс встретился на покатой волне и напряг локатор.

Вокруг было спокойно, но сигнал не умолкал — теперь это был призыв о помощи; призыв едва уловимый, затухающий, невнятный, он мог принадлежать только одному существу на свете, и это существо не было дэлоном...

Он летел к острову, пытаясь на ходу определить по сбивчивым импульсам размеры и суть опасности, грозящей этому существу.

Он смог уловить только пульс разъяренной акулы и еще более увеличил скорость.

Он уже видел их — хищник и жертва, непонятной силой прижатые друг к другу, метались у самого дна.

Призыв о помощи мигнул и погас. Нина потеряла сознание.

Уисс выстрелил ультразвуковым лучом в затылок акулы, целя в мозжечок. Огромная туша дернулась, перевернулась через голову и, покачиваясь, медленно опустилась на дно кверху брюхом.

Нина была жива, просто ремень сдавил ей грудь, не давая дышать. Нейлон оказался крепок даже для зубов Уисса, но в конце концов ему удалось перекусить сверхпрочную ленту. Не обращая внимания на оглушенную акулу, он осторожно взял Нину клювом за широкий пояс и перенес повыше, на круглую базальтовую площадку.

Нина теперь дышала свободно. Уисс терпеливо ждал, пока не проснется сознание, и чтобы не напугать при пробуждении, отплыл немного в сторону.

Он совсем забыл об акуле и не заметил, как та, очнувшись, очумело шаракнулась за камни.

Он увидел ее прямо над собой. Благополучно проглотив аппарат с остатками ремня, она выгибала пятиметровую пружину своего узкого тела, чтобы броситься вниз, к базальтовой площадке.

Кровь! Как он не догадался сразу! У Нины была оцарапана рука, и акула учуяла запах крови. Этот запах пьянил ее.

Резкий взмах хвоста — и Уисс свечой взлетел вверх, пересекая бросок акулы. Хищница была раза в два больше дельфина, но точный удар в жабры сделал свое дело.

Уисс снизился над площадкой. Нина все еще не пришла в себя, но ждать больше было нельзя.

Уисс поднял Нину на спину и легко понес вверх, к темному пятну надувной лодки. Ее ждали — он видел зума с биноклем, красные всплески беспокойства исходили от него.

Действительно, едва Уисс поднял Нину на поверхность, чьи-то руки сразу подхватили ее.

Зум был так взволнован, что даже не заметил Уисса. Он наклонился над Ниной, торопливо снял маску акваланга и поднес к ее губам какой-то пузырек.

Уисс отплыл метров на двести и навсегда отпечатал в своей бессмертной памяти все, что было вокруг, — небо и солнце, море и остров, большой корабль и маленькую лодку — он видел все это не так, как люди, и никто из людей никогда не узнает как, но он видел все это и старался запомнить навсегда, чувствуя и понимая неизбежное.

Потом отключил все сорок четыре органа чувств и сосредоточил энергию в себе.

Только Бессмертным был доступен нуль-полет.

Пульс перешел в острую неприятную дрожь, постепенно нарастающую.

Через секунду на том месте, где был Уисс, поднялся и опал белый фонтан.

Еще через секунду там не осталось ничего, кроме медленно расходящихся концентрических кругов.

Круги скоро смысла ленивая зыбь.

Бессонная ночь порядком измотала Карагодского. И не только физически.

Вначале почти позабытое чувство творческой фантазии, так неожиданно вновь испытанное на «Дельфине», будоражило и радовало его. Вместе со всеми толкался он в центральной аппаратной, придумывая и отвергая разные варианты поиска, но если Пан нервничал всерьез, то Карагодскому все это казалось забавной игрой, этаким психологической встряской, специально для него предназначенной. В глубине души он был уверен, что игра в прятки вот-вот кончится, Нина с Уиссом вынырнут из воды — «А вот и мы!», — и тогда он выложит изумленному Пану, до чего докопался в своей каюте.

Но прошел час, другой, третий, а Нины все не было.

Смутное хмурое утро повисло над морем. Свинцовая гладь воды, не тронутая ни единой морщинкой, черное щетинистое темя злополучного острова, белый кругляшок надувной лодки около — и надо всем тяжелое сырое небо без просветов.

Пан то сидел, сцепив руки и уставившись в одну точку, то принимался ходить у борта, нарочно не глядя на воду. Гоша безнадежно прощупывал биноклем горизонт. Толя как заведенный методично включал и выключал по очереди тумблеры аппаратуры — уже не вслушиваясь, а просто чтобы что-то делать. Остальные занимались чем попало, а часы все выстукивали нудные пятиминутки. Только эти щелчки и нарушали тягучую тишину.

И тут до Карагодского стала доходить вся серьезность происходящего. Вспышка энтузиазма быстро угасала. Он чувствовал себя как пешеход, застигнутый красным огнем на переходе. Бежать вперед или благо-разумно вернуться назад?

Конечно, все это очень мило и оригинально — искать

родственную цивилизацию по всей Вселенной, выкликать ее радиосигналами, нащупывать все удлиняющимися маршрутами космических кораблей и обнаружить... у себя дома, на Земле. Но какая польза будет человечеству от такого открытия? Надо думать, никакой.

До сих пор энтузиасты «братских контактов» соблазнили людей возможностью позаимствовать без отдачи у «иногo Разума» какой-либо неизвестный вид энергии, невиданную машину на худой конец. А что возьмешь с дельфинов? Они не взрывают горы, не строят городов и не покоряют другие планеты: мирно плавают по синю морю в чем мать родила, едят сыру рыбу и сочиняют музыку. И ничего им, главное, от людей не нужно, никакой помощи, ни моральной, ни материальной. Они и без людей хорошо устроились в Мировом океане. Так что в роли «благодетеля» тоже не выступишь.

Так на кой же дьявол нужен такой «контакт»? Стоит ли из-за него лезть на рожон?

Академик исподлобья посмотрел на Пана. Тот выглядел сильно встревоженным, но отнюдь не отчаявшимся. Казалось, он знал нечто Карагодскому неизвестное. Может быть, у них была какая-то договоренность с этой девчонкой?

Надо подождать. Иначе можно попасть впросак.

Кришан тихо перебирал клавиши электрооргана и напевал — негромко, одним дыханьем — замысловатую и щемящую мелодию. Она звучала как ветер в покинутых древних руинах:

Тебе дано законом Братства
бессменно жить,
и умирать, и возрождаться,
и плыть, и плыть,
среди кругов такого Круга
найти кольцо,
где можно и врага и друга
узнать в лицо...

Карагодский перебирал в уме трофеи своих ночных «раскопок». Теперь они казались ему вздорными. Возможно, Пану они и пригодились бы. А ему самому? Не возиться же главному дельфинологу Д-центра с фаянсовыми плитками!

— Плавник...

Гоша произнес это слово негромко, но его услышали. Все повскакали с мест, разом зашумели, а Пан схватился за Гошин бинокль, чуть ли не вырывая.

— Да нет же... — Гоша вежливо, но решительно отвел руку Пана. — Это не Уисс. Это плавник акулы.

Люди замерли и смолкли, и вновь наступившая тишина сгущалась с каждой секундой, пока не стала почти осязаемой.

Теперь акула была видна без бинокля. Высокий плавник упрямо чертил прямую, и прямая эта упиралась в белое пятно надувной лодки.

Матрос в лодке тоже увидел акулу. В его руке полыхнула синяя молния, и до корабля долетел сухой треск разрядившегося импульс-пистолета. Плавник исчез.

— Промазал, — шепотом констатировал Толя. — Ушла в глубину, хищница.

Шли минуты, но акула не появлялась.

— Тертая. — Гоша опустил бинокль. — Теперь не выплывет.

— Может, уйдет?

— Вряд ли. Если она явилась на глаза, значит, что-то почуяла. Попусту эти обжоры к людям не подплывают. Боятся. А если уж почуяла, то будет кружить в глубине хоть сутки.

— Может, взять акваланг да поискать ее? — предложил Толя. — Всыпать ей тройной заряд, чтобы брюхо кверху. Я сметаюсь, а?

— Бесплезно. Легче найти иголку в стоге сена. Да и опасно. Они, правда, редко нападают первыми, но если

Алик задел ее выстрелом, то у нее порядком испорчено настроение...

— Что значит — опасно, черт подери? А если...

Он не договорил того, что вертелось у него на языке, и с немой просьбой посмотрел на Пана. Пан болезненно поморщился и отвернулся.

— Нет, Толя, я не разрешаю. Довольно сумасбродства на сегодня. Если Уисс с Ниной, им не страшны никакие акулы. А если нет... В конце концов, у Нины тоже есть импульс-пистолет.

— А если нет?

— Глупости. И довольно об этом. Будем ждать. Ничего другого не остается.

Небо заметно поглубело, потом к голубизне примешался прозрачный тон янтаря. Восток горел, и растущий пожар окрасил воду в цвет свежего среза меди.

Когда из-за острова наискось ударили солнечные лучи, стало как-то менее тревожно. Хотелось надеяться, что солнце рассеет ночные страхи вместе с промозглым туманом.

И действительно, минут через десять с лодки раздался крик. Все бросились к борту.

После долгожданного Гошиного «все в порядке» — без бинокля трудно было разглядеть, что происходит в лодке, — многочасовое напряжение разрядилось бесполой суетой. Все говорили враз, не слушая друг друга, и говорили без умолку.

Карагодский, прищурясь, смотрел на приближающуюся лодку и молчал. Благополучный исход не менял дела. Можно рисковать своей головой, но рисковать жизнью подчиненных непозволительно даже Пану. Ведь Нина рисковала собой ради Пана, ради доказательства его идей. И Пан потакал ей, хотя и делал вид, что возмущен.

Мертвая акула всплыла немного позже, прямо перед носом лодки. Видно было, как Нина закрыла лицо ру-

ками, а матрос оглянулся на тушу чудовища и уважительно покачал головой.

И тут грянул гром.

Грохочущий раскат потряхнул корабль и поплыл дальше басовой дрожью замирающего гигантского камертона. У самого горизонта, в полукилометре к северу от острова, возник фонтан, странно напоминающий гриб, только гриб этот был небольшой и совершенно белый, без единой вспышки огня.

— Смотрите!

На Толин возглас никто не обратил внимания — все и так смотрели на белый опадающий фонтан во все глаза.

— Да оглянитесь же!

Толя смотрел назад, в глубь лаборатории. Там что-то наливалось алым свечением. Вначале показалось, что вспыхнули предупредительным огнем индикаторы радиоактивности. Но когда глаза привыкли к полумраку, по площадке пронесся легкий вздох.

Маковый венчик, который надевала Нина вчера во время пента-сеанса и который за сутки превратился в горсть дожелта увядших, ссохшихся лепестков, воскрес на крышке включенного электрооргана. Неведомая сила возрождала погибшие клетки, расправляла и делала упругими стенки капилляров, гнала по ним животворные соки, возвращая кучке гнили красоту только что сорванных цветов...

Карагодский нервничал. Остаться пешеходом посреди перекрестка больше было нельзя. Надо было действовать. А он еще не знал, как себя повести — броситься навстречу приближающейся лодке или демонстративно покинуть площадку. Хитрить было невозможно, да и стыдно: подойти к лодке — значило окончательно сложить оружие, окончательно попасть под гипнотическую власть Пана (или его идей, какая разница!) и выступить с ним против тех, кому всякое новое поперек гор-

да, кого можно презирать, но сбрасывать со счетов нельзя.

Карагодский попятился к дверям. И когда вдруг появился радист с традиционным «Вениамин Лазаревич, вас вызывает Москва», Карагодский бросился к нему как к неожиданному спасителю.

Никто не заметил его ухода.

11. ВЕЧНЫЙ СОВЕТ

Пан полусидел, полулежал, откинувшись на подушки, и терпеливо ждал. Обычно после двойной дозы стимулятора все приходило в норму, но сегодня приступ длился дольше обычного. Словно тонкая дрель все глубже и глубже входила под левую лопатку, глухой болью отдавая в плечо. Боль давила виски, скапливалась где-то у надбровий, и тогда перед глазами порхали черные снежинки. Ноги лежали тяжелыми каменными колодами, в кончиках пальцев противно покалывало, точно они отходили после мороза.

— Ну не дури, не дури, старое, — уговаривал Пан свое сердце. — Перестань капризничать. Вернемся — пойдем к врачу, честное слово. Отдохнем хорошенько, поваляешься в больнице... А сейчас нельзя, понимаешь? Никак нельзя.

Сердце стучало с натугой, то припускало дробной рысью, то вдруг замирало на полном скаку, словно прислушиваясь, и тогда все внутри холодело и обрывалось, подступая к горлу.

— Ну, ну, потише, — бормотал Пан. — Ты меня на испуг не бери. Знаем мы эти фокусы. Аритмия — это, брат, для слабонервных. А я с тобой еще повоюю...

Пан воевал со своим сердцем уже давно и пока успешно. Вся трудность состояла в том, чтобы утаить «войну» от окружающих. До сих пор это удавалось, даже

близкие друзья не знали, что делает знаменитый профессор, закрывшись и отключив видеофон. Посмеиваясь, рассказывали анекдоты — одни о том, как Пан летает верхом на помеле, другие о том, как Пан учит говорить дрессированного микроба, а он лежал, откинувшись на подушки, скорчившийся, маленький, сухонький, и бормотал, облизывая сохнувшие губы:

— Ну, старое, ну еще немножко, поднатужься, пожалуйста, вот вернемся — пойдем к врачу, честное слово. А сейчас нельзя, понимаешь? Некогда нам с тобой дурить...

И сердце послушно поднатуживалось, тянуло, хлопая изношенными клапанами, с горем пополам проталкивая в суженные спазмой артерии очередные порции крови, чтобы не задохнулся, не померк этот настырный, требовательный мозг, и Пан появлялся снова, энергичный, неумный, и старички сверстники завистливо шепелявили ему вслед: «Надо же, его и годы не берут, никакая хворь не привязывается, счастливчик...»

Но сегодня сердце заартачилось. Оно уже не хотело верить обещаниям — ему нужны были отдых и покой. А трое последних суток и молодого укатали бы...

Пан проглотил еще одну таблетку и закрыл глаза.

На Нину он не сердился. Он вообще не умел долго сердиться, а на Нину тем более. Честно говоря, он очень удивился бы, поступи Нина иначе. Потому что сам в подобной ситуации бросился бы за Уиссом очертя голову. И даже записки не оставил бы.

Просто он сильно переволновался. За другого всегда почему-то волнуешься больше, чем за себя. Особенно за молодежь. Они сначала сделают, а потом подумают. Взять хотя бы это пижонство с импульс-пистолетом.

А Нина все-таки молодец. Из нее выйдет толк. Едва поднялась на борт — и сразу в слезу: «Акула видео проглотила...» То, что ее саму акула чуть не скушала, — это не в счет. Главное, что запись пропала...

Насчет записи, конечно, вышло плохо. Не поняли сразу, что к чему. А когда поняли, поздно было...

Пан поморщился, потер ладонью грудь. Боль отпущала понемногу, но не так быстро, как хотелось бы. Повернув голову, профессор посмотрел на себя в зеркальную ширму. На него глянуло измученное, заострившееся по-птичьему лицо. Набрякшие веки, потухшие глаза.

Стареешь ты, Пан. Недоверчивость — первый признак старости.

Нина убеждена, что все случившееся с ней — реальность от начала до конца. А вот он не уверен. Конечно, что-то было на самом деле. Но как отделить действительное от внушенного, внушенное от невольно придуманного? Что научный факт, а что художественный вымысел?

Разумеется, ничего принципиально невозможного в ее рассказе нет. Просто... Просто все это слишком хорошо укладывается в его собственные гипотезы. А полная ясность в науке — вещь коварная. Она может обернуться голой предвзятостью — когда ученый видит в явлении только то, что хочет видеть. Взять хотя бы этот храм... Ребята облазили весь остров и все дно вокруг — никаких намеков на окна и подводный ход нет. Не хочется пока говорить об этом Нине, но похоже, что храм ей примерещился.

С другой стороны, совсем уже невероятные «чудеса» с белым фонтаном и ожившими маками произошли у него на глазах, а никакого правдоподобного объяснения этому нет.

И Уисса нет. Если Нина ничего не напутала, Пану уже вряд ли придется беседовать с дельфинами.

Но сдаваться рано. Надо все еще раз проверить, надо как можно чище отмыть золото от песка, чтобы другим не пришлось начинать с нуля. Даже эта неудавшаяся экспедиция дала много — пусть пока не открытий, а только направлений поиска — для самых разных

наук: историкам — об истоках религиозных культов Крита и Киклад, психобиологам — о возможностях гармонии, физиологам — о проблеме звуковидения...

А если бы экспедиция удалась полностью?

Пан встал с тахты. Голова еще немного кружилась, под лопаткой покалывало, но приступ прошел. Можно снова работать. Надо работать.

Сейчас самое главное — разобраться вот в этой пленке. Вчера Нина сняла в лазарете энцелокинограмму зрительной памяти. Это, к сожалению, не лента видеоманитофона, но все-таки документ, из которого можно вытрясти крупницы истины, если хорошо повозиться. Не очень удобно копать в чужих воспоминаниях и снах, но что поделаешь. Нина сама настояла на съемке. А для такой съемки нужно не только мужество, но и чистая совесть человека, которому нечего скрывать от других.

Пан сел было за проектор, но над дверью заливисто залопотал звонок.

Карагодский вошел, сияя очками, торжественный и суровый.

— Извините, Иван Сергеевич, за вторжение, но нам необходимо побеседовать совершенно конфиденциально. Обстоятельства складываются так, что я вынужден принять кое-какие меры. Я хотел бы предварительно согласовать их с вами. Хотя бы для того, чтобы у нас не возникло никаких недоразумений.

Пан сузил глаза. В последнее время он начал испытывать к академику если не расположение, то уважение. Из-под маски всезнающего метра снова выглянул любопытный Венька, а молодость не возвращается зря. Академик стал задумываться и примечать: любопытная мыслишка о связи точек для иглоукалывания с пентаволной...

Но сейчас Карагодский ему не понравился.

— Я вас слушаю, Вениамин Лазаревич.

— Вы смотрели энцелокинограмму Нины Васильевны?

— Да, смотрел.

— И что вы скажете по этому поводу?

Пан пожал плечами, слегка удивленный:

— Пока, наверное, ничего не скажу. Ее надо расшифровать. И разумеется, с помощью самой Нины. Во всяком случае, это очень ценный документ.

— Ценный документ? Пожалуй, вы правы. — Карагодский хмыкнул. — Только расшифровывать там нечего. Я только что просмотрел все с начала до конца. Нина Васильевна тяжело больна.

— Что, что?

— Да. Я смею утверждать, что вся эта пленка — запись типичного параноического бреда, вызванного глубоким психическим потрясением и постоянной близостью дельфина. Именно вы, Иван Сергеевич, довели ее до такого состояния — вашими сумасбродными теориями, всякими пента-сеансами и прочей чепухой. Вы толкнули ее на опрометчивый поступок, едва не закончившийся трагедией, и даже сейчас, после всего, вы продолжаете потакать ее галлюцинациям вместо необходимого лечения, чем усугубляете и без того тяжелое состояние...

— Послушайте, что за чушь вы несете?

— Чушь?!

Карагодский медленно залился краской, сунул руку в карман и, потрясая бумагой перед лицом Пана, закричал неожиданным фальцетом:

— Данной мне властью я запрещаю вам продолжать опыты! Слышите? Запрещаю!

— Простите. — Пан пружинисто встал перед Карагодским. — Простите, Вениамин Лазаревич, я вас не понимаю. Вы говорите не на том языке. Вы говорите на языке давно умершем и, как я думаю, давно позабытом. Этот язык изобрели мелкие хищники, которые пытались превратить науку в услужливую домработницу. Нет этих

хищников, они давно вымерли, их трупы сгнили на мусорной свалке истории — только вот язык нет-нет да и оживет. «Данной мне властью...» Какой властью? Кто вам ее дал?

— Я говорил с Москвой, Я описал цель и направление вашей работы, суть и значение ваших «экспериментов» — с ваших же собственных слов. Вот радиogramма... «В связи с чрезвычайными обстоятельствами... временно прервать исследования по программе профессора Панфилова... научно-исследовательское судно «Дельфин», аппаратуру и подопытного дельфина по кличке Уисс передать в распоряжение академика Карагодского... всем научным работникам всемерно помогать выполнению программы академика Карагодского...»

— Ясно. Сдавать, значит, по инвентарной описи: «Кресла мягкие — две штуки, дельфин по кличке Уисс — одна штука, профессор Панфилов — один...» А что за чрезвычайные обстоятельства, можно поинтересоваться?

— Можно. Дельфины в последние дни повсеместно отказываются загонять рыбу, покидают ШОДы в массовом порядке. Дельфиньи стада уходят от берегов в открытое море. Государственный план по отлову морской и океанической рыбы под угрозой срыва. На ноги поднят весь аппарат Д-центра. Это результат ваших экспериментов, — добавил Карагодский, значительно понизив голос. — Моя задача — как можно скорее принять конкретные меры...

А Пан забыл о споре, гнев слетел с него, как шелуха: он замаячил по привычному маршруту между тахтой, столом и дверью, бормоча:

— Даже так... Это уже серьезно... Хотя и следовало предполагать...

— Я жду, Иван Сергеевич, — процедил Карагодский, поджав губы.

— Чего? Чего вы ждете? Объяснения причин? Да

они перед вами как на ладони, причины эти, вы их только не хотите принимать. Представьте на минуту себя дельфином в вашем собственном ШОДе, где вас, академика, какие-то существа учат гонять рыбу, и только. Сначала вам будет даже забавно, а потом, потом захочется настоящего дела. И еще поройтесь в памяти, не произошло ли за прошлые дни чего-либо из ряда вон выходящего?

— Это в Атлантике?

— Когда надо, вы удивительно догадливы. Что вы будете делать на месте дельфина, если вдруг выясните, что сотрудничество с человеком не только скучно, но и опасно?

— Довольно. Надо действовать, и незамедлительно. От нас ждут реальной помощи. Я пришел поставить вас в известность, что с сегодняшнего дня я вступаю в права руководителя экспедиции... Если вы не согласны...

— Согласен. Вступайте. Передаю вам корабль, аппаратуру, себя, своих сотрудников... Одна тут закавыка... Не знаю, под каким номером числится этот предмет в вашей инвентарной книге — «дельфин по кличке Уисс», — так вот, вышеназванный дельфин исчез. В неизвестном направлении. И, судя по всему, вряд ли сюда возвратится.

— Вы... вы это серьезно?

— Вполне.

Карагодскому стало жарко, несмотря на открытые иллюминаторы. Он почувствовал, что воротник рубашки слишком туго стягивает шею.

— Вы... вы ответите за это. Это все ваши штучки. Вы подучили Уисса, всех этих клейменных атаманов... поднять бунт... против ШОДов, против ДЭСПа, против моего дела... Вы ответите...

— Да. Я отвечу. Отвечу громко и внятно на все вопросы, которые мне зададут. Потому что у меня есть на них ответы... А вот вам отвечать будет нечего. Вы заблуж-

дились, Карагодский. Вы так часто прикрывали важными словами свои личные выгоды, что сами поверили в свою незаменимость и всемогущество. Вы представляли хорошие отчеты и победные рапорты, хотя дела шли отнюдь не блестяще. И делали вы это не по глупости или ограниченности: это еще можно простить. Нет, вы видели и чувствовали нарастание тревожных симптомов, но, оберегая свой авторитет и опять же личные выгоды, пытались решить проблему тайно, кустарно, в кулуарах, без огласки. Вы и сейчас готовы на все, лишь бы выгородить себя. И закатываете истерики по поводу «краха» экономики. Будет вам. Не на одних дельфинах стоит она. Собственного краха боитесь вы, вот чего...

* * *

За трое суток до этого разговора, пролетая над Саргассовым морем, пилот рыбозазведчика «Флайфиш-131» Фрэнк Хаксли услышал сильный удар грома. Он удивленно посмотрел вверх, в ослепительно чистое, дочерна отлакированное ночное небо, увешанное пышными гроздьями южных звезд, и спросил через плечо радиста:

— Бэк, ты слышал? Что это могло быть?

— Не знаю. Метеор, наверное, глянь вниз...

Они летели низко, и Хаксли хорошо разглядел подчеркнуто-белый на черной воде опадающий фонтан светящегося пара.

— Запиши в журнал координаты. Надо сообщить в Службу Информации. Может быть, какому-нибудь доке пригодится...

— А, не стоит, — зевнул радист. — Мало ли всякой всячины с неба падает. Все записывать — бумаги не хватит...

— Тоже верно, — согласился Фрэнк. — Вот если бы хороший косяк скумбрии попался — это другое дело.

— А тунца не хочешь больше? — сострил Бэк.
Оба расхохотались.
«Флайфиш» развернулся и взял курс на Базу.

* * *

Воронка крутящейся тьмы затягивала в свою пасть все — живое и неживое. Слепые ураганы и смрадные смерчи клочкотали вокруг. Но оттуда, из этого клочущего ада, тянулась ввысь хрупкая светящаяся лестница, и одинокие, отчаянно смелые зумы с неистовыми глазами, борясь с ветром и собственным бессилием, скользя и падая на дрожащих ступенях, поднимались по ней. Их жизни хватало на одну-две ступеньки, но они упорно ползли вверх, и их становилось все больше. Они протягивали друг другу руки и переставали быть одиночками, и слитному движению уже не могли помешать ураганы, и все тверже становилась поступь...

Алая молния ударила в глаза — это взвилось над зумами полотнище цвета огня. Еще клочкотала темная бездна, еще ревели ураганы, еще метались смерчи, но пылающий флаг надежды зажигал звезды, созвездия, галактики, и в последнем торжествующем многоголосом аккорде вспыхнула вся вселенная...

Уисс кончил рассказ. Каждый нерв его тела дрожал, заново пережив мощь, тоску и радость цветомузыкальной поэмы зумов. Уисс старался воспроизвести ее возможно точнее, во всем богатстве необычных оттенков и странности чуждых образов и рисовал этот неожиданный параллельный мир таким, каким он предстал перед ним в ту счастливую ночь озарения в акватории.

И он, кажется, достиг того, чего хотел, — Бессмертные молчали, погруженные в увиденное и пораженные им. Уисс не торопил. Он знал на собственном опыте, как нелегко все понять и принять.

Они лежали на густо-синей поверхности Саргасова моря в традиционной символической позе Вечного Совета — соединив клювы и разбросав лучами точечные длинные тела, так что казались сверху большой звездой.

Уисс давно уже не был здесь, в Центре Мира, где рождается и откуда начинает раскручиваться колоссальная спираль теплых течений. Отсюда дэлоны управляли Равновесием, отсюда при необходимости замедляли или ускоряли вековые биологические ритмы Мирового океана, устраняли нежелательные возмущения в биоценозах — достаточно было заложить нужный молекулярный шифр в генетическую память саргассов, и бурые клубки, как живые мины, уплывали по тайным дорогам течений туда, откуда пришел сигнал опасности, и через рассчитанный ряд поколений Равновесие восстанавливалось.

Бессмертные молчали, но Уисс умел ждать. Он оглядывал горизонт световым зрением, пока звуковая сетчатка отдыхала, — привычка, полученная от двухлетнего контакта с зумами.

Солнце стояло точно в зените и обрушивало на море золотой ток тропического зноя. Вода была прозрачна до невидимости и воспринималась только как плотная прохлада. В ее толще неторопливо поворачивалось, покачивалось, всплывало буйное разнообразие саргассовых водорослей — от небольших бурых шаров, щедро инкрустированных серебряными пузырьками воздуха, до многометровых островов зеленовато-коричневой волокнистой массы, над которыми радужными бабочками вспыхивали летучие рыбы.

Наконец Сасоис произнес древнюю формулу начала:

— Готовы ли все быть Одним, ставшим после Двух? Синие знаки были ему ответом.

Меланхоличный Асоу долго поскрипывал и ворочал-

ся, прежде чем начать. Наконец заговорил, осуждающе посвечивая в резкие глаза Уисса:

— Я, Асоу, говорю от имени Созерцания. Я был против, когда ты уходил к зумам, Уисс. Я был против, но меня не послушали, и ты ушел. И вот ты вернулся, и я оказался прав.

— В чем ты прав, белозвездный?

— Ты болен, Уисс. Ты слишком долго был у зумов, и они заразили тебя. Я знаю твою болезнь. Эту болезнь называли когда-то безумием суши. Когда дэлон заболевает этой болезнью, его тянет к земле. Он выбрасывается на камни и погибает.

— Почему ты решил, что я болен? Меня не тянет к скалам.

— Все, что ты показал нам, — бред. На суше не может быть разума. На суше могут существовать только низшие формы жизни.

— Но я же показал вам МЫСЛЬ! Она принадлежит зумам, а не мне!

— Ты ошибаешься. Это говорили не зумы, а твоя болезнь. Тебе приснились все эти странные и нелепые видения, они существуют только в твоём воображении. Много веков слежу я за мировым биофоном, но нигде и никогда не встречал даже намека на разумную деятельность зумов. Скорее, наоборот, нам приходится все чаще и чаще вмешиваться в биосферу, чтобы восстановить уничтоженное ими. Они нарушают Равновесие, а ты говоришь о Разуме. Ты просто болен.

Уисс хотел было возразить, но Асоу раздраженно зажег красный знак, давая понять, что спорить бесполезно. К счастью, Хранитель Первого Луча имел право только на один глот, но этот глот был против.

Осаус ворвался в спор, даже не дождавшись, пока Первый погасит сигнал голосования.

— Я, Осаус, говорю от имени Действия. Когда Уисс уходил к зумам, я отдал свои два глота ему. Я был за,

потому что надеялся, что Уиссу удастся найти способ приручить этих опасных животных. Я говорю — животных, я не верю ни единому цвету из того, что показал Уисс. Ты говоришь, что зумы разумны, Пятый? Но их тело такое несовершенное.

— У них иной разум, чем у нас, белозвездный. Они создают машины, которые искупают несовершенства их тела и помогают добывать пищу...

— Добывать пищу? Разве ради пищи зумы уничтожают все живое и нарушают Равновесие? Вспомни — мы послали в железные тюрьмы тысячи своих братьев, чтобы научить зумов ловить рыбу, сохраняя Равновесие. Братья кормили зумов, а что вышло из этого?

— Ты забываешь, Осаус, что мир дэлонов раз в десять старше мира зумов. Зумы еще дети...

— Где ты видел детей, которые убивают себе подобных без всякой причины? Нет, Уисс, зумы — это дикие хищники, они еще хуже акул, потому что акулу гонит голод, а зума — инстинкт убийства. Ты называешь разумными существа, которые только вчера убили триста дэлонов за то, что те спасали зумов от самих себя? Нет, Уисс, ты действительно болен.

— Это ошибка. Они не знали...

— Знание не остановит их — они станут только еще опаснее. Если народы Дэла хотят жить, они должны держаться подальше от зумов.

Осаус, яростно отмахнувшись, зажег два красных знака, положенных ему в Совете. Еще два глота против — итого уже три. И пока ни одного за.

— Что же скажет Суси?

— Я, Суси, говорю от имени Запрета...

Глубокие вишневые глаза Суси, словно хранящие отблеск первородной трагедии, потемнели. Он медленно распрямил свое огромное белое тело.

— Я отдал Уиссу свои три глота тогда, отдам и сейчас. Мы видели с вами МЫСЛЬ — голос боли и счастья,

крик отчаяния и надежды, мы пережили вместе с зумами века падений и взлетов, заглянули в их историю. Асоу ошибается — Уисс не болен. Любой самый больной, самый фантастический образ покоится на увиденном, услышанном, пережитом. Придумать такое невозможно при любой болезни — даже если Уисс что-то интуитивно добавил от себя. Такая МЫСЛЬ могла родиться только в мире зумов. Очень много непонятного для нас в этом мире, очень много чуждого и неприемлемого, но этот мир существовал, существует и будет существовать независимо от нашего желания.

Сусип вздохнул и, помолчав, продолжал:

— Никто лучше меня не знает темные века Круга Великой Ошибки. Ты, Первый, отрицаешь зумов потому, что на суше труднее жить. Но разве не суша дала дэлонам настоящий разум — не просто знание вечных истин, а разум действия, разум поражения и победы?

— Суша дала дэлонам страдания, — хмуро возразил Асоу.

— Да, суша дала страдание, но иначе мы не оценили бы радости моря. Пережитое зло научило нас творить добро. И ты, Первый, и ты, Второй, говорите о том, что зумы неразумны, ибо нарушают Равновесие. Но разве вы забыли, что делали с планетой наши пращуры? Уисс прав — зумы действительно пока еще дети, они на полпути к настоящему разуму. Неразумно их зло, но разумно стремление к добру. Да, вчера одни зумы хотели меня убить, но другие зумы пришли мне на помощь, раненому. Безумие и разум, зло и добро борются в душах этих существ. Мы должны помочь им, мы должны привести их к мудрости Соединенного Разума.

Осаус протестующе засигналил, но Сусип остановил его.

— Да, Второй, я уверен, что мы братья, разделенные

временем и пространством, братья, забывшие родство, но мы живем на одной планете и во имя Соединенного Разума должны найти дорогу от брата к брату. Иначе... Что, если зумы сами придут к знаниям Третьего Круга, не ведая опасности? Кто поручится, что планета, уцелевшая чудом однажды, уцелеет и во второй раз? Если зумы слишком молоды и несовершенно, то мы слишком дряхлы и эгоистичны, раз не хотим признать очевидного. Наш единственный шанс — контакт.

Три знака Сусип зажглись зеленым. Три глота за, три глота против. Силы пока равны.

— Я, Соис, говорю от имени Благоразумия...

Легкий изгиб улыбки приоткрыл клюв Уисса. Соис очень не любил возражать кому бы то ни было — он со всеми соглашался. Добряк и миротворец, он всегда делил свои четыре глота поровну между враждующими сторонами — два одной, два другой. Как поступит он сейчас?

— Я согласен — контакт с зумами неизбежен и необходим. Несмотря на все, что разделяет нас, мы накрепко связаны прежде всего интересами Равновесия, на нарушение которого справедливо жаловались Асоу и Осаус. Мы живем на одной планете, и разделить ее на две половинки невозможно. Но вместе с тем я должен обратить внимание на опасности контакта, и в этом я абсолютно согласен с Осаусом. Уисс очень хорошо показал нам МЫСЛЬ, из которой я понял, что огонь, смертельный враг дэлонов, для зумов оказался другом и спасителем. Угроза нашим соплеменникам при перегоне Горящей Рыбы — это, если хотите, символическое предупреждение против излишней доверчивости к зумам. Я согласен с Уиссом — это могла быть ошибка. Но я не могу не согласиться и с Асоу — на суше не может быть полноценного разума, а поэтому возможность таких трагических ошибок в будущем совсем не исключена. Поэтому я — за ограниченный контакт, контакт по необходимости

сти, а не по желанию. Только Благоразумие — и да продлится Четвертый Круг!

И, верный себе, Соис зажег два зеленых и два красных знака. Пять — пять.

Уисс едва выдержал ритуальную паузу раздумья.

— Я, Уисс, говорю от имени Поиска. Я сказал Вечному Совету все, что знал, и показал все, что видел. Я выслушал всех, чьи глоты против меня, и тех, чьи глоты за меня, и остался верен тому, с чем пришел. Я отдаю свое право делу своей убежденности.

И зажег торжествующе пять зеленых знаков — теперь, с его голосом, за контакт было десять глотов, а против — только пять.

Он уже видел снова железный белый кор с красным значком «Д-Е-Л-Ь-Ф-И-Н», слышал ворчание Пана и смех Нины — все, что стало за два года не только знакомым, но и по-своему родным, — когда заговорил Сасоис:

— Я, Сасоис, говорю от имени Будущего... Уисс, белозвездный, пойми меня правильно. Я был за, когда ты уходил к зумам, и если бы сегодня надо было бы решать это снова, я снова отдал бы тебе свои шесть глотов. Ты сделал много, очень много. Благодаря тебе мы теперь знаем не только то, как они живут, но и то, чем они живут. МЫСЛЬ, переданная тобой, позволила заглянуть в их души, мысли и мечты. Спасибо тебе.

Нарушая этикет, Сасоис коснулся корявым ластом Уисса, но тому почему-то стало холодно от этой грубоватой ласки.

— Я верю, что зумы разумны, что их цивилизация достаточно сложна и высока, верю в их доброе начало и в то, что случившаяся трагедия — нелепая ошибка. Я хочу надеяться на будущую дружбу. Я знаю, что ты нарушил Запрет и показал зумке танец звезд в Храме Соединения. Я не осуждаю тебя, ибо, нарушив слово Запрета, ты выполнил дело, завещавшее Поиск.

Бросать семена — твое право и обязанность, возможно, теплые течения разбудят их, и зерна прорастут корнями понимания. Но контакт — это процесс долгий и сложный. Если даже он удался между одним зумом и одним дэлоном — это еще не значит, что обе цивилизации одинаково готовы к контакту. Ты правильно сказал: зумы пока еще дети. Так подождем, пока они подрастут. Потому что даже если мы очень захотим подружиться с зумами — ничего, кроме недоразумений, у нас не получится. Требуется такое же горячее желание дружбы и от зумов. И не только желание, но и способность понять и оценить друга. Дорогу надо прорубать с двух сторон, чтобы не оказаться в чужом мире незванными гостями.

Он помолчал и погладил снова поникшего Уисса:

— Подождем. Пока еще рано. Пока еще зумы слишком опасны даже для самих себя, не только для нас. Они еще не понимают Равновесия Мира, ибо нет равновесия в их собственных душах. Мы должны уйти из железных тюрем и увести братьев. Это ускорит ход часов. И если зумы выдержат экзамен — наши пути сольются. Когда придет время. А сейчас... пусть продлится Круг Благодарения.

Сасоис зажег красные знаки и произнес традиционную формулу конца:

— Все были Одним, ставшим после Двух, и Вечным Советом, решившим во имя Будущего — НЕТ...

Ветер посвистывал в Саргассах. И, как ветер, возник над морем древний гимн:

Тебе дано законом Братства
бессменно жить,
и умирать, и возрождаться,
и плыть, и плыть,
среди кругов такого Круга
найти кольцо,
где можно и врага и друга
узнать в лицо...

12. ДВОЕ СКВОЗЬ ВСЕ

Юрка определенно не знал, куда себя девать. Почему всегда так бывает: сначала все хорошо и хорошо, а потом вдруг плохо и плохо?

Сейчас было плохо. Месяц удивительной, сказочной жизни кончился внезапно, и непонятно, что делать дальше.

Сначала исчез Свистун.

А как хорошо им было втроем! Каждое утро, чуть свет, они с Джеймсом спешили на свой берег, к своей заветной бухточке, и наперебой насвистывали пароль. Свистун появлялся всегда одинаково: он подбирался под водой к самому берегу и вдруг взмывал в воздух, отчаянно скрипя и фыркая. И, как ни старались мальчишки угадать его появление, он всегда ухитрялся выскочить неожиданно. Невольный испуг ребят приводил его в восторг, он долго не мог успокоиться, кругами носясь по бухте.

А потом они забирались далеко в море, играли, ловили рыбу, причем Свистун вытягивал из глубины таких огромных рыбин, что даже местные рыбаки прониклись к ребятам великим уважением. Рассказам о дельфине они, конечно, не верили, да мальчишки не очень-то и настаивали: в конце концов, если взрослым больше нравятся выдумки о невероятном везении, пусть себе тешатся.

Потом они палили костры на берегу, и жарили рыбу, и варили уху, и не было ничего на свете вкуснее! Правда, Свистун не очень жаловал огонь. Он предпочитал держаться подальше и хрюкал весьма неодобрительно, когда ему предлагали жареное или вареное. Однако ребята не обижались на своего морского приятеля — каждому свое.

Но самое интересное начиналось, когда все трое отдыхали, отяжелев от еды — Юрка с Джеймсом в моторке, Свистун — снаружи, положив круглолобую голову на

борт, Они рассказывали друг другу замечательные истории о море и суше, о людях и дельфинах, о себе и своих товарищах. Ребятам было многое непонятно в рассказах дельфина, дельфин плохо понимал ребят, но все-таки им было хорошо вместе, а это уже половина понимания.

В тот день все шло, как обычно. Они вернулись с хорошим уловом, Джеймс начал разжигать костер, а Юрка — чистить рыбу. Свистун крутился в бухточке и недовольно фыркал. Вдруг он замер:

— Мама...

Юрка от неожиданности чуть не порезал палец, а Джеймс выронил в тлеющую кучу высохших водорослей целый пиропакет. Пламя ухнуло вверх огненным деревом, Свистун шарахнулся от бухты, да и сами ребята испугались не меньше.

А за волноломом, метрах в ста мористее, разыгралась «семейная драма». Мать Свистуна, большая светло-серая дельфинка, взволнованно трещала, стараясь увести сына в море. Сын пытался что-то доказать, выводя еще более оглушительные рулады, и порывался вернуться. Наконец рассерженная мамаша ухватила сына за ласт крепкими зубами и бесцеремонно потащила за собой. Свистун обиженно взвизгнул, но покорился.

— Это ты виноват, — сказал Юрка, когда дельфины скрылись. — Зачем такой фейерверк устроил? Они не любят огня, а ты... Свистуну теперь попадет за нас...

— Я же не нарочно, — всхлипнул Джеймс. — Урони-лась пачка... Я чуть сам не стал загораться... Фух-фух!

— Вот и фух-фух теперь...

Свистун не появился на следующий день, не появился и на последующий. Ребята сидели на берегу грустные, ловить рыбу не хотелось; моторка бесцельно покачивалась на ленивой зыби. Потом на целую неделю зарядил дождь, и стало ясно, что Свистун больше не вернется.

А теперь улетает Джеймс.

Закинув голову, Юрка смотрел в небо адлеровского

аэропорта, отыскивая среди толчеи летательных аппаратов кинтообразный корпус межконтинентального реалета. Когда долго смотришь, начинает казаться, что ты на дне колоссального аквариума и над тобой гоняются друг за другом пестрые экзотические рыбы: вот золотым вуалехвостом всплыл пузатый гравилет, вот стайкой испуганных гуппи срезало вираж звено спортивных авиеток, вот степенно спускаются два туристских дископлана — чем не семейство скалярий?

А вот и Джеймс. Трехсотметровый реалет поднимается медленно, словно боится передавить ненароком всю снующую вокруг мелочь. Синие с красным лопасти едва подрагивают, и вид у реалета какой-то обиженный.

Юрка помахал рукой, хотя отлично понимал, что Джеймс даже в бинокль не разглядит его.

Хороший парень Джеймс. Настоящий друг. Хотя и любит читать нотации не хуже взрослого. Зато он честный и преданный. Юрка подарил ему на память лучший камень из своей космической коллекции — кусок лабира, который папа привез с Прометея. Лабир передразнивает окружающее: положишь его на синее — он становится красным, положишь на красное — становится синим, на черном он прозрачен, как горный хрусталь, а в темноте светится желтым, как маленький осколок солнца. Такой уж упрямый наоборотный минерал. Интересно, как поведет себя лабир в лондонском тумане?

Реалет тем временем выбрался из толчеи и замер, уткнувшись тупым носом в небо. В следующую секунду у него выросли плазменные хвосты, ослепительные даже на такой высоте. Словно проснувшись, реалет вздрогнул и исчез в стратосфере.

Вот и все.

Почему хорошее так быстро кончается?

Вместе с потоком провожающих, улетающих, прилетающих, встречающих и просто скучающих Юрка вышел из аэровокзала на площадь. В центре зеленой подковы

поблескивала зеркальная спина соленоидного метропоезда. Но лезть под землю не хотелось, да и спешить было некуда.

Он взял в автомате двойную порцию ананасного мороженого и побрел к полосе кинетропа. Погода хмурилась, влажные тротуары бежали по аллеям почти пустыми. Только на крытых лавочках сидели кое-где редкие попутчики — в основном бабушки с младенцами.

Юрка тоже уселся на лавочку и принялся за пломбир. Чем же все-таки заняться до маминого приезда?

Когда он вчера говорил с ней по видеку, она улыбалась, а глаза у нее были заплаканные. Папа ее успокаивал, а она ругала этого толстого академика и повторяла про нерешенные проблемы. И про то, что профессор Панфилов заболел.

А на самом деле ей, наверное, жалко Уисса. Он был такой сильный и добрый.

Хотя то, что мама приезжает раньше срока, совсем неплохо. С ней веселее. Особенно когда остаешься без друзей. Папе сейчас совсем некогда. Он работает. Скоро будет большой международный конгресс, на котором папа сделает самый главный доклад.

И тут Юрке послышался знакомый свист.

Мальчик недоуменно оглянулся, но бабушки и младенцы сидели как ни в чем не бывало. Значит, он ослышался. Конечно, ослышался. Отсюда до моря добрый километр, а то и больше. Да и кто мог так свистеть...

Надо ехать домой. Одному на улице серо, сыро, холодно и скучно. В такую погоду лучше всего забраться с ногами в кресло и читать про какие-нибудь необыкновенные приключения. Или фантастику. Про будущее.

Мальчик снова принялся за пломбир, но смутное беспокойство уже стучало у виска.

Может, завернуть еще раз на старое место, к морю?

А что там делать, оборвал он себя. Только расстраи-

ваться. Моторка и снасти со вчерашнего дня в бюро проката, даже кострища, наверное, смыло дождем и прибоем.

Но Юрка все-таки встал и перешел на нижнюю ленту.

Глупости, говорил он себе. Как маленький. Ничего на таком расстоянии нельзя услышать. К тому же море изрядно штормит, а в шторм дельфины уходят от побережья, чтобы не угодить на скалы. Незачем туда ходить...

Но какая-то неодолимая сила заставляла его все быстрее перескакивать с ленты на ленту, а когда кинетрорп кончился, описав круг над обрывом, он бросился бегом в самую гущу колючек, к распадку.

Распадок тупо толкнул в лицо смрадом гниющих водорослей. Юрка задержался на минуту, чтобы снять ботинки: пластик подошв предательски скользил на мокром камне.

Он выскочил на галечную полосу, уже уверенный, что Свистун здесь.

Дельфин стоял в бухточке, прижавшись к волнолому, и заметно вздрагивал, когда прибой с грохотом перехлестывал через валуны.

— Что... Что ты здесь делаешь? — только и смог выдохнуть Юрка.

— Жду тебя, — просто ответил дельфин.

— Но я же... Тебя давно не было... Мы решили, что ты уже не придешь...

— Я пришел... Плохо, что нет Джеймса.

— Да... Джеймс улетел в свою страну. Только сейчас. А я совсем не собирался сюда. Я пришел случайно...

— Я звал тебя. Я знал, что ты придешь.

— Почему тебя не было так долго?

Дельфин промолчал. Юрка огляделся, не зная, плакать или смеяться, радоваться встрече или укорять верного друга за безрассудство: даже в бухте вода нервно ходила вверх и вниз, а в горле прохода все хрипело и

клокотало. Море час от часу дышало беспокойней, и белые шапки волн становились все курчавей и выше.

— Ты давно здесь?

— С утра. Утром было тише.

— А теперь ты сможешь выйти в море?

— Не знаю. Выход узкий и мелкий. Там бурно. А дальше не так опасно. Надо сразу уйти в глубину. В глубине тихо.

Юрка сердито стукнул кулаком по колену.

— Так почему же ты раньше не ушел? Когда было тихо?

— Я ждал тебя.

— Ждал! Ты что, разбиться хочешь? Можно было встретиться завтра или послезавтра, в конце концов!

Дельфин медленно отошел от стенки и подплыл к самым ногам мальчика. Юрка сел на мелкий галечный гребень, намытый качающейся водой, и взял голову Сви-стуна на колени, защищая от случайных ушибов.

— Глупый! Я бы приходил сюда и завтра и послезавтра, потому что я тебя люблю. Мы бы все равно встретились...

— Нет. Мы бы уже не встретились. Сегодня мы уходим. Все дельфины. Все. Насовсем.

Рука мальчика, гладившая округлую гладкую голову товарища, вздрогнула и обмякла.

— Как насовсем? Почему?

— Чтобы быть подальше от людей. Так сказал Вечный Совет, и все взрослые согласились.

— Но почему?

— Люди зажигают огонь и отравляют воду. Они делают зло. Они опасны для дельфинов, даже когда хотят добра.

— Это неправда!

— Я не знаю. Так говорят взрослые.

— Неправда. Есть плохие люди, но их меньше, чем хороших, честное пионерское!

— А почему тогда хорошие не лечат плохих?

— Как лечат?

— Если дельфин рождается плохим, его лечат, и он становится хорошим. Почему так не делают люди?

— Люди... Мы еще не умеем... А это было бы здорово! Раз — и в больницу! А как вы их лечите?

— Не знаю. Это делают взрослые.

— А почему ваши взрослые не научат наших?

— Говорят, люди неразумны...

Юрка обиделся не на шутку, но, поразмыслив, пробурчал сердито:

— Это все взрослые неразумны. И наши и ваши. Они вечно задирают нос и никого, кроме себя, не хотят понимать.

— Да, — эхом отозвался дельфин. — Они умеют только запрещать.

— И ссориться со всеми, — добавил мальчик.

Он сидел, мокрый насквозь, накат шатал его то в одну, то в другую сторону, выскребая снизу гальку и лишая опоры, он порядком продрог, но крепко держал обеими руками голову Свистуна, потому что боялся, что того стукнет о камни.

— Мы будем не такими, когда вырастем. Правда?

— Правда. Не такими.

— Мы будем дружить. Правда?

— Правда. Будем дружить.

Откуда-то издалека, сквозь хриплые вздохи прибоя, донесся высокий вибрирующий звук. Он был едва слышен, но от него начинало зудеть в ушах и ломить виски.

— Это ищут меня. Мне пора уходить.

— Но мы еще встретимся, правда?

— Встретимся. Обязательно. Когда у меня будет имя.

— Но у тебя есть имя!

— Нет. Это матрица. Имя получают, когда становятся взрослыми. Я хочу выбрать имя Уисс.

— Уисс? Странно... Почему Уисс?

— Так зовут моего отца. Я хочу быть, как он. Я приму его имя и бремя бессмертия...

— Уисс — твой отец?! Постой... Моя мама... Уисс...

Юркины мысли завертелись колесом, а руки выпустили дельфинью голову. А вибрирующий звук тем временем вырос до свиста, смолк и повторился где-то в стороне, значительно тише.

— Мне надо в море. Иначе уйдут без меня. Прощай.

— Постой... Это просто удивительно! Ведь моя мама...

Но дельфин уже не слушал. Он несколько раз примерился, то подплывая к опасному проходу, то отходя к стене волнолома. И вдруг, сжавшись и враз распрямившись, он бросил свое тело длинным прыжком над kloкочущим выгибом выхода.

Всего на долю секунды повис он над клыкастой пеной, но именно в эту долю секунды встречная волна сшибла его на лету.

Перекувырнувшись, он отлетел чуть ли не в центр бухты.

Юрка вскочил, и все вопросы разом вылетели из головы.

Вторая попытка тоже не удалась.

Где-то далеко и уже едва слышно проверещал и затаих вибрирующий призыв.

И когда после третьей попытки дельфина едва не бросило на валуны, мальчик отчаянно закричал:

— Стой, Свистун, стой же! Не надо! Нельзя так! Нужно вдвоем.

У мальчика не было определенного плана, просто он видел, что дельфину не выбраться одному, просто он верил, что вдвоем легче, что вдвоем ничего не страшно.

Дельфин остановился и доверчиво повернул к Юрке. И столько надежды было в этом повороте, столько веры в человеческую помощь, что отступать было нельзя.

Надо было что-то делать.

И тут Юрке на глаза попалась длинная дюралева штанга. Еще вчера эта штанга была флагштоком и одновременно маяком их «флибустьерской республики», а сегодня валялась на берегу, потому что вывезти ее не удалось: она не влезла в лодку ни вдоль, ни поперек — заклинивалась в проходе... Штанга заклинивалась в проходе!

Мальчик перекинул штангу наискось через изгиб коварной горловины, стараясь зажать оба дюралевого конца в щелях между валунами. Это удалось не сразу, потому что рычащие волны шарахались взад и вперед, норовя выбить мачту из рук. Но Юрка, пряча лицо от холодных брызг, все-таки сумел попасть противоположным концом шеста в трещину рассеявшегося камня. Штанга заклинилась наглухо, соединив по диагонали начало и конец короткого коридора.

Дельфин терпеливо поскрипывал за спиной, но ничего не понимал: техника была не по его части.

— Я пойду по проходу вброд, понимаешь? Он мелкий. Буду держаться за штангу, понимаешь? А ты держись за меня зубами. Изо всех сил. Я буду твоим буксиром, понимаешь?

— Понимаю, — неуверенно сказал дельфин. — А если тебя собьет?

— Не собьет. У меня пятерка по физкультуре. Ты только держись за меня крепче. Вдвоем мы, брат, сквозь все на свете пройдем.

Юрка снял мокрую рубашку и, скрутив ее жгутом, крепко-накрепко завязал на животе. Получился надежный пояс.

Он влез в воду у самого начала хода под прикрытием облупленной бетонной плиты. Здесь только покачивало, но впереди бесился настоящий водоворот.

Дельфин уцепился за пояс и, выгнувшись латинским «С», прижался крепко к мальчишескому телу.

— Готов?

— Готов.

— Поехали!

Ухватившись поудобнее за дюралевый поручень, мальчик с дельфином сделал первый шаг из-за прикрытия.

Волна сразу накрыла их с головой, водяные змеи сдавили, стараясь оторвать от поручня, переломить, оглушить, отбросить, разбить о камни. Босые ноги разъехались на скользком полированном монолите дна, дыхание перехватило, пальцы свело на дюрале мертвой хваткой, и не было сил перехватить штангу подальше.

Закусив губу до крови, мальчик заставил себя сделать еще один шаг. И еще один. И еще.

Тело дельфина, изогнутое вокруг худой Юркиной фигурки, стало напряженной стальной пружины. Плавно выгибаясь, дельфин помогал мальчику делать эти трудные, невероятно длинные шаги. Если бы не он, Юрку переломила бы, наверное, тугая сила водоворота.

Шаг. И еще шаг. Десять сантиметров. И еще десять.

Сердце билось неровными толчками где-то у самого горла.

Волна ударила в спину, стальная пружина распрямилась, Юрка совершенно непонятным образом взлетел в воздух и очутился верхом на валуне.

Полуоглушенный, он тер глаза, отплевывался, кашлял и никак не мог опомниться.

И вдруг понял все радостно замершим сердцем.

Они прошли!

Дельфин теперь на свободе...

Море гремело, могуче и властно сотрясая сушу, горы вздрагивали от вечных ударов прибоя, и белая пена изменчивой пограничной полосой металась между двумя великими мирами жизни.

Двое из этих миров в последний раз взглянули в лицо

друг другу, прежде чем разойтись по своим непохожим дорогам.

Дельфин сразу нашел своим локатором крошечную фигурку на далеком камне и ощутил, что маленькому телу холодно, а сердцу одиноко.

Сородичи звали его за собой, и он уходил за ними все дальше, но прежде чем горб моря, взбухая, закрыл резкие черты суши, дельфин взлетел на острый гребень волны и крикнул земле:

— До встречи! Я приду!

Мальчик не мог видеть так далеко, но он слышал далекий свист, и понял его смысл, и прошептал морю белыми от холода губами:

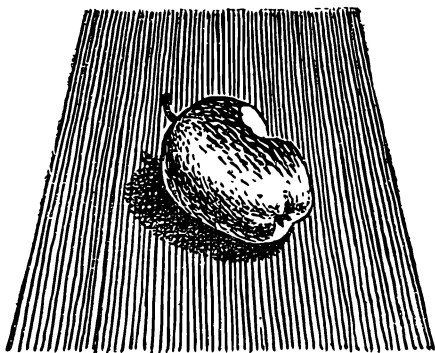
— До встречи.... Я иду...

Качалось море, и качалась суша, а он все стоял, опустив руки, не вытирая мокрых щек.

Он плакал откровенно и светло, как плачут только в детстве,

СИЛАЙСКОЕ ЯБЛОКО

1. ВСТУПЛЕНИЕ

Несостоявшийся математик Оксиген Аш стал Кормчим случайно и совершенно неожиданно для себя. В один из летних дней, прокаленных белым солнцем и оглушенных звоном ситар, двери колледжа захлопнулись за ним навсегда, и Окси оказался лицом к лицу со своей судьбой. Ничто не предвещало ее величия, а потому Окси, следуя древнему завету «Возьми свое, а потом чужое», набил полные карманы узкими синими яблоками-скороспелками в маленьком садике и вышел через ворота на центральную площадь столицы.

Площадь, обычно пустынная в полуденный час, на этот раз была многолюдна. Планета Свира переживала очередные потрясения, и все, кого не обременяли неотложные труды, принимали в событиях деятельное участие. У бочек с красным силайским пивом толпились мужчины, обвешанные оружием. Женщины в белых козынках медсестер предпочитали ледяной сливочный коктейль с мятными хлебцами. По мостовой в разные стороны проносились бронетранспортеры с повстанцами и служителями порядка. Мальчики-лоточники сновали среди прохожих, предлагая новейшие образцы бесшумных пистолетов и пуленепробиваемых жилетов. Голубые девушки из Уличного страхования жизни бойко заключали блицдоговоры. Кто-то где-то стрелял, кто-то кого-то ругал, кто-то за кем-то гнался, кто-то что-то кричал — все это было красочно, захватывающе и волновало.

Но Оксиген шел среди толпы задумчивый и печальный. Исключение из колледжа было для него тяжелой обидой. Ведь он совсем не был глуп — не глупей других, во всяком случае, — но ему отчаянно претила тео-

рия. Он чудесно обходился без нее. Он любил яблоки, не испытывая потребности узнать, как и зачем они растут. Он любил мастерить забавные штучки из разнородных деталей, но никогда не ведал наперед, что у него получится. Историки называют это качество духовным аскетизмом гения. Преподавателям оно казалось ограниченностью.

Меланхолично жуя яблоко, Окси дошел до Дворца Свободы. Под полуразрушенной аркой главного входа застрял танк, и полицейские гвардейцы вместе с повстанцами пытались его вытащить. Аш поглазел на дружную, но бесплодную работу и от нечего делать вошел в правительственный сад. Парк был весь изрыт окопами и затянут маскировочными сетями, из кустов ежевики торчали стволы скорострельных орудий. Представители враждующих сторон дремали на своих боевых постах. Два пулеметчика лениво ругались из-за места под деревом: оба были толстые, оба обливались потом, и оба в равной мере не хотели занимать позицию на солнцепеке.

В саду пахло бензиновой гарью, порохом и потом, и Оксиген Аш беспрепятственно прошел мимо двух зевающих охранников в приемный зал к Великому Кормчему Свиры. Здесь было прохладнее и спокойнее. Работал буфет, музыкальный автомат наигрывал медленную шору, отравители-профессионалы пили шипучий билу со льдом и делились вполголоса новыми рецептами.

На Аша никто не обращал внимания. Даже когда он заглянул в секретный блок-кабинет Кормчего, ему крикнули только, чтобы он прикрыл за собой дверь и не устраивал сквозняка. Сквозняка боялись все.

В кабинете Кормчего не было ни души, и это обрадовало Оксигена. Ему хотелось посидеть одному, наедине со своими невеселыми думами. И поскольку другой мебели в кабинете не было, Окси направился к единственному креслу — Великому Креслу, запятнанно-

му кровью десятков правителей, продырявленному сотнями пуль, обугленному огнеметами и лазерами, забрызганному всевозможными ядами и кислотами.

Он сел в кресло, не ведая, что творит, и вой сирен, включенных датчиками от сиденья, уведомил планету Свиру о приходе нового диктатора. У дверей мгновенно выросла охрана из гвардейцев.

Первую минуту Оксиген Аш усидел с перепугу — он был уверен, что его схватят и накажут за необдуманный поступок. Мало-помалу до него дошло, что, сидя в Великом Кресле, он сам может наказать кого угодно. Для пробы он приказал высечь всенародно математика из колледжа, поставившего ему «неуд». Правда, он забыл назвать свой колледж, а потому все математики всех колледжей Свиры были через час нещадно биты бамбуковыми палками на городских площадях. У нового Правителя была крепкая рука.

Первую неделю Аш продержался благодаря обилию соперничавших групп на Свире и жестокой конкуренции между ними — каждая боролась за возможность укокошить диктатора и поднять свой авторитет. Они торопились и мешали друг другу. Трое злоумышленников заложили под Дворец Свободы термитную бомбу. Все трое оказались некурящими, а прохожих не было видно. В это время во Дворце шла церемония вручения Кормчему памятной зажигалки. В зажигалку была вмонтирована адская машина. Кормчий принял дар и уже поднес его к сигарете, собираясь опробовать, когда террорист-одиночка с крыши соседнего дома выстрелил в него и едва не попал. Кормчий, стоявший у окна, выронил зажигалку, и коварный дар упал прямо к ногам некурящих злоумышленников. Злоумышленники возликовали и через минуту взорвались. Термитную бомбу нашли мальчишки и заложили ее под старый фургон, в котором скрывалась ракетная установка, нацеленная на бронев-автомобиль Кормчего. В итоге этого дня Оксиген толь-

ко порезал себе пальцы. Бинты спасли его на следующий день при подписании какой-то декларации, страницы которой были пропитаны ядом, действующим через кожу. Яд впитался в бинты, и личный доктор Кормчего, делая перевязку, умер в страшных муках, так и не успев сделать своему высокому пациенту укол цианистого калия.

Словом, к исходу первой недели своего правления Оксиген Аш почувствовал некоторую усталость и желание разделить с кем-нибудь бремя власти. Он объявил о создании Союза Особо Преданных Кормчему. К его великому удивлению, на призыв откликнулись весьма охотно. Ряды бунтарей заметно поредели — многие явно и тайно спешили приобщиться к новому союзу. Начался раскол. Недовольные махнули рукой на Кормчего и стали охотиться друг за другом. Теперь стрельба гремела по всей Свири, а в правительственном саду мирно паслись ручные силайские козы с кудрявой розовой шерстью.

В пятницу в одной из комнат Оксиген Аш нашел мятый клочок бумаги с кривыми строчками: «Дорогой Окси! Ты имеешь крепкий лоб, и мы имеем выгоду с тобой дружить. Твой процент — кресло с высокой спинкой, общий восторг и долгая жизнь. Мы тихие люди и не переносим шума. Проницательные».

Кормчий дважды прочел записку и внимательно ее обнюхал.

Никто никогда не узнает, какие великие мысли пронеслись в голове Кормчего.

Он аккуратно свернул клочок бумаги и положил в тайный карман, где еще полмесяца назад носил шпатель.

Конец второй недели Оксиген Аш озаменовал указом, потрясшим всю Свиру. Он протянул руку своим противникам. Человек по натуре отходчивый, он собрал остатки недовольных в Прайд Исключительно Предан-

ных Кормчему. На такой шаг еще не отважился ни один из многочисленных предтеч Аша.

Перед Дворцом собралась ликующая толпа. Женщины и мужчины, старики и дети размахивали свежими выпусками газет и скандировали: «Аш наш! Аш наш! Аш наш!» Полицейские гвардейцы, привычно сомкнув защитное кольцо вокруг главных ворот, пыхтели и всхлипывали от желания присоединиться к напиранию к массе.

Какой-то верзила, оседлав крестовину фонарного столба, завопил: «Отец родной! Аш — наш отец родной!» И когда толпа смолкла нестройно, и уже набрали побольше воздуха груди, чтобы грянуть новый клич, снизу пискнуло невидимое: «Врешь, рыжая скотина! Отец отцов! Великий Кормчий!»

«Кормчий!!!» — взревела толпа, и это было имя высшей судьбы...

К началу четвертой недели с неурядицами было покончено. Благосклонная мудрость и воля Кормчего стали прочной основой и гарантией всеобщего счастья и довольства. А столь необходимые и дорогие мятежным сердцам свирян «пики» с успехом заменили ежегодные многодневные карнавалы, где разрешалось использовать не только шутихи и устраивать не только фейерверки. Свободная торговля оружием и боевым снаряжением вплоть до гаубиц и реактивных минометов во время карнавалов помогала развеяться после годичных трудов, а заодно и разрешать всякие мелкие бытовые проблемы. Полицейские гвардейцы следили только, чтобы стволы смотрели в сторону, противоположную Дворцу Кормчего.

Но Оксиген Аш не был бы настоящим правителем, если бы остановился на достигнутом. Он постепенно освободил свой народ от тяжкого ярма принятия решений — он все решал сам.

Правда, некоторые утверждают, что он по-прежнему

получал таинственные советы на мятой бумаге, но истина скрыта за бронированными дверями с электронными запорами.

Зато доподлинно известно, что уже в первом своем основополагающем труде «Указания по палеонтологии, психологии и филологии» Кормчий провозгласил, что проницательность во времена Всеобщего Благоденствия является фикцией, а проницательные люди — фиктивными людьми, в связи с чем необходимо вышеназванное слово, на языке свирян, изъять, а всех проницательных — ликвидировать. По требованию общественности день публикации «Указаний» был объявлен Днем спасения.

Зримой гарантией вечного процветания Свиры стали «Указания по производству и растениеводству», где Правитель установил законы новой экономики. Он доказал, что причиной всех прошлых бед планеты было ядовитое растение чернук. Его выращивание приравнивалось отныне к экономической диверсии, а употребление в пищу каралось конфискацией имущества и изгнанием.

Свыше двухсот фундаментальных трудов создал Кормчий в считанные годы. Этой титанической работой он заложил краеугольные камни всеобщего процветания и спокойствия. Конечно, такая работа требовала больших усилий, ломки старых, отживших понятий. Но цель оправдывала средства. В поэтичных, полных философских откровений «Указаниях по нужным чувствам и полезным искусствам» Кормчий писал: «Чтобы иметь, надо сначала не иметь». Народ Свиры получил возможность денно и ночно цитировать эти (и другие) мудрые выражения, размноженные в миллионах экземплярах.

И все-таки Кормчий окончательно осчастливил Свиру только на десятом году своего служения согражданам. Именно тогда было начато строительство Великого Стального Кокона, который должен был навеки упрятать всю планету в броневую скорлупу. Строительство тяну-

лось двадцать лет, и получился он с изрядными прорехами. Но и здесь цель оправдала средства — духовному здоровью свирян теперь не грозили никакие залетные инфекции.

Шли годы. Космос вокруг обживался. Далекая Земля слала своим поселенцам тяжелые транспорты и материнские наставления. Строительные отряды буравили пустоту, соединяя окрестные планеты невидимыми туннелями автоматических трасс. Населенные миры словно протягивали друг другу руки, чтобы вместе противостоять убийственному равнодушию космического пространства.

Но ни один транспорт не всплывал из минус-времени около планеты, опутанной стальной паутиной, ни одного отъезда не получали гостевые шлюпы, приглашающие соседей на новоселье, ни одному скитальцу, терпящему бедствие, не распахнула своего неба Свира...

2. ЗАГАДКА СВИРЫ

— Занятно, крайне занятно. — Инспектор с нежностью погладил свежевыбритую щеку. — Но кто же сейчас хозяин Свиры?

— Великий Кормчий.

— Простите... Полтораستا... Двадцать... Десять... Да еще лет двадцать, не меньше... Что-то около двухсот получается. Сколько же лет правителю?

— Двести четыре с хвостиком.

— Ах вот как...

Инспектор Службы Безопасности 8-го Галактического района Иннокентий Шанин искренне старался заинтересоваться разговором, но мысли его вопреки желанию убегали прочь — туда, к трем бессонным неделям погони за контейнерами с активированным лютием, которые разлетались по всему району после странной аварии грузового поезда. Шанин уже много раз ставил перед МСК *

---

* МСК — Международный Совет Космонавтики.

вопрос о запрещении провоза лютения. Ему обещали и ничего не делали. И вот результат... Все контейнеры удалось своевременно выловить. А что было бы, попади один такой ящичек в гравитационное поле любой из окрестных звезд? Грузовая трасса в его районе — легкомыслие на грани преступления. Теперь это должны понять даже замшелые крабы из МСК...

— Вы не слушаете, Инспектор.

— Слушаю, товарищ Главный. Но я не понимаю, при чем тут я. Свира не входит в наш район, никаких сведений о возможных контактах с нашими у меня нет, я вообще ни одного свирянина в глаза не видел...

— Увидите. Мы в Координационном центре обсуждали много кандидатур, но выбор пал на вас. Это, Инспектор, директива, а не просьба.

— Выбор? Директива?

— Именно так.

— Какой выбор и на что директива?

— Именно так.

— Какой выбор и на что директива? Я битый час слушаю, но до меня никак не доходит, в чем дело. Что случилось на Свире?

— В том-то и дело, что ничего не случилось. За последние сто пятьдесят лет на Свире не произошло ничего существенного. Доходит или нет еще?

— Нет.

Главный сердито фыркнул.

— Простите, товарищ Главный, но Инспектор Шанин имеет право на подобные вопросы, — вступил в разговор сидевший справа от Главного. Ситуация, прямо скажем, необычная, и мне хотелось бы, чтобы все уяснили ее исключительность...

— Арнольд Тесман, директор сектора социальных проблем СДН*, — представил Главный своего спутника.

---

* СДН — Союз Дружественных Наций.

Шанин присмотрелся к высокому гостю внимательнее. Тесман ему понравился: немолод, но спортивен, лицо моряка, глаза упрямые и добрые, с легкой вызывающей смешинкой. С таким можно договориться, отвертеться от неожиданной и непонятной директивы — разве мало у каждого своих забот, своих проблем, ждущих немедленного решения? А Главный тоже хорош: мало того что приберегает для своего помощника самые головоломные задания — так теперь решил, видно, сдавать его в аренду в другие ведомства...

— Послушайте, товарищ Тесман, у меня есть контрпредложение. Давайте пока оставим Свиру. Жила она в своем коконе полтора года лет — потерпит еще пару месяцев. А вы поживите у нас. Вы скандинав, судя по всему. Для акклиматизации могу предложить Ибсен-2 или Григ-8.

— Спасибо за приглашение, но...

— Нет, нет, подождите. Не отказывайтесь сразу. Ведь наш район — уникальный уголок. Звездный Монмартр, так сказать. Основное население — люди творческие. Живут в буквальном смысле в атмосфере своих творений, на земле своих предтеч и кумиров. Несколько миллионов профессионалов, остальные любители. На любой планете — полная свобода творческой фантазии... Ничего от вас не требую и не берусь ничего доказывать. Просто полетим вместе, посмотрим, что, где и как. И ручаюсь головой — через месяц Свира с ее причудами покажется вам самым ordinary цирком.

Тесман посмеивался, глядя в потолок, в полупрозрачной толще которого плыли разноцветные пузатые солнца и вилась вокруг них серебристая мошकारа планет. Даже на этой сугубо деловой карте угадывалось невероятное пространство — расстояния, покоренные человеком во имя жизни.

— Да, Иннокентий Павлович, теперь мы живем просто и можем себе кое-что позволить. Сейчас на Зем-

ле около шестидесяти миллионов человек, и это второе превосходит экологическую норму для планет третьего класса. Земле сделано исключение, но уже сейчас многие считают, что такое положение устарело. А ведь к концу двадцатого века на Земле жило чуть ли не шесть миллиардов человек! Я даже представить себе не могу, как это возможно физически — ежедневно видеть толпы людей, и совершенно незнакомых людей! Каждый день разные лица... Непостижимо!

Шанин энергично кивнул — у него появилась надежда. Но когда Тесман опустил глаза, в них не было улыбки.

— Однако Свира не цирк и не порождение фантазии неумелого новартиста-любителя. Она существует и процветает.

— Ну и пусть себе процветает на здоровье! Разве это плохо?

— Иногда плохо... Материальная обеспеченность плюс духовная нищета — страшная смесь... История дала немало примеров тому, чем кончается такое «процветание»... Мы не можем допустить самоуничтожения целой планеты. Но официальное вмешательство — крайняя мера. Чтобы пойти на него, мы должны иметь конкретные и веские доказательства недееспособности правителя. Иначе в глазах народа Свиры мы будем агрессорами и вместо спасения только ускорим трагические события.

— Но, быть может... быть может, рано еще бить тревогу? Может быть, свиряне еще сами дойдут до сути? Ведь наших прапрадедов в России в начале двадцатого века, в семнадцатом никто не спасал. Сами разобрались. И неплохо разобрались. И еще других научили.

— Вы вправе гордиться своими предками. Но как раз история русской революции, история строительства

социализма научила человечество братской солидарности. Вы начали первыми и могли первыми наслаждаться коммунистическими благами, так сказать, за своим столом. Но ваши прапрадеды ограничивали себя во всем, помогая другим народам преодолеть трудности переходного периода, оберегая их от врагов. Не так ли?

— Сдаюсь, товарищ Тесман, сдаюсь. Я хотел только сказать — возможно, на Сви́ре уже есть силы, решающие сегодня те же вопросы, что и мы? И надо им просто помочь?

— Возможно. Возможно, хотя сомнительно. Но тогда тем более на Сви́ре нужен наш человек, способный установить связь революционного подполья с Внешним миром.

Шанин задумался. Главный, считая, видимо, свою миссию законченной, подчеркнул внимательно просматривал бортовые журналы. А Тесман говорил, то ли объясняя собеседнику, то ли думая вслух.

— Правитель... Оксиген Аш начинал весьма традиционно, и весь его тернистый путь вплоть до строительства Стального Кокона прямо-таки шаг в шаг повторял бурную деятельность всех больших и малых монархов прошлого. Все они доводили свои народы до нищеты... Сви́ра после Стального Кокона была на грани экономического краха... Только жесточайшим террором Оксигену Ашу удалось удержаться... После целого ряда отчаянно смелых, но безрезультатных покушений он вообще перестал показываться народу... И вот с этого момента начинается непонятное. Правитель доводит свои полномочия до абсурдных границ. Он решает все сам, правда, ничего не предлагает, но все, что происходит или будет происходить на планете, включая даже такую мелочь, как время включения ночных фонарей, зависит от его согласия или несогласия. Ему подадут проект, он говорит, вернее, пишет: «да», «нет», «отложить».

— Но ведь даже прочесть такую массу бумаг невозможно! Не говоря уже о большем... Может быть, он заменил себя машиной?

— Исключено. Машина может хранить огромный объем информации и оперировать им в пределах программы, но все ее могущество — на уровне прошлого человеческого опыта. Она способна самообучаться и самопрограммироваться, но она не способна изменить свой принцип подхода к материалу, что ли, свою позицию, свою логику. Она не способна думать творчески... Точнее, не способна ошибаться... Я что-то сам запутался, но сошлюсь на авторитеты: наши специалисты, анализируя данные прослушивания эфира Свиры, заявили твердо, что логика решений Оксигена Аша исключает вмешательство электронного компьютера... Но, с другой стороны это не человеческая логика...

— Простите, что вы сказали?

— Я сказал, что специалисты по логическим структурам в один голос утверждают, что «Слова Кормчего», определяющие каждый день существования Свиры, не могут принадлежать ни машине, ни человеку.

— Час от часу не легче...

— Практически это выглядит так — каждый день газеты Свиры открываются рубрикой «Слово Кормчего», где перечисляется все одобренное правительством накануне. Думать над перечнем небезопасно, да и бесполезно — его надо немедленно выполнять, о чем заботятся соответствующие органы. Так вот, на первый взгляд «Слово» электрический казус, экономическая и социальная бессмыслица. Найти какой-то ключ, какой-то принцип, какой-то стимул этих законодательных «Слов» невозможно... Есть и еще одна особенность, Свира отрезана от мира. Это аквариум. И потребности свирян тоже движутся по кругу. Остановившаяся культура. Отсутствие новых идей — для них нет пищи, и к тому же они жестоко преследуются. Технический и научный уро-

вень Свиры крайне низок — все открытия и новинки ограничиваются сферой потребления. «Иметь» — любимое слово свирян. Неважно что, неважно зачем, неважно откуда, но «иметь». «Иметь» больше, чем другой...

— Но ведь там же люди живут, а не рыбы! Должно быть какое-то несогласие. Я не знаю, что еще... Как будто другим веком повеяло...

— Действительно, другой век. Буквально. Планета с остановившимся временем. Конечно, там есть недовольные. Некоторым удается бежать. От них — крупницы сведений, которыми мы располагаем.

— Бежать в космос?

— Невероятно трудно, но возможно. На Свире почти легально существует контрабанда. Правитель и его «королевская рать» смотрят на нее сквозь пальцы, ибо пользуются негласным каналом связи для своих личных нужд. Полицейская гвардия следит только за тем, чтобы с «внешним» товаром не проникли на Свиру «внешние» мысли...

— Да, рискованная профессия... Но, видимо, игра стоит свеч — ведь их собственное производство отстало лет на сто... Какие же блага Внешнего мира интересуют свирян больше всего? Или они хватают все подряд?

— Не сказал бы... В основном их интересует чернук.

— Чернук?

— Да, они увозят на Свиру огромное количество чернука. И еще лекарства. Особую популярность имеют разного рода тонизирующие и геронтологические средства. Еще — всякая бытовая мелочь и украшения. И это, пожалуй, все.

— Ясно... Вернее, совсем ничего не ясно. Какова мая роль?

— Вы должны, Иннокентий Павлович, превратиться в разведчика. Профессия давно позабытая, но, как говорят, окруженная в былые времена ореолом романтики. Скажу откровенно — лично я вам не завидую. Я был

против такого варианта, но мои коллеги убедили меня, что иного выхода нет. СДН должен обладать полной и достоверной информацией о подлинной жизни Свиры и, насколько возможно, об Оксигене Аше. Или о том, кто за этим именем скрывается....

— Неужели вы всерьез верите, что Кормчий не человек?

— Верить, не верить... Свиряне, к примеру, бесповоротно уверовали в то, что ими правит некое высшее существо. Возможно, такая уверенность исподволь насаждается сверху, но согласитесь — при желании можно привести массу доказательств. И поразительное долголетие, и необъяснимая догадливость, порой даже меня наводящая на мысль, что правителю ведомы случайные зигзаги будущих событий, и нечеловеческая способность к обработке огромных масс информации, и мгновенность решений, недоступная нашему мозгу, и, в конце концов, эта самая злополучная логика — логика, отличная и от человеческого, и от машинного мышления... Разгадать правителя — значит разгадать Свиру. Но мы не ставим перед вами такой задачи. Пока она, видимо, выше наших возможностей. Ваша задача — узнать о Свире и о правителе все, что в силах ваших. Никакого вмешательства, никаких действий и противодействий. Только смотреть и запоминать...

— А вы уверены, что я смогу проникнуть дальше первой балки Великого Стального Кокона?

— Уверен. Вся операция продумана до мелочей и гарантирована от опасных последствий. С вами полетит настоящий свирянин, всего несколько лет бежавший оттуда. Он пытался организовать покушение на правителя. Он знает все ходы и выходы и поможет вам освоиться на месте. Его надо только держать под наблюдением: с Кормчим у него свои счета. Вы высадитесь в Силае. На первое время, видимо, Силай будет вашей базой, и вам легче, чем кому-либо, будет освоиться и

ориентироваться в суровой и дикой местности... Неужели остылз кровь пращуров-первопроходцев? Ваш начальник рассказывал о вас другое...

— Ох, товарищ Тесман, хитрый вы человек! И успокоили и польстили вовремя! Раз все продумано до мелочей без нашего ведома, то куда денешься... Но если можно, для справки — как же все-таки предстанет пред ясны очи полицейских гвардейцев разведчик из Внешне-го мира в компании беглого террориста, разыскиваемого по всей Свире? Гвардейцы, конечно, возликуют, а что делать нам — плакать или смеяться?

— Меня искренне радует, Иннокентий Павлович, что вы уже вникаете в детали будущей операции. О них разговор особый и долгий. Но на первый вопрос я могу ответить и сейчас. На прошлой неделе на соседнюю со Свирой Зейду пожаловали три гостя. Двое из них сейчас в больнице. Несчастный случай. Лежать им еще не меньше месяца, и это для них нож острый. Такая задержка вызовет подозрения, конфискацию корабля, расследование, которое на Свире почти всегда равносильно смертному приговору. Третий, в свою очередь, не может вернуться один—те двое автоматически будут считаться беглецами, а он — «перевозчиком». В общем, положение у гостей отчаянное. Мы предложили им взаимовыгодное соглашение — вместо двух заболевших на Свиру отправляются двое наших людей. Срок — месяц. Через месяц вы на том же корабле и с тем же сопровождающим возвращаетесь на Зейду. Выздоровевшие к тому времени гости, сделав свои дела, убираются восвояси. Гарантия тайны с их и с нашей стороны. Ваши цели гостей не интересуют — профессия отучила их от любопытства. Они боятся только, чтобы подлог на Свире не обнаружился, и потому согласны изложить вам такие места из своей биографии, которых не добился бы ни один суд. Остальное доделает пласт-дубляж лиц и свойственные вам артистические способности...

— С чего мы начнем?

— С Бина. Бин — это кличка. На языке, который вам предстоит освоить, значит «Двойной» или «Двуликий». Ваш спутник, помощник и консультант ждет вас на Зейде. И лететь туда надо немедленно.

Шанин закинул голову к потолку, где по-прежнему плавно, как в причудливом древнем танце, кружились кукольные солнца и планеты, попробовал найти Зейду. Не нашел и встал.

— Я готов.

— Будете заезжать домой?

— Нет. Автопом соберет все необходимое лучше меня.

У двери Главный положил ему руку на плечо, задержал.

— Ты прости меня, Кеша, что я так вот... Но дело-то деликатное, понимаешь? А у тебя получится. Тяжело только будет... — Главный скорбно пожевал губами: — Я понимаю, ты вправе обижаться. Без подготовки, без согласования с тобой — сразу директива...

— Какая директива? — искренне удивился Шанин. И, поняв, как ловко обработал его Тесман, превратив требование начальства в собственное горячее желание Инспектора, он тихо рассмеялся:

— Хорошая директива! Замечательная! Спасибо вам, товарищ Главный, не то я совсем зачах бы в своем заповеднике гениев. Надо и самому размяться! — И, пропуская Главного вперед, добавил с веселой угрозой: — Ох и растрясу же я эту Свиру! Как пить дать растрясу. Чтобы не морочила голову честному человечеству...

3. ДРЕЙФ У СТАЛЬНОГО КОКОНА

Овальная дверь, нещадно скрежеща, задержалась судорожно, но не открылась: сервомоторы не смогли справиться с толстым слоем инея и льда, намерзшим по

периметру. Потом, видно, кто-то очень сильный налег снаружи на ручку. Дверь затряслась, выгибаясь, и вдруг с лязгом и хрустом ушла в стену. В проеме показалась фигура, огромная и неповоротливая из-за толстой меховой куртки и надвинутого на самый лоб остроконечного вязаного башлыка.

— Пригрелись, паучата? Я должен оберегать товар и превращаться в мороженный окорок в этом летающем холодильнике, а они здесь греют зады и шпарят в карты. Великий Кормчий!

— А ты и впрямь похож на силайского медведя, Шан. Кличка тебе впору, как обручальное кольцо невесте, — заметил один из сидящих в пилотской кабине, не оборачиваясь.

Другой ловким жестом смахнул с пульта игральную колоду, побарабанил по ней пальцами и развернулся вместе с креслом к вошедшему.

— И вдобавок как две капли воды похож на настоящего Шана, которому я так неосторожно проломил череп. Он тоже трезвый только ругается, а в подпитии ревет своим нутряным басом: «Всем вам висеть на яблоне!» Зачем напоминать лишний раз? Вот и допелся... А мы тут, милый, не шпарим в картишки. Мы работаем. Я просто прикинул — напоремся на гвардию или нет?

— Что же вышло?

— Напоремся...

— От того, что мы будем висеть в пустоте, везенья не прибавится. Или ты от карт ждешь разрешения включить двигатель?

— Не плавай, если без понятия. Мы не висим. Мы падаем. Падаем на Стальной Кокон, прямехонько в ту дырочку, через которую вылезли в свое время. Это наш постоянный ход. Мы его нашли с Шаном и Сипом, мы его и застолбили. Кроме нас, здесь никто не ходит.

— Ясно. Но ведь на тяге-то быстрее будет!

— Быстро можно только на яблоню угодить. Полицейские визиры засекут вспышку за полпарсека. Мы и так выскочили из минусовки чересчур близко. Вспышки при этом, правда, не бывает, но радиоэхо есть. Если рядом шастали слухачи — мы уже на крючке. Так-то, милый.

Пилот снова сыпанул колоду на пульт и начал раскладывать какой-то сложный пасьянс, прихлопывая каждую карту ладонью и бормоча не то ругательства, не то заклинания. Оттаивающий Шан втиснулся в третье кресло рядом с Бином, с трудом вживаясь в роль Сипа. Сип, судя по всему, был человеком своеобразным, ибо прозвище «Гадюка» надо заслужить.

— И долго еще так?

— Думаю, часа четыре бортового. Скоро уже можно будет разглядеть фактуру Стального Кокона.

Бин потер лоб, отчего синие, словно свитые из вен, большие буквы старой наковки «Слава Кормчему» порозовели. Шанин невольно потрогал свою свежую наковку — она еще побаливала.

— Если удачно проскочим щель — это уже полдела. На посадку уйдет не меньше трех часов, а это значит, что мы успеваем к рассвету совсем впритирку. Но если даже и часок светлого времени прихватим — не страшно. Силай не Дрома, в силайских буреломах нас за сто лет не сыщешь.

— Дикий край?

— Добром туда не попадают. Одних ссылают власти, другие сами бегут от властей. Пестрый народ. Подонки, торгаши, уличные головорезы. И все должны держаться вместе — порознь Силай проглотит, как муху. Силай — заповедник преступности, для городского жителя между словами «силаец» и «преступник» нет разницы.

— Опять не сошлось! — взвизгнул пилот и запустил злополучной колодой прямо в лобовой экран. — Великий

Кормчий! Зачем я только согласился лететь третьего числа? Ведьма всегда учила меня — не ставь на тройку, тройка — твое несчастливое число! А я как полоумный... Напоремся! Напоремся...

— Кончай зудеть, Мож! Хоть ты и «Гнус», но не царапай душу. Что раскис? Раз веришь в приметы — надо было раньше думать. Ведь вы уже шесть лет втроем летаете — ты, Сип и Шан. Шесть — это две тройки, а вас трое — еще тройка. Целых три тройки!

— И... правда... — Мож уставился на Шана белыми глазами, которые росли и росли, точно пытаюсь вырваться из орбит. И вдруг взвыл дурным голосом: — О-о-о! О-о-о! Пропади все пропадом! О-о-о!

— Ну, понесло... — Сип хмуро поднялся, подошел сзади к дергающемуся пилоту и сильно ударил его ребром ладони по затылку. Потом неторопливо развернул к себе и вlepил две увесистые затрещины. Мож перестал выть, только изредка вздрагивал всем телом.

— Истерика, — бросил Сип встревоженному Шану. — Ничего страшного. Реакция после чаки. Не заметил, когда он к ней успел приложиться...

— Чака? Что еще за гадость?

— А те семена в зеленых пакетах, что в трюме. На Свире она хорошо растет, но не размножается. Семена завозят контрабандой. Из листьев чаки варят настой.

— Наркотик?

— Нет. Сильное возбуждающее. Полностью снимает чувство опасности. Но зато потом начинается такое... Пробовал я это зелье. Не советую. Даже для изучения жизни на Свире.

Мож полез за пульт, нашаривая там что-то и стуча зубами.

Сип следил за ним с неприязнью.

— Чака?

— А твое какое дело?

— Сделай лучше успокаивающий укол.

— Катись ты... Тоже доктор нашелся... Видали мы таких желторотых спасителей... Сам себя спасай...

Он отхлебнул сразу полстакана мутной коричневой жижи и, распаляясь, зашипел:

— Думаешь, я не вижу, кто ты? Мож все видит! Ты из этих, из недорезанных проников... Вот Шан — свой парень, сразу видно. А ты проник. Вы все на правителя зуб держите. А я за Кормчего любому глотку перехвачу!

Он допил стакан и вытер губы, победно усмехаясь своему призрачному отражению в экране.

«Вот и первый сюрприз Свиры, — невесело подумалось Шанину. — Гонимый и презираемый неудачник, живая мишень, нищий, у которого Кормчий отнял все, кроме права умереть, и тот боготворит правителя, вместо того чтобы его ненавидеть».

— Стальной Кокон, — негромко проговорил Сип.

Ничего внушительного Шан не увидел. Свира выглядела как и все подобные планеты с близкого расстояния — ошутимо вогнутая тарелка, и ничего больше. Поскольку на этой половине была ночь, то никаких деталей поверхности или причудливых атмосферных образований видно не было: тарелку до краев наполняло черно-синее густое желе. И, только присмотревшись, на терминанте можно было уловить что-то вроде серебристого пушка. Этот пушок рос и окружал Свиру уплотняющимся ореолом, на темном круге центральной части проступила сеть светлых прямых линий. Словно марсианские каналы, только погуще.

— Да, в принципе это гигантская стальная сеть, — подтвердил Сип. — Она вращается за пределами атмосферы и практически не изнашивается. Крупные метеоры, конечно, оставляют дыры, но таких камешков немного. Корабль ее тоже пробьет, но неизбежно взо-

рвется... Скорость! Кроме того, сеть заряжена электричеством колоссальной мощи.

— Откуда же энергия?

— Даровая. Из атмосферы. Со Стальным Коконем на Свире навеки кончились грозы.

— А где же патрули и что они делают?

— Внутри сферы Кокона остались десятки бывших обсерваторий, лабораторий и просто строительных спутников. На них теперь находятся базы полицейских гвардейцев и причалы сторожевых катеров. В космос они почти не выходят — нет надобности и опасно. Они шастают в стратосфере и несут патрульную службу. Считается, что они охраняют планету. Но поскольку никто на Свиру до сих пор нападать не собирался и десантов не забрасывал, brave пограничники грабят возвращающихся контрабандистов.

— «Пернатыми» зовут пограничников?

— Вообще всех полицейских гвардейцев. Охраняющее крыло — герб полицейской гвардии...

— А кто такие «проники»?

— Проники? А, это ты про Можу... Проник — грамматическая хитрость. С тех пор как слово «проницательный» запрещено на Свире, всех представителей этого клана называют прониками.

— Ты сказал — клана? Так их что — много?

Сип посмотрел на Шанина с искренним удивлением.

— Проников? Добрых девяносто процентов городского населения!

— Ничего не понимаю.

— Поймешь.

Мож, прилипший к приборам и визирам, махнул рукой.

— Ну все. Вышли на старт. Теперь пора рвать когти...

Истерика и возбуждение после очередной дозы чаки прошли, и Мож был снова похож на человека. Только

налитые кровью глаза с узкими, как иголочный укол, зрачками выдавали причину его беспредельной отваги.

— Смотри, Шан, и учись. Пригодится. Мы дотопали до нужной точки. Дальше нас все равно засекут, с двигателями или без. Поэтому сейчас главный козырь — скорость. Низко над лесом нас они потеряют: мешает эхо. Значит, надо прорываться отсюда почти до самой Земли на предельной струе, чтобы катера не успели выйти наперерез. А там выручай, парашют и тормозная батарея. Но стучает все равно прилично...

Мож положил руки на клавиши и закрыл глаза, словно молясь. И Шанину — вот обратная власть образа! — тоже захотелось сотворить какое-нибудь заклинание.

— Эх, тетя ведьма, выручай!

Пол под ногами дрогнул, и всех троих вдавило в кресла. Неправильное синее пятно впереди, свободное от серебряной паутины, ощутимо прогнулось, поползло во все стороны.

Внезапно на корабль обрушился тяжелый удар, через полминуты — второй, потом третий. После десятиминутного затишья удары возобновились, но стали слабей и чаще. Скоро они перешли в трескотню крупного града и добродушное бормотанье летнего ливня.

— Теперь на Свире осталась только такая гроза, — кивнул Сип на верхний экран кругового обзора.

А гроза была внушительная — таких Шанин еще не видывал. Ни на своих экстравагантных планетах, ни в космосе. Не было ни традиционных вспышек, ни мгновенных ветвистых молний. Со всех сторон, откуда-то издалека, где угадывались острые ребра и пики Кокона, тянулись живые шупальца сиреневого света. Они ловили корабль в свое жадное перекрестье, конвульсивно ощупывали его обгоревшую обшивку, пытаясь найти хотя бы маленькую щелку внутрь, не находили и, истончаясь, рвались, чтобы со следующим толчком голубой крови ожить и повторить все сначала. Эта одушевленность дей-

ствий гипнотизировала, угнетала, лишала воли и сопротивления — щупальцам не было числа и конца, и поиск их казался осмысленным. Они, липкие и холодные на взгляд, тянулись прямо к сердцу, искали сердце, чтобы выпить всю теплую красную кровь и согреться самим.

Корабль начал разогреваться. С Шана, в его тяжелой экипировке, уже давно лил пот, но раздеваться в этой электрической карусели почему-то не хотелось. Шан ругал себя за малодушие и излишнюю впечатлительность, но стойчески терпел жару.

Гроза кончилась, как и началась, — электрические разряды стали реже и сильнее, и наконец, получив два основательных «пинка», корабль влетел внутрь Кокона.

Впереди теперь дышало и ворочалось что-то серое и бесформенное, как закисающая опара.

— Облачность — это хорошо, — сказал Сип.

— Для «пернатых» хорошо, — зло парировал Мож. Они нас видят, а мы их нет. И у нас больше шансов ковырнуться со всего маху.

Сторожевой катер первым заметил Сип. Он закричал, вцепившись в плечо пилота:

— Слева, слева! Слева — крючок!

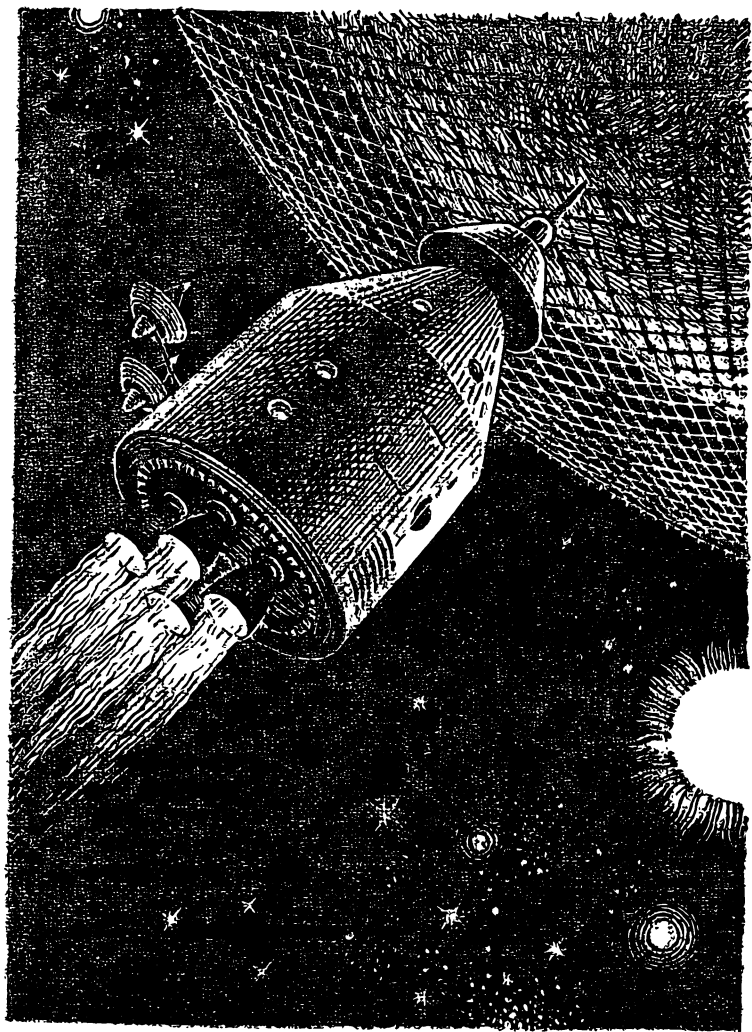
В левом верхнем углу экрана разгорался и трепетал красный уголек.

Можу не надо было повторять дважды. От неожиданности Шанина выбило из кресла и швырнуло влево, на переборку.

Когда он поднялся, уголька слева уже не было, зато справа заплескали целых три звездочки. Корабль заметался, непрерывно меняя курс, но красных огней становилось все больше, и узкое горло прохода сжималось на глазах.

— Бесполезно, — прохрипел Мож. — Вниз не пробиться...

Выламывая запястья и упершись коленом, он оттянул штурвал на себя с такой силой, что пластиковая

баранка выгнулась. Шанин снова не удержался на ногах. На этот раз сверху на него упал Сип. Корабль, словно догоняя свой огненный хвост, вывертывал вверх, назад, к спасительному пролому. Высота уже начала предательски буреть, и на всем обозримом пространстве пересекались, образуя правильные квадраты, черные полосы.

— Так... Так... выглядит... небо над Свирой? В крупную клетку? — выдавил Шанин, ворочаясь, в потный затылок Сипа.

— Да, — отозвался Сип, упираясь ему локтем в живот. — Но если здесь родиться и не видеть другого, то и оно покажется прекрасным...

Перегрузка резко ослабла. Мож почему-то тормозил.

— Я так и знал, — безнадежно процедил он. — Мы в бутылке. Они заткнули пробку... Что делать, Шан?

Сип и Шан вскочили, чуть ли не топча друг друга. Прямо по курсу полукругом горело четыре красных факела. Вокруг ближнего время от времени рассыпалось оранжевое ожерелье.

— Приказ остановиться... Они нас поджидали, это точно... Иначе такой стае не собраться... Это Горон... Он один знает нашу дыру... Кто-то из наших донес, и он ждал нас... Что делать, Шан?

Тот Шан, который сейчас блаженствовал в больничной палате на Зейде, был здесь атаманом, и Мож по привычке ждал приказа от нового, поддельного Шана.

— Прорываться! — ненависть перехватила горло Сипу. — Напропалую, в лоб — прорываться! Все равно смерть! Здесь есть шанс — в застенке его не будет. И там будут пытать. Лучше умереть здесь, сейчас. Все равно смерть!

— Тебе — смерть, — подтвердил Мож. — Они тебя сразу раскусят. А я...

— И тебе — смерть! Ты знал, кого везешь...

— Что делать, Шан? — в третий раз повторил Мож.

— Прорываться! — горячо зашептал Сип. — Идти на таран! Пойми, Шан, у нас нет выхода. Они раскусят нас в первую же минуту. Меня шлепнут на месте, поскольку я уже дважды приговорен, а тебя, как иностранного шпиона, с триумфом потащат в Дрому. Ты знаешь, как там пытаются? Ты будешь молить о смерти, но они будут наслаждаться твоими муками, пока возможно — ведь ты будешь первым настоящим иностранным шпионом, который попал им в лапы. Надо умереть достойно, Шан... Таран, только таран!

Шанина страшила не смерть и не пытки — хотя, как всякого нормального человека, такая перспектива его не радовала. Но он представлял, какой козырь дает он Кормчему своим появлением на Сви́ре, какая разнузданная вакханалия клеветы поднимется вокруг него, оправдывая самые черные дела правителя и давая повод для крайних мер против всего, что осталось на Сви́ре живого и мыслящего. Как ни тяжело и горько это было, он был готов сказать: «Таран!» Но что-то мгновенно мелькнувшее в памяти удержало.

— Ты говоришь, Мож, это должен быть Горон? Тот самый, что накрыл вас шесть лет назад?

— Другому некому. Мы задолжали ему, и он решил нас накрыть. Я говорю — они ждали... Зверюга... Другие вычистят все и отпустят... Хоть телегу оставят... А этот долгов не прощает!

— Что он сделает, если попадемся?

— Что? Конфискует телегу со всеми потрохами, а нас — за решетку... А там... Эх, тетя ведьма, что же ты со мной наделала?!

Шанин знал о Гороне много. Шан, разоткровенничавшись, рассказывал о нем охотно и зло. Этот елейный суб-майор был грозой и проклятием контрабандистов Сви́ры. Раньше он служил в Дроме и ходил в «топорах» — в петличках личной полиции Кормчего, — но непомерная жадность заставила его сменить весьма по-

четное, но недоходное место в столице на бесславную, но выгодную работу небесного пограничника. Все без исключения «рыцари удачи» платили ему дань. И горе тому, кто забывал об этом долге. Цепкая память суб-майора работала с точностью компьютера. Он помнил в лицо почти всех своих пациентов. Он знал все дыры Стального Кокона и кто через них ходит. Ему было известно, когда и чьи контрабандные «телеги» отправляются «на небо». А перекупщики за некоторые услуги докладывали ему, кто, что и сколько «добыл на небе».

Суб-майор Горон мог бы в один день покончить с контрабандой на Свире. Там, в высших сферах, знали об этом лучше, чем кто-либо. Но никто не отдавал и не собирался отдавать ему такой приказ. Гораздо практичнее было поддерживать с суб-майором добрые деловые связи. И командир пограничников пользовался ими, чтобы поддерживать и укреплять свое незаконное «дело». Остряки утверждали, что всемогущего бога нет потому, что есть всемогущий Горон...

— Ложись в дрейф, — приказал Шан.

Мож послушно убрал реверс главного хода. Легкая дрожь говорила о том, что двигатели работали, но корабль теперь неподвижно висел над планетой. Мягкий толчок и качанье — это вышел в пространство стыковочный рукав.

— Трус, — тихо выдавил Сип. — Но я живым не дам...

Он вытащил из заднего кармана комбинезона пистолет, перезарядил и положил в нагрудный — ведь придется поднимать руки. Передумал, засунул его за широкий раструб перчатки.

Шанин подошел к нему, положил руки на плечи.

— Я не трус, Сип. Я очень не хочу умирать, но я не трус. У меня есть мысль — шальная мысль, но выбирать не приходится... Надо попробовать. И если не получится...

Сип глядел недоверчиво.

— У меня к тебе личная просьба, Бин. У меня нет оружия. Если не получится — первая пуля мне. Договорились?

— Кончайте шушукаться, — подал голос Мож.

Пол под ногами ушел вниз, потом в сторону. Где-то далеко и глухо царапнул металл о металл.

— А вот и гости дорогие... Стыкуются... Слушайте — мы ремонтники, рабочие внешнего ремонта, ясно? Сбились с маяка, попали не в ту дыру. Ремонтники — и все тут. До последнего, слышите? Ох, тетя ведьма, прнеси...

— Но Горон же знает вас, как своих детей!

— У нас не принято узнавать друг друга. Такой закон... Ремонтники. Двести семьдесят пятая рембаза, ясно? Она здесь ближе всех. Двести семьдесят пять — и точка. Больше ничего не знаем...

Дверь вздрогнула под ударом, скользнула в стену. В проеме никого не было.

Томительная минута показалась годом.

Маленький седой старичок в неряшливой черной форме с крылышком на лацкане ворвался в кабину с радостной улыбкой гостеприимного дедушки, встречающего долгожданных внуков.

— Вот сорванцы, вот сорванцы, — причитал он. — Совсем молодым жизни не жалко, совсем! На такой скорости — и вниз! А потом ни с того ни с сего вверх! Ну, думаю, пришла твоя пора, Горон, не иначе иноземцы какую-то пакость затеяли! Приготовился грудью, так сказать... Ан нет, тут все свои по обличью... Отлегло от сердца-то... Боится, слава Кормчему, иноземная нечисть, зубами скрежещет, а боится... Ибо мы — монолит, один за всех, все за одного... Словом могучая Свира всегда начеку... Ах, сорванцы, сорванцы...

Старичок все сыпал и сыпал, заглядывая во все углы, а трое молодцов с грустными глазами бульдогов

привычно быстро обшарили «сорванцов» и застыли, упре-
рев карабины им в животы.

— А вы, ребята, наверное, ремонтники?

— Да, высокий, — растерянно откликнулся Мож и,
встретившись глазами с Шаном, утвердительно кив-
нул — Горон.

— С двести семьдесят пятой рембазы, наверное?

— Да, высокий, — тупо отозвался Мож.

— Так, так. Сбились с маяка, попали не в ту дыру,
наверное?

— Да, высокий, — едва слышно промямлил Мож.
Он начал подергиваться — к нему опять возвращалась
истерика.

— Ремонтнички, значит, сорванцы-ремонтнички... Это
хорошо, дырки в Коконе надо штопать... А то некоторые
висельники повадились через них на Зейду шастать...
Я-то сослепу за таких вас принял. Уж очень вы мне ста-
рых знакомцев Можы, Сипа и Шана обличьем напомни-
ли. Вы-то ребята хорошие, а те трое — мразь. Забыли
честь и совесть, долг перед Великим Кормчим забы-
ли... Ох, добратся бы мне до них! Уж они бы у меня
если не яблоню, то каменный курорт заработали... А вы
ремонтники, значит... И за этой дверкой инструмент
у вас, да? Взглянуть на него можно, да? Любопытный я
страсть до всякой техники...

Старичок торкнулся в трюмную дверь — она не под-
далась.

— Туда нельзя. Радиация, — сказал Шан.

Старичок, удивленный его наглостью, обернулся и
затрясся в беззвучном дробном смехе, держась за
сердце.

— Что... ох! Что ты сказал? Ох, Великий Корм-
чий, уморил... Тот мой знакомец Шан, на которого
ты похож... ох! Тоже был большой остряк, пока тре-
пыхался. Радиация! Ох, сорванцы, сорванцы-ремонт-
нички...

— Я тоже знал одного суб-майора, Гороном звали. Умнейший был человек, догадливый — прямо всю душу до дна видел. Так вот, будь на вашем месте Горон, он бы поинтересовался сначала, какой нынче урожай на яблоки и чем пахнет навар с варенья. Тоже любопытный был...

— Как! Я? — Старичок как-то непонятно быстро очутился рядом с Шаном.

— Да нет, вы непохожи вроде... Тот догадливый был.

— Высокий, — проворковал старичок, заглядывая снизу в глаза Шану. Грустный бульдог, стороживший атамана, перекинул карабин в левую руку и зубами подтянул правую перчатку. На сгибе пальцев и ребре ладони выгнулись свинцовые блямбы — вензеля с крылом и буквами «ПГ». «Дешево и рационально, — мелькнуло у Шанина. — Кровоподтеки от ударов выходят как печати. Сразу видно, что били от имени государства, по закону».

— Когда обращаешься к полицейскому гвардейцу, надо говорить «высокий», — терпеливо повторил старичок.

— Простите, высокий, больше не повторится... Воспоминания!

Старичок моргнул, и Шан влип в переборку — на этот раз с рассеченным до кости подбородком.

— Чем же пахнет навар с варенья? — наклонился над ним с ласковой улыбкой старичок.

— Словом Кормчего. — Шан слизнул с губы кровь. — С Гороном поделился бы рецептиком... Он бы меня на руках носил... Умел снимать пенки Горон, не в пример тому старому бодливому козлу...

Грустный бульдог поднял правую руку, но старичок остановил его.

— А ты и со мной поделишься. Битое мясо мягче.

— Мясо — да, а колокол, как ни бей, ничего, кроме звона, не выбьешь.

Старичок перестал улыбаться и с минуту буравил Шана глазами-шурупчиками.

— Вставай. Говори.

— Душно здесь. Горло пересохло! У меня в трюме пиво холодное... Да только на двоих осталось.

— Я тоже до холодного пива охотник. Пошли, ремонтничек. Только если пиво с пригарью — не обессудь. Я обидчивый.

Хрястнула под плечом Шана трюмная дверь, мякнула басом, как рысь в капкане.

— Ну и холодина тут у тебя, дружок. Наверное, весь чернучек подмерз. За такой товар и сотни серебряных не дадут. В отопительных баках сикер?

— Не молоко же! — Нагло скривил Шан опухшую губу.

— Зейда, — пнул старичок ящик с плохо отскобленной этикеткой, выглядывающий из-под пакетов прессованного чернука. — Протовит в ампулах. Добрый товар, хоть и синтетика. Настоящего протовита давно нет в природе...

— Протовит — пшено. Есть почище да покрупнее.

— Покажи.

— Сначала разговор.

— Горон знает дело.

— Так то Горон...

Горон запыхтел, сел на ящики. Теперь он не походил на умильного дедушку. Дряблые брыли глубокими складками неестественно удлиннили губы, и этот нечеловеческий огромный рот на желтом крючконосом лице будил память детства. Такие одинаковые плотоядные лица были у глиняных божков, что лежали на сувенирных лотках, у развалин какого-то древнего храма.

— Не темни, Шан. Выкладывай. Кораллы с Голубого Шара? Силун с Дзойси?

— Мелочь. Все это мелочь.

— Медвянка из Оранжевого Кольца? — почти шепотом выговорил суб-майор.

— Ладно, Горон. Давай в открытую. У меня женьшень. Настоящий дикий женьшень с Земли. Корни...

Горон оглянулся на закрытую дверь, словно там уже стояли «топоры» и черный бронефургон без окошечек.

— И семена, — выпустил последнюю пулю Шан.

Горон долго молчал, колуя пальцем ногтем нитрокраску на ящике.

— Ты гнешь горбатого, Шан. Ты не мог достать женьшень.

— И все-таки он у меня. Корни и семена, годны для посева.

— Ты зря сказал мне об этом. Ты перегнул. Ты, видно, на самом деле способный парень, но я теперь не смогу отпустить тебя. Живым — не смогу. Даже с корабля. Даже отсюда, из этого трюма.

— А я и не прошу отпустить. Мне одному не осилить. Я предлагаю тебе дело, половина наполовину.

— Половина наполовину?

— Да. Если дело выгорит, ты можешь плюнуть на всех и всю жизнь купаться в серебряных. Ты будешь богаче всех богачей, вместе взятых. И я. Мне тоже хочется пожить с прямой спиной.

Горон хохотнул и вскочил с ящиков. Он снова запричитал и заметался из угла в угол.

— Ну сорванец, вот сорванец... Не ожидал от тебя, ремонтничек, не ожидал... Такой тихий да вдумчивый — и такой недотепа... Ай-ай-ай... Нехорошо... Придется наказать тебя, сердечного, ой, придется... А то ведь болтливый ты такой, ой, болтливый... Совсем язык без костей... Непохож на Шана, нет... Тот все больше бочком да молчком, а и с молочком... А ты, не зная погоду, в воду... Сам виноват, ремонтничек, сам...

И, подскочив к Шану, переменялся враз.

— Половина наполовину, говоришь? Горон будет иметь все! Ты мне не нужен. Я выброшу тебя, как стреляную гильзу. Ты не выйдешь отсюда. Я разберу весь корабль на винтики и найду твою захоронку. И продлю себе жизнь годочков на двести-триста. Это почти бессмертие. Весь товар будет мой, весь!

— Не надо разбирать корабль. Он еще пригодится. Можу и всякой мелкоте, вроде него. А нам теперь нельзя ссориться, Горон. Мы — как орел и решка у серебряного: один без другого ничто...

Шан достал из-под стеллажа обыкновенный красный саквояж.

— Здесь товар. Открой и посмотри.

Горон впился в саквояж, пытаясь его открыть. Он не открыл его. Он не открыл его через минуту после внимательного и тщательного осмотра. Он не открыл его после возни с кучей хитрых отмычек. Он не открыл его через пять минут, орудуя чем-то, что тщательно прикрывал корпусом.

— Я понял. Ты перехитрил меня. Если эта штука вообще открывается, то открыть ее можешь только ты? Шифр?

Вместо ответа Шан провел рукой по крышке. Крышка подскочила и захлопнулась снова при первом же движении суб-майора.

— Мы еще не договорились, Горон.

— Говори, Шан. Такие, как ты, мне нравятся.

— Этот товар не возьмет ни один перекупщик Силая, так?

— Так.

— С этим товаром засыплется любой перекупщик Дромы, так?

— Так.

— Никто из высоких и высших, которых ты знаешь или можешь узнать, не сможет купить у тебя всего саквояжа, так?

— Так.

— Но охотиться за ним, не брезгуя ничем, будет каждый, так?

— Так.

— И если кому-то удастся напасть на след товара или продавца — исчезнут и товар и продавец, не так ли?

— Так.

— А можно ли сохранить тайну, доверив ее десяткам и сотням людей?

— Нет.

— Значит, продавать товар по частям, в розницу — верное самоубийство для нас и неожиданное счастье для какого-либо дурака.

— Слушать тебя, Шан, одно удовольствие. Но я пока не вижу дела, с которого я что-то буду иметь.

— Надо найти человека, который мог бы купить у нас саквояж. Весь товар оптом.

— Таких людей нет на Свире, Шан. Это говорю тебе я, Горон.

— Такой человек есть, Горон. Единственный на Свире. Кормчий.

Трудно было предположить, что суб-майора может что-то поразить или испугать. Но Горон вздрогнул. Подковообразный безгубый рот его открылся и закрылся, проглотив неведомые слова, а шурупчики-глазки превратились в тонкие иглы.

Шанин услышал свое сердце. Словно кто-то в боксерских перчатках бил изнутри в ребра. Хватит ли Горона на такое? Или страх сильнее жадности?

— Кто же сделает... это?

— Я. С твоей помощью. Я и ты. Половина наполовину.

— А если...

— Не смей. Ты отлично понимаешь, что рискую только я. Даже если я выдам тебя, провалившись, мне никто не поверит. А если и поверят — сделают вид, что

не поверили: у тебя достаточно ловкости и связей, чтобы выйти сухим из воды.

Горон затих. На сухой желтой коже заблестели дорожки пота.

— Этого не может никто. Немногие могут похвастать тем, что видели Кормчего. Говорили с ним — еще меньше. Но никто и никогда не являлся правителю без его зова. Таков единственный закон Свиры, который никому еще не удавалось переступить.

— Я буду первым.

— От тебя не пахнет чакой... Ты... ты или сумасшедший... или великий человек.

— В любом случае ты не проигрываешь.

— Если я соглашусь... что я должен делать для тебя?

— Для нас. Для Сипа и меня. Мне нужен помощник и телохранитель.

— Он знает?

— Нет. Но он узнает. Ровно столько, сколько нужно.

— Я против. Я не хочу третьего. Помощника дам тебе я.

— Третьего не будет. Сип — это я. А «помощничка» ты за нами все равно пошлешь, верно, Горон?

— Верно. И не одного.

— Твое дело... Ты даешь нам в Дроме все свои связи среди высших, которые около правителя, с которыми ты имел дело и которые у тебя на крючке. У тебя есть такие.

— Допустим, но...

— Мы скормим им протовит и кое-что из мелочи. Мне и Сипу нужно осесть в столице на какое-то время и оценить положение. Окончательный план и его выполнение — наша забота, тебя она не касается. Ты должен только сделать так, чтобы «пернатые» не путались у нас под ногами...

— Правителя стерегут «топоры».

— Кто их начальник?

Горон оторвался от красного саквояжа, и глаза его тоже были красные. Как на аварийных табло, в них высветилась тревога: удивление, подозрение — и тревога. Шанин понял, что сгоряча задал вопрос, который Шан задать не мог.

— Кто начальник? После прогулки на небо у тебя что-то сдала память, Шан... А чемоданчик у тебя хорош... В первый раз вижу такой... Где ты взял его? Или тоже запамятовал?

— Помню! Там, где и товар.

— Ай, сорванец, сорванец! Где товар, говоришь... А где брал товар, это уж, конечно, не вспомнишь...

— Не вспомню, Горон.

— Ай, сорванец, сорванец... Насмешил ты меня, насмешил... И внука бы моего восьмимесячного тоже бы насмешил... Чего только с памятью не бывает... А как же все-таки чемоданчик открывается, а? Секрет не говори, скажи только суть, а? Принцип скажи, а?

— Я не знаю. Я просто думаю, чтобы он открылся, и он открывается. И перестань ломаться, Горон. Надоело.

— Грубишь, дружок, грубишь... А я вот о твоих товарищах думаю. Скучно им. У Сипа в перчатке пистолет спрятан. Вдруг он со скуки в моих ребятишек палить начнет? Ребятишки у меня нервные. Пришьют на месте — и одним хорошим человеком на Свире меньше будет... А из-за чего? Все из-за твоей забывчивости, Шан... Только нет, милый, нет! Ты стой, где стоял, за мною не ходи. И саквояжик не трогай, не надо. Не ровен час... Ай, какой ты сердитый, Шан, какой сердитый... И притомился малость, видно, белый весь... Постой, постой, отдохни маленько...

Горон выглянул в дверь, коротко что-то пролаял. В рубке вскинулась и затихла короткая возня. Выстрела не было. Шан успел сделать только шаг к двери. Пистолет Горона уперся ему в живот.

— Не надо, Шан. Там все в порядке. Береги нервы. Я имею желание согласиться на твое предложение.

Хамелеон демонстрировал новый облик. Исчез вертлявый дедушка-садист, исчез глиноликий божок.

Даже убрав пистолет, Горон остался продолжением своего оружия — точным, молниеносным, неотвратимым.

— И поставим все на свои места. Я мог ответить тебе «да», мог ответить «нет». Ты мне можешь ответить только «да». Это первое. Второе. Я веду игру с умниками и с дураками. Но сам я никогда не остаюсь в дураках. Поэтому твой чемоданчик — прости, мой чемоданчик — будет у меня, пока не кончится дело. Это избавит тебя и от забот по охране, и от искушения поменять партнера. Или сбежать со всеми серебряными прямеохонько в небо...

— Наши серебряные за Стальным Коконем — пыль...

— Не знаю, не знаю... Но это не меняет суть.

— Но где гарантия...

— Твоя единственная гарантия — верно служить мне, Шан.

Детектива не получалось. Не получалось героя-разведчика, хитроумным планом загоняющего врага в угол. Эта скользкая бестия Горон легко, одним движением снова оказался наверху. Пришла запоздавшая мысль о том, что драться против таких их ржавым оружием безнадежно. Они владеют им с рождения. Любая тренировка не сможет заменить врожденной способности сеять беду и зло. Нужно другое оружие — оружие, о котором эти люди не подозревают. Основанное на ином принципе. Оружие добра. Но что это такое — оружие добра? Не читать же проповеди этой сочащейся ядовитой слюной кобре?

— Что-то ты замолчал, Шан. Я не слышу воплей радости. Ведь я же согласился. Ты уговорил меня, Шан. Я даже принял твой дележ — половина наполовину,

А мог бы... Но я уважаю смелость. Так что же ты проглотил язык, мой дорогой компаньон? Или...

— Я жду твоих приказаний, Горон.

Вынырнул на мгновение дедушка-садист, залился дробным хохотом, поощрительно потрепал плечо Шанина, умильно зачмокал ему в лицо. И скрылся, спугнутый жесткой диктовкой Горона-хозяина:

— Мы сейчас перейдем ко мне на катер. Мож вместе с кораблем, чернуком и сикером пусть проваливает ко всем чертям. Мне некогда им заниматься. Ты получишь форму и документы полицейского гвардейца — не «липу», настоящие. На днях мы проводим большую операцию по розыску крупного государственного преступника Канира Урана по кличке Бин. Мы накроем его. Что с тобой, дружок?

— Ничего. Я слушаю.

— В поимке Бина ты проявишь чудеса храбрости. И я отправлю тебя, как героя, сопровождать преступника в Дрому, с рапортом министру государственного милосердия высшему Тирасу Уфо, славному командиру легиона «Слуг справедливости», которых в просторечии почему-то величают «топорами». Странно, Шан, что ты запомнил имя моего дорогого друга Тираса, странно... Тирас примет тебя. Ты передашь ему кое-что. Остальное зависит от тебя. С той минуты тебе придется отрабатывать свою половину доли. А я посмотрю. Я буду за твоей спиной даже в... Впрочем, ты понятливый малый.

— С пустыми руками мне никто не поверит. Даже правитель. Я окажусь на яблоне раньше, чем открою рот.

— У тебя будет корень. Один корень. Образец. Это все, чем я могу тебе помочь. А насчет яблони... Отличный код! Мы будем называть наш товар «Силайские яблоки». Просто и со вкусом! Никакого повода для подозрений и тонкий философский намек... Все мы философы, Шан. Это наша слабость.

— Кто это «мы»?

— Мы — это мы, милый Шан. Те, от которых не уйти... Да, чуть не забыл: не верь ни одному слову Тираса, пока он не покажет золотой треугольник. Когда покажет — говори напрямик. Запомнил? Такой вот, как у меня, видишь? Треугольник на цепочке...

Замурлыкал востроглазый старичок, подхватил саквояж и, пропуская Шана в рубку, подмигнул:

— Яблочки силайские...

4. ДРОМА

Весь путь от Силая до Дромы пассажир проспал, и, только когда аэробот пошел в посадочный вираж, он недовольно зарычал. Полицейский гвардеец с вензелем сержанта скрипнул зубами.

— Оставь его в покое. Он опять будет биться.

— Но это я. И я не позволю, чтобы всякая шваль скалила зубы над Бином...

— Говорю, оставь. Ему уже ничем не поможешь. Человек убит в нем давным-давно.

— Но он — это я, понимаешь, я! Я мог бы стать таким, если бы...

— Замолчи. Немедленно замолчи. Иначе я надаю тебе пощечин. Ты сопливый истерик. Ты все погубишь. Не только себя и меня — все!

Пассажир тяжело с подвывом заскулил.

Пилоты не успели еще сбросить трап, как прямо по посадочной полосе к аэроботу подкатила закрытая машина. Из нее посыпались широкогрудые парни в небесно-голубых мундирах. Не обращая внимания на двух «пернатых» коллег, они споро взялись за дело, и через минуту клетка с рычащим и воющим Бином была уже в машине. Шан долго не мог понять, кто у них старший, пока не заметил рядом с водителем скучно-

го человека с двумя серебряными топориками в петлице.

— Окс-капитан, у меня сопроводительный пакет и письмо к высшему Тирасу.

Скучный человек протянул из кабины руку.

— Мне поручено передать их лично.

Рука нетерпеливо дернулась — давай. Секунду поколебавшись, Шан сунул письмо и пакет в ленивые пальцы. Рука исчезла. Аудиенция была окончена. Голубые громы скрылись в кузове. Взыла сирена, и тяжелый фургон с неожиданной прытью умчался по бетонному полю, оставив растерянных и недоумевающих гвардейцев на произвол судьбы.

— Я не знаю правил этикета в этих кругах, но с точки зрения здешних нравов нас встретили в Дроме сдержанно. Жду ваших ценных указаний, септ-капитан.

— Обалдуй, — сказал Шан. Они шли с летного поля не спеша — торопиться им было некуда — и, получив наконец возможность говорить, не опасаясь быть подслушанными, не находили слов.

— Обалдуй, — сказал Шан. — Если бы я знал, что буду из-за тебя так волноваться, никогда бы с тобой не связался...

— Ты волновался за меня? Или за исход операции?

— Не знаю... Я дилетант в этой профессии. Когда я услышал, как ловко тебя обезоружили, а Горон минутой позже заявил, что Бин в его руках, я, честно говоря, думал только о том, как тебя выручить. Я был уверен, что нас раскрыли... И чуть было не наломал дров...

— Да, Горон применил старый прием: выдал за Бина беглого уголовника, сошедшего с ума в силайских дебрях. И начальство это знает. Начальству выгодно быть обманутым — будет громкий процесс, будет показательная казнь — и да уstraшен будет всякий не-

отвратимостью возмездия! И ко всему прочему новые чины и награды...

— Но такой вариант выгоден и тебе. Тебя уже не будут искать. Нельзя казнить одного человека дважды...

— Выгоден... Ты начал говорить, как Горон. А каково мне? Наверное, тот, кто сейчас в клетке, был на свободе большим подонком. Но его казнят не за это. Его казнят за меня. Я должен теперь ему жизнь, понимаешь? Они лишили меня права распоряжаться своей жизнью...

— Не раскисай, Сип. Я понимаю — тебе тяжело. Но ты ничего не исправишь жалобами. Здесь нужно другое...

— Я знаю. Прости. Но что же нам все-таки делать теперь?

— Послушай, Горон проницательный?

— Разумеется.

— Ты все-таки когда-либо объяснишь толком, кто такие проницательные? Что их объединяет? Каковы их цели? Как их узнают? Я только и слышу — проник да проник, слышу в разных вариантах, в самых неожиданных и взаимно исключающих значениях! Наваждение какое-то!

Сип долго молчал, расшвыривая камешки с дорожки коваными ботинками.

— Проник... Проник есть проник... Это не вмещается в ваши земные категории. Внешне они неотличимы от всех, они неотличимы от всех остальных свирян. Они бесформенны и всепроникающи. Теоретически они вне закона, каждому разоблаченному пронику грозит смерть. А практически весь государственный, весь административный аппарат Свиры — сплошные проникы. Потому что доказать, что проник действительно проник, практически невозможно... Они выходят сухими из любых чисток, которые устраивает время от времени Кормчий —

они получают награды за усердие, а на яблоню попадают те, кто им мешал...

— Заумь какая-то! Много страха и мало смысла. Ты что-то перегибаешь, Сип. Здесь что-то не то. И не так.

— Так, Шан. Просто это сразу трудно укладывается в голове. Мы уже привыкли, а ты нет. Впрочем, увидишь сам. Поймешь. И привыкнешь.

— Но как ты все-таки узнаешь, что кто-то проник?

— Спроси что-либо полегче... Как узнаю? Сам не знаю! Конечно, не по внешности. Хотя... Есть что-то, но... Вот стоит ему заговорить — сразу видно. По жестам, по поведению, по речи, по какой-то внутренней злой затаенности — на языке мед, в глазах яд... Тысяча мелочей... Трудно объяснить... Ты меня понимаешь?

— Пытаюсь изо всех сил. Но, честно говоря...

— Стоп!

Сип приложил палец к губам. Шанин оглянулся, но ничего подозрительного не заметил.

Они потоптались у ворот аэрогавани, глядя, как перегруженный грузовой дирижабль безуспешно пытается оседлать причальную мачту. Рядом с ними остановились несколько зевак, по традиции обсуждающих промахи пилотов и их шансы причалить в такой ветер.

— Им «пернатые» помогут. У них крылышки, — ядовито хихикнул кто-то за спиной. Шан обернулся. Все с постными лицами смотрели в небо.

— Надо идти в ближайший участок «ПГ» и связываться с Гороном. Пусть он сам разбирается, что к чему и какого лешего нас бросили посередине дороги...

— Не надо, септ-капитан. Все делается согласно приказу. Та команда не имела инструкций на ваш счет.

У говорящего не было лица. Потом, через минуту после разговора, ни Шан, ни Сип не могли вспомнить наверняка ни одной четкой черточки, ни одной особенности фигуры, ни одной броской детали одежды — ка-

кое-то смутное облако, желе, студень с бесцветным голосом.

— Кто ты такой?

Молчание. Наручные часы, где вместо циферблата — силуэт топора. Какие-то розовые бумажки.

— Вот ваши места в гостинице и суточные на неделю. Вас позовут, когда будет надобность.

Он растаял в воздухе, не оставив следа. Но еще раньше, едва он появился, растаяла толпа зевак вокруг Шана и Сипа. У жителей Дромы выработалась мгновенная реакция.

— У меня был один знакомый исследователь древней письменности. Он постоянно тренировал воображение. Нарисует две черточки и пристает ко всем: «Что это может значить?» Что это может значить?

— Только одно — даже на улице следует говорить вполголоса. А в гостинице — орать. У них паршивая аппаратура, работает с искажениями. Глупо влипнуть по вине неисправного магнитофона.

— Думаешь, нас собираются пощупать?

Вместо ответа Сип кивнул на такси, которое медленно тащилось за ними, явно желая «случайно» попасться на глаза. Они сели на заднее сиденье и молчали всю дорогу, чем весьма расстроили водителя. И только после остановки Сип вознаграждал его, громко воскликнув «Слава Великому Кормчему, высшие умеют ценить преданность! «Изобилие» — лучший отель Дромы. Здесь не соскучишься»...

Они стояли со своими провинциальными чемоданчиками на тротуаре, не решаясь войти под гулкие своды гигантской пирамиды, составленной из разногабаритных полушарий. Поражало мастерство, с которым архитектор рассчитал все детали своего нелепого сооружения. Оно должно было развалиться без всякого внешнего толчка, само по себе, но оно высилось, венчая центр столицы, и высилось, вероятно, не одно десятилетие.

— Нравится?

— Впечатляет. Одна из вершин абстрактного архитектурного искусства. Того и гляди сейчас все посыплется...

— Не посыплется. На века. Гостиница — ровесница Стального Кокона.

— Вот как. А кто архитектор?

— Тише... Об этом не спрашивают. В справочниках говорится, что гостиница построена волей правителя...

Подозрительный бритоголовый юноша, тоже заинтересовавшийся бетонным десертом, сразу заскучал и отошел.

— Леший их разберет. То ли вправду уличный бездельник, то ли... Всякие тут ходят...

Фойе встретило гостей сладковатым запахом. Большая часть храмообразного пространства была отдана растительному миру — плодовым деревьям, ягодным кустам, овощным грядкам. Строгие таблички «Руками не трогать» и защитные металлические сетки под током предостерегали, однако, заезжих лакомок от вольного обращения с этим соблазнительным великолепием.

У таблички, удостоверяющей, что за барьером портье, гости простояли минут десять. Портье смотрел сквозь их прозрачные тела в глубины, доступные ему одному. Робкие попытки вывести его из каталепсии успеха не имели, и Шан довольно внятно пробормотал: «Сип, здесь нет таблички «Руками не трогать», и я сейчас попробую...» Сип наступил ему на ногу. Тем не менее портье протянул руку — ленивым жестом, как голубой окс-капитан в машине.

Розовые бумажки имели волшебную силу. В своем двухкомнатном номере-люксе гости оказались ровно через минуту, слегка обалдевшие от подобострастных улыбок носильщика, выросшего из-под земли, запаленных вздохов скоростного лифта и магнитофонной скороговорки очаровательной горничной, которая оставила после

себя аромат нектара и горячий чай с какими-то желтыми орешками.

— Сказка, — проворковал Сип, оглядывая безудержную безвкусицу литературного номера. — Как щедро платит правитель своим преданным слугам! Сто лет не спал на такой кровати...

Он плюхнулся на свое необъятное ложе, ловко поддел матрац и внимательно осмотрел группу пружинных контактов, от которой в ножку уходил красный провод. Потом включил бра на стене. Вместе со вспыхнувшей лампой в настенной стойке что-то щелкнуло и зажужжало.

— Для любителей ночного чтения, — прокомментировал Сип. — Очень хорошо видно, что читаешь...

Они обследовали номер и обнаружили массу не менее интересных вещей: радиодинамик, который не включался и не выключался; странное вентиляционное отверстие в потолке над люстрой; сушилку в ванной, которая не сушила, но трещала, как автоматическая кинокамера.

Шанину наконец все это надоело.

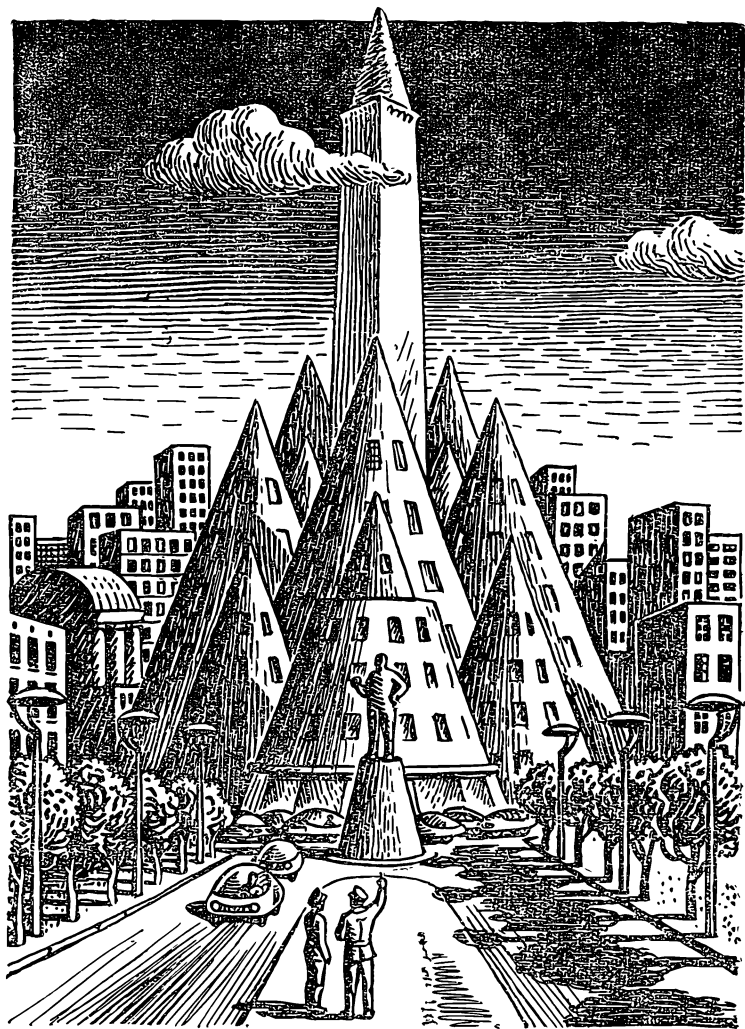
— Эти желтые орешки с чаем вызывают отличный аппетит. Не заняться ли нам этим вопросом? Там, кажется, есть какие-то талоны в ресторан, который я приметил внизу...

— Талоны пригодятся на потом. А сейчас с помощью вот этого чека мы должны стать богатыми людьми...

* * *

Несмотря на рабочий день, улицы Дромы были многолюдны, пестры и бестолковы. Человеку, привыкшему к тишине и успокаивающей медлительности современных поселений Большого мира, здесь было нелегко. А Шанину в мундире гвардейца было нелегко вдвойне: Дрома кишела «пернатыми», и приходилось бдительно следить

за людским потоком, чтобы ответить на приветствие или отковырять самому.

Улицы бесконечно петляли, переламывались, расходились зигзагами у подножия одинаковых, как детские кубики, многоэтажных коробок, упирались в неожиданные тупики, по ним, вплотную друг к другу, скрежеща и цепляясь бортами, судорожными толчками продвигался чадающий бензиновой гарью автомобильный поток. Порой где-нибудь впереди раздавался вой тормозов и хруст сплющиваемого металла. Урчащий конвейер замирал тогда надолго, но никакая сила на свете не могла прекратить его движение совсем.

Зато людской поток на тротуарах тек безостановочно. Каждый прохожий что-то делал на ходу — жевал, курил, читал, — и, может быть, поэтому на всех лицах каменела равнодушная отрешенность от окружающего.

— Куда мы все-таки несемся?

— Никуда. Мы уже на месте. Тут можно присесть или постоять без риска быть сбитым с ног... Когда-то здесь был Дворец Свободы — правительственная резиденция. По Слову Правителя он был снесен и на его месте выстроен Вечный Дворец, увенчанный персональной Башней Кормчего. В ней находится его рабочий кабинет. А Вечный Дворец отдан исполняющим Слово Кормчего министерствам.

И снова пирамида, но уже не из полушарий, а из неправильных конусов, опоясавших тонкую свечу башни, зеркальный купол, который поздно вечером и рано утром полыхал языком пламени на сером небе. И та же печать незаурядного мастерства, скрученного и извращенного злой волей нелепого заказа. И скульптура у главного входа: юный бог в куртке с надкушенным яблоком в руке.

— Правитель в ту великую минуту, когда он задумался о судьбе Свиры и принял решение взять на плечи

бремя Кормчего... Ну как? На что похоже это сооружение?

— Похоже на то, что гостиницу «Изобилие» и Вечный Дворец строил один и тот же архитектор.

— Тот же? Нет... Но... Разве есть сходство? В чем?

— В характере. Во взгляде, что ли. В мастерстве... Словом, если это не он, то его ученик.

— Да...

Сип долго молчал, разглядывая дворец, словно видел его впервые.

— Да... А ведь действительно... А ты зорек, Шан. Дворец строил сын того, кто поставил злополучную гостиницу.

— И он плохо кончил?

— Да. Можно мне задать тебе вопрос без околичностей?

— Разумеется, Сип.

— Что ты собираешься делать?

— Сейчас? Продолжать прогулку.

— А завтра, послезавтра, через неделю?

— Наблюдать, запоминать, анализировать.

— А действовать?

— И действовать. Во всех детективных романах, которые я специально проштудировал перед Свирой, говорится, что главное в профессии разведчика — дедуктивный метод. Действие — частность, а частное по дедуктивному методу должно выводиться из общего. Следовательно, чтобы действовать, надо основательно побездействовать.

— Ты все шутишь. Тебе все это кажется пока забавной игрой. Не спорь. Ты попал в прошлое, в пройденные вами века. И ты не прочь подурачиться, уверенный, что завтра вернешься в свое время. А ведь Горон ждет, когда ты проникнешь к правителю. И он не будет ждать бесконечно. И он не любит шутников.

— Хорошо, давай серьезно. Мы работаем не для

Горона. И если говорить откровенно, я вообще не собираюсь встречаться с правителем. Потому что меня и моих друзей интересует не то, каким образом этот древний хрен сумел себя законсервировать на двести лет, а то, каким образом Свира так долго держится на краю неизбежной пропасти. Уверен, что правитель не выложит ответа даже за женьшень. Придется докапываться самим, изучать производство и распределение, понять положение и взаимоотношение всех классов и прослоек общества, оценить настроение и степень зрелости народа...

— Для этого надо прожить здесь две жизни...

— Чтобы уловить общее — нет. Иногда его можно почувствовать сразу, на одном дыхании. Как повезет. И как смотреть на все, что происходит вокруг. Ты здесь родился, ты ко всему привык, многое проходит мимо твоего внимания. Глаз постороннего зорче.

— Возможно... Но меня интересует одна частность — собираешься ли ты посещать правителя?

— Пока нет. Пока это просто невозможно — мы стоим перед глухой стеной, и эта стена непреступна. Нужно найти хотя бы какой-то дефект в этой стене, дыру или щель, и только тогда...

— А если я знаю такой дефект?

Шан внимательно посмотрел на Сипа. Сип выдержал взгляд.

— У тебя завелись от меня секреты, Сип?

— Нет. Не завелись. Этот секрет был со мной всегда. На Свире, на Зейде, на Земле. Но этот секрет я открою только тому, кто поможет мне выполнить клятву.

— Какую клятву?

— Судить Великого Кормчего.

— Убить?

— Нет. Судить. И приговорить к смерти. И привести

приговор в исполнение. Чтобы это не было убийством, нужны хотя бы двое...

Да, еще Тесман говорил, что у Бина свои счета с правителем. И вот теперь... Отговаривать бесполезно. Согласиться на соучастие нельзя. Остаться в стороне нечестно. Обманывать подло.

— Когда и кому ты дал клятву?

— Не надо об этом, Шан. Я забыл, что ты человек Земли. Что ты просто наблюдатель. Что для тебя все наши горести и беды не более как трудный ребус, который надо решить, научный казус, который надо объяснить. Я забыл. Прости. Я не оставлю тебя, пока... Словом, забудем этот разговор. Я ничего не спрашивал.

— Бин...

— Я Сип. Прежний Сип. Твой Вергилий.

— Жарко. Давай выпьем пива...

Они остановились под зеленым навесом против рыбного магазина. Пожилой гвардеец с жезлом дружелюбно им улыбнулся и подвинул кружку, освобождая место за столиком. Улыбка в Дроме — явление редкое, и Шан улыбнулся в ответ.

— Дежуришь?

— Разве это дежурство, септ-капитан? Хочешь — спи, хочешь — пиво дуй. А вот я работал в Олоне, воздушные верфи там — вот где действительно держи ухо востро. Известное дело, работаги — у них свой закон. Держатся один за одного, косяком — с ними лучше не связываться...

Пиво было, что называется, на любителя — цвета спелой малины, горьковато-сладкое и почти без пены. Шан взял три кружки — себе, Сипу и говорливому блюстителю порядка.

— Благодарю, септ-капитан. Многовато будет... Ну да ничего, мне уже через час меняться.

— А ты за свою жизнь в разных местах бывал, наверное?

— Да, помотался. Я все больше по охране, для страха стою. Так не стало страха теперь, даже Вечного Дворца не бояться, шалый народ стал.

— А почему, как ты считаешь?

— От жиру. Я говорю — от жиру. Заелись, на правителя обнадежились. Он, мол, благодетель, всех накормит. Я последнее время в глуши, в Трижах существовал — молодые затерли. Так и там дикари, обезьяны земляные, только и могут, что свою сатуру крупноплодную сажать да выкапывать. Так и эти. Не хотим по шестнадцать часов работать, хотим по десять. А этого не хотите?

Заметно приободрившись, ветеран грозно потряс жезлом, как боевой дубиной.

— А сюда меня сын переташил, слава Кормчему. В «топорах» у меня сын... Здесь благодать. Конечно, тоже как когда...

Что-то стряслось в рыбном магазине напротив. Крик возмущения и боли, звон разбитого стекла, шум свалки, снова крик — тот же голос, но сдавленный, зовущий на помощь, ругань, глухие удары, снова звон стекла... Гвардеец поскукнел и прислушался, не спеша, однако, допивать свое пиво.

— Опять что-то не поделили... Вот народ! Всего выше горла, лопай — не хочу, так нет, каждый в рот соседу смотрит. Зависть, зависть... Не люблю драк. Никогда не поймешь, кто прав, кто виноват, все хороши... Пакость одна...

Шанин почувствовал на себе хмурый изучающий взгляд Сипа. Ему стало неудобно. Никаких действий — это легко приказать. А если бьют женщину? Ребенка? Ты чужой, тебе все равно — утверждало молчание Сипа... Нет, дорогой. Очень не все равно. Очень.

— Надо прекратить это. — Шан одернул ремень. — Пойдем, дежурный.

Они не успели. Кто-то мелькнул в дверях, пытаясь

выскочить на улицу, его перехватили, ударили спиной о притолоку.

Руководил боем коротышка в кожаном фартуке. Увидев гвардейцев, он бросился к ним, крича:

— Это проник! Он оскорбил Великого Кормчего! Он сказал про него такое!

Тротуар опустел мгновенно. Ни избиения, ни свидетелей — жара, звенят ситары, недопитое красное пиво на столике — и неподвижное тело на тротуаре, лишь отдаленно напоминающее человеческую фигуру.

Шанин предполагал в этот день съездить куда-либо на окраину, например в рабочий пригород Дромы Силку. Было еще рано, до Силки часа три езды экспресом, и они вернулись в гостиницу. Возвращались в открытом автобусе, который немилосердно дергало в ритме бесконечного автоконвейера. Люди стояли и сидели, отрешенно жуя, и согласно качались в такт рывкам.

— Ну как дедуктивный метод, — спросил Сип, исподлобья поглядывая на Шанина. — Помогает?

Шан потер лоб.

— Плохо помогает?

— Поможет. В свое время. А завтра мы с тобой должны разыскать вот этого человека. Зовут его...

* * *

— Мос Леро...

Чтобы разобрать витиеватую надпись на почерневшей медной пластине, пришлось включить поясной фонарик. Шан махнул рукой таксисту, тот, круто развернув машину, дал полный газ, и через полминуты только серая пыль висела над петлей накатанной дороги.

— Даже фары не включил. Еще врежется где-нибудь. Внизу уже совсем темно. Чудак...

— Кто знает, Шан. Может быть, это мы начудили, отпустив машину раньше времени...

— Не думаю. Хотя, если хозяин под стать своему логову, думать о приятном отдыхе вряд ли придется...

Они звонили у бронированной калитки, врезанной в крепостной кладки каменную стенку, добрых пять минут, но за калиткой и за стеной царила нежилая тишина.

— Однако, Мос Леро рано ложится спать.

Вилла пряталась на дне горной впадины, словно в стакане с отбитым верхом — полупрозрачные острые ребра кварцевых пиков перекрывали все подходы к ней. Лишь по единственной узкой расщелине выползала наверх дорога. Все ее замысловатые петли просматривались от виллы, как с вертолета.

— По-моему, этот Мос — атаман разбойничьей шайки. Иначе зачем ему такое странное лежбище?

— Не знаю, Шан. В Дроме у него вполне ordinaria квартира и, если верить соседке, приличная репутация...

Разыскать Моса Леро по адресу, данному Горonom, не удалось. Его не оказалось дома, а словоохотливая соседка не знала, куда он уехал.

Помогла хмурая консьержка. Она проводила гвардейцев медленным взглядом до самых выходных дверей и уже в спину пробубнила негромко:

— К Мосу, что ли? Давно пора... В Лаане он, где ж ему быть в субботу... На Синей горе вроде дача у него...

До местечка Лаан было не больше часа езды, но автобусы туда почему-то не ходили, а разбитные таксисты, готовые мчать хоть в преисподнюю, от слова «Лаан» сразу скучнели, а стоило упомянуть еще Синюю гору... Словом, только к концу дня Шану с Сипом удалось уломать какого-то бедолагу за пятикратную цену. Машина долго кружила по каким-то окраинам и выбралась на лаанскую дорогу далеко за городской чертой, но по шоссе водитель погнал с такой скоростью, словно от

стрелки спидометра зависело спасение его души. Судя по всему, на Синей горе он бывал не раз. Такси уверенно выкручивалось из опасных горных виражей. Но остановился он не у самой виллы, а метрах в двухстах от нее и подъехать ближе отказался.

— Теперь наш друг уже на шоссе. Зря мы его отпустили...

Шан снова нажал кнопку.

И тогда калитка ожила.

Нет, она не открылась. Ее шероховатая поверхность не шелохнулась, но на уровне глаз с тугим щелчком прорезалась треугольная бойница.

— Кто там?

— Нам нужен Мос Леро.

— Его нет, он уехал.

— А кто с нами говорит?

— Служитель.

— Значит, уехал? Жаль. А то вот его старый друг Горон велел передать ему письмо и долг в тринадцать серебряных.

— Что вы сказали?

— Горон велел передать Мосу Леро письмо и долг в тринадцать серебряных.

Калитка молчала добрых две минуты, прежде чем исторгла новый неуверенный вопрос:

— А я... Я буду иметь письмо?

— Нет. Велено передать его лично твоему хозяину.

Снова молчание. И снова дрожащий голос:

— Я Мос. Мос Леро. Давайте письмо в щель.

— Э нет, так не пойдет. Докажи, что ты Мос.

— Письмо должно быть в красном конверте с буквой «м» в левом верхнем углу.

— Это другое дело. Пожалуйста.

Шанин свернул конверт трубочкой и сунул в бойницу. Бойница тотчас захлопнулась.

— На атамана не тянет. Трусоват больно, — про-

шептал он Сипу почти весело. Сип неопределенно пожал плечами.

Солнце давно зашло, но вечные скрещения Стального Кокона еще светились тусклым малиновым накалом. Небо было иссиня-черного цвета, и голубым детским шариком светилась на нем Зейда, маленькая луна Свиры. Она почти не освещала окрестность, на пиках полыхали грозные отсветы стали, но она была, она светилась, напоминая Шанину о том, что есть Большой мир, где по-другому живут и поют...

В лицо ударил прожектор, а через десяток секунд щелчок возвестил, что калитка снова ожила.

— Я вас вижу впервые. Я вас не знаю.

— Меня зовут Шан, его Сип. В письме написано, что, кроме долга, мы передадим тебе предложение принять участие в сбыте силайских яблок.

— Ладно. Входите.

— Выключи ты этот светильник! Ничего не видно!

— Идите прямо.

Рука Шана попала во что-то пухлое и влажное, и это пухлое потянуло за собой прямо, направо, налево — прожектора уже не было, но перед глазамиплыли разноцветные круги, лишая возможности если не видеть, то хотя бы ориентироваться в полутемных пространствах.

— Садитесь. Кресла под вами.

Пелена рассеялась, открыв небольшую скромную комнату с тремя узкими стрельчатыми окнами, распахнутыми в сад. Вечерний ветер тормозил простенькие пестрые шторы. На некрашеном раздвижном столике стоял запотевший пузатый кувшин с молоком и три стакана. Из плетеной корзиночки торчало три больших ломтя черного хлеба.

Сип сидел по другую сторону стола. А в центре сидел Мос Леро. Его кругленькое тельце перепачканного детского пупса без конца вздрагивало и порывалось подскочить на плетеном стуле, предугадывая малейшее

желание гостей. В нем все было чуточку чересчур — чересчур честные глаза, чересчур жизнерадостный румянец, чересчур широкая улыбка, чересчур искренний голос:

— Я человек простой, без претензий, родился в глухом селении, так сказать, от земли... Очень устаю в Дроме — сутолока, гром, чад... Хочется тишины, одиночества, свежего, так сказать, дыхания... Присмотрел вот себе ложбинку с конурой... Нет, строил не я, досталась по случаю — за свои, конечно, серебряные... Но недорого, слава Кормчему — по государственной цене распродажа конфискованного имущества... И каждую субботу — сюда, в конурку свою... А что у калиточки вас задержал — не обессудьте. Места дикие, безлюдные — не ровен час... Всякие тут шастают...

— А шастают? — успел врезаться Шанин.

— Шастают, шастают, ой, как шастают... В прошлую субботу, соседа там вон, за той горочкой, подожгли... Выскочил, а в него из пистолета... Хорошо, что в доме друзья были, там целая перестрелка была, еле отбились... А домик сгорел...

— Кто же стрелял?

— А ведьма их знает... Ушли все... Может, дружки хозяев бывших, может, другой преступный народ... А вы ехали — рисковали: не любят здесь «пернатых», в мундире особенно, — пуля невесть откуда прилетит... Рисковали, рисковали... И срочность такая была, наверное, да? Убываете куда — в Дроме проездом, да?

— Проездом, Мос. Горон передает тебе твою постоянную долю.

— Должок, Шан, должок...

— Твою постоянную долю, Мос. И с условием.

Шан достал из-под стола маленький красный чемоданчик, с которым приехал.

— Вот... Вот... Вот...

По мере того как на столе появились ампулы с про-

товитом, пакеты прессованного чернука, булькающие банки сикера, золотые и серебряные амулеты, честные глаза Моса заволакивала сладкая дымка.

— Ах, Горон, Горон... Нет, старая дружба не ржавеет... Кажется, что общего: я, маленький человек, — и Горон, орел, повелитель «пернатых»... А не забывает Моса верный товарищ, не забывает... Говорят про него всякое, обижаются некоторые, а я думаю — зря. Большой души человек Горон и честен, и справедлив, и нежен где-то... А жестким бывает иногда — профессия такая: защитник, сторож нашего неба. Он и в «топорах» орлом ходил, как же... Я трусоват, характера не хватает, вот и копаюсь в низине жизненной, а Горон — храбрец, он весь в небе, всегда на высоте... И все ж не забывает нас, бескрылых, для земли приспособленных, шлет от широты души...

— Теперь условие, Мос. Ты должен помочь нам. Нам — значит, Горону. Ясно? Мы — это Горон. Так должно быть сказано в письме. Так?

— Сказано, сказано... Но я человек маленький, я всей душой, только...

— Ты должен устроить нам встречу с Тирасом. Глаз в глаз. И как можно скорее — завтра или послезавтра.

— А зачем вам Тирас?

— Ты чересчур любопытен, Мос.

— Не знаю, не знаю... Тирас — министр, второе лицо на Свире, правая рука Кормчего, а что я? Червяк! Как я могу приказывать Тирасу? Меня даже не пустят к нему! Нет, не по силам мне, не по силам... Рад бы услужить старому другу Горону, за подарочек отблагодарить, но... Не смогу, не смогу, что другое, а это не смогу... Конечно, если попросить, раскошелиться... Да и то вряд ли... Конечно, если Горон не постоит за расходами... Так это еще столько же надо...

— Ты загнул, Мос. Столько же — чересчур. Не про-

глотить. Плохо будет. Половина — куда ни шло. Еще половина!

— Да разве я себе? Я же для людей, мне самому ничего не надо. Тирас ведь, не пешка какая. И срочность к тому же. А вдруг Тирас заупрямится, спросит — зачем я им нужен? Что я скажу?

— Мос, ты получил хороший подарок от Горона. Тебе показалось мало. Я добавил еще половину — от себя...

— Я не вижу второй половины...

— Вторую половину ты увидишь после того, как скажешь, когда и где мы встретимся с Тирасом...

— Тирас не пойдет на пустой крючок. Я должен передать ему предложение. А что я ему скажу?

У Шанина пересохло горло. Не спрашивая разрешения, он налил себе полный стакан ледяного молока. Мос услужливо пододвинул хлеб, и это окончательно доконало Шана. Он отставил стакан. Резиновый пупс был неуязвим. Он мгновенно вывертывался из любых положений. И радужная улыбка по-прежнему цвела на его ярко-пунцовых губах. Сип тоже ухмылялся, наблюдал за поединком. И Шан пошел последним козырем — сунул прямо под горбатый московский нос корешок женьшеня, похожий на голенького гнома.

Мос вздохнул и забыл выдохнуть.

— Это не тебе. И не Тирасу. У вас не хватит серебряных, чтобы отколупнуть полкусочка с этого корешка. Это для Великого Кормчего. Ты понял, какая идет игра?

Мос перестал ухмыляться и отодвинулся от стола, чтобы были видны обе двери, ведущие в комнату, и как бы невзначай положил руку на пояс с пистолетом.

— Но зачем... зачем вам... зачем нам... нам... Тирас?

— Может, ты сам проведешь нас к правителю? — со всем возможным сарказмом отпарировал Шан, беря реванш за час изнурительного словоблудия. — Сам — без Тираса?

Но Мос подскочил, не обратив внимания ни на издевку Шана, ни на позу Сипа. Он покатился к внутренним дверям, возбужденно подпрыгивая и одергивая дешевенькую клетчатую пижаму, распахнул их настежь и закричал тоненько:

— Лира! Лирочка! Вставай, детка, мы стали с тобой за счастливых людей — мы имеем дорогих гостей! Чудесные воспитанные люди! Вставай, мое солнышко, мы будем праздновать их визит! До самого утра!

И он воздел свои бескостные ручки, приглашая гвардейцев внутрь дома

За толстыми дверями двойной доски открылся иной мир. Огромная паукообразная театральная люстра, отсвечивая масляным золотом и позванивая хрустальными подвесками, с варварской щедростью высвечивала каждый уголок антикварного интерьера: инкрустированный перламутром и розовой слюдой потолок; застывшие волны парчовых портьер, за которыми неярко мерцало золотое плетенье противомоскитных сеток на окнах; лебяжьего пуха кресла на мешках-копытцах; древние, ручной работы ковры, которые сделали бы честь любому музею, старые картины — подделки под земных художников и местные шедевры, собранные, правда, не из-за живописных достоинств, а как иллюстрации к мифологическим сюжетам; несколько огромных фолиантов в переплете из красного сандала с золотыми застежками, разностильные пуфики, качалки, лежанки, кушетки; медвежьи шкуры, вокруг низкого, едва в локоть высоты, необъятного круглого стола из черного эбенового дерева, хрустальные вазы и кубки; тонкий, как папиросная бумага, фарфор узкогорлых кувшинов; майолика, резьба по кости, серебряное тиснение, тонированное чернью...

— Это тайна моего сердца, высокие. Я имею это не для того, чтобы жить, а живу, чтобы иметь это. У всех

свои слабости, высокие. Тишина, свежий воздух, красивые и ценные вещи... Вдали, так сказать, от грубого глаза человеческой зависти... Зачем лишний раз дразнить соседей, напоминать им, что они неудачники, простофили, недотепы? Здесь в каждой вещи — мой подвиг, моя борьба, моя месть и победа... Месть и победа, о которых не знает никто... Ну как?

— Потрясающе. Даже мороз по коже.

— Если бы я сказал тебе, сколько это стоит, тебя бы сожгло пламя, Шан. Но я не хочу твоей смерти. Вы мои гости, и мы будем праздновать. Ты поймешь, что с Мосом можно делать дела...

...В Дрому возвращались на рассвете. Под обшарпанным капотом неказистой машины Моса оказался новенький супермотор двойной тяги, а под задним сиденьем — станковый пулемет. Все четверо оживленно болтали о погоде и летящих мимо пейзажах.

Дрома еще спала. Тишину нарушали только всхлипы дворничьих щеток да урчание мусоросборщиков.

Мос посадил гвардейцев за квартал до гостиницы.

— Нечего мозолить глаза... Значит, как договорились, Шан: встречаемся сегодня в три на Большом ипподроме, ты имеешь с собой вторую половину подарка, а я — место и время вашей встречи с Тирасом... Я приду после начала скачек и сам найду вас. Я подсяду незаметно...

И, уже собираясь трогаться, снова поманил Шанина пальцем.

— Тираса я вам обеспечу — это точно... Берите его за рога... А если не выгорит — не беда... Я человек маленький, но я кое-что могу. Вам без Моса не обойтись, потому что даже высшие и высшие из высших не бывают там, где бывает Мос... Мос Леро, старший техник Вечного Дворца...

5. ЛЕГЕНДА О ТАИНЕ

До начала скачек оставалось минут десять. Шанин разглядывал трибуны Большого ипподрома. Привыкший к пестроте и буйству земных ипподромов, он не без удивления отметил благопристойную тишину под солнцезащитными тентами и обходительную неторопливость болельщиков. Присмотревшись, он понял причину: здесь не было молодежи, трибуны не спеша занимали люди за тридцать и далеко за тридцать — чаще все разряженные по-воскресному зрелые семейные пары с выводками разновозрастных малышей. Они проходили на свои места, груженные пакетами, основательно устраивались и начинали немедленно что-либо жевать, озираясь и с чувством собственного достоинства приветствуя знакомых.

— Это место свободно?

— Свободно, — опередил Шанина Сип. Шанин толкнул его под бок: разве Сип забыл, что место для Моса? Сип успокаивающе кивнул — знаю, мол.

Болельщик, ищущий места, повел себя странно. Вместо радости на его лице появилась тревога. Он подозрительно оглядел гвардейцев и задом стал выбираться из ряда.

— Что с ним?

— Все правильно. Психологический этюд. Если бы я сказал «занято», этот тип немедленно бы уселся, доказывая, что надо приходить вовремя и неизвестно еще, придет сюда вообще кто-нибудь. А если говорят «свободно», свирянин задумывается: почему все места заняты, а это свободно? Значит, или гвоздь в сиденье, или ножка скамьи сломана, или еще какой подвох. И предпочитает разыскивать другое место. Так что не беспокойся — теперь, кроме Моса, к нам никто не подойдет.

Ипподром заволновался, заплодировал. Многие по-

вскакали с мест. На травяную дорожку выходили опоясанные лентами и увешанные медалями участники, таща за собой на серебряных уздечках упирающихся двугорбых козлов. Эти косматые монстры пустыни, кроткие в покое и смертельно опасные в ярости, часто потряхивали рогами, способными одним ударом переломать кости песчаному тигру. Они привыкли к своим хозяевам, присутствие посторонних одновременно пугало и бесило их.

Ожили тарелки медных радиодинамиков:

— Внимание! Внимание! Через несколько минут вы станете свидетелями исторического события — вы увидите финальный этап пятьдесят первого первенства планеты по скачкам козлов. Это древнее, истинно свирянское мужественное состязание, как известно, проводится раз в три года. Вспомним с уважением имена «Караба» и «Ярис» — они создали теорию этой игры, вспомним их последователей — они среди всеобщего непонимания претворяли теорию в практику, вспомним с благодарностью высокое Слово Кормчего — оно сделало скачки козлов неотъемлемой частью нашего отдыха! Скольких людей прославило это достойное занятие в прошлом и настоящем, скольких прославит оно в будущем! Еще живы ученики и последователи великих основателей любимейшего бессмертным народом Свиры зрелища, а уже возникли новые школы, и изустная молва создает легенды вокруг новых любимцев...

Удивление Шанина возрастало. Необычно вели себя не только зрители, но и участники скачек. Они собрались на стартовой площадке тесной кучкой и вступили в оживленную беседу. Искренние улыбки, дружеские рукопожатия, даже объятия и поцелуи... Каждый по очереди рассказывал что-то смешное, и рассказчика награждал дружный хохот. Все участники были одеты в цветные комбинезоны из «чертовой» кожи со множеством витых стальных колец по всему телу. У всех

были палки неодинаковой длины, которые Шанин принял сначала за плетки.

— Это не плетки, это цины, — коротко и непонятно объяснил Сип. — На конце каждого цина — крючок. Надо взять противника на крючок, то есть зацепиться цинном за какое-либо кольцо на комбинезоне. А когда противник на крючке, его легко сбить на землю.

— А почему цины разной длины?

— Таковы правила. Цины разыгрываются по жребию.

На поле выбежал еще один участник. Весь стадион, как один человек, вскочил на ноги и разразился овацией. Коллеги с воплями радости бросились к товарищу и задушили бы его в объятиях, если бы не вмешательство бокового судьи.

— А вот и Хид Одюй, супернаездник, баловень судьбы, три раза подряд выигравший Всепланетное первенство. Одюй — идеальный свирянин. Тщательное медицинское обследование Хида не обнаружило в обоих полушариях его головного мозга ни одной лишней извилины. Такие прямодушные достойны венца! В руках Хида вы видите самый длинный цин — по правилам он достается победителю прошлого первенства без жеребьевки... Внимание! Сейчас прозвучит сигнал старта.

Трибуны замерли, а на поле ничего не изменилось. Сгрудившись и обнявшись за плечи, спортсмены отпускали шуточки и без усталости хохотали. Козлы с личными номерами участников на лохматых боках разбрелись по дорожке и лениво щипали травку.

Грохнул орудийный залп — сигнал к борьбе.

И тотчас без всякого перехода среди участников началась потасовка. Претенденты на победу били друг друга как попало и чем попало — кулаками, ногами, цинами, головой, — падали и поднимались, били каждого, кто пытался вырваться из узкого круга, и каждого, кто оставался в кругу, били сообща и порознь. Наконец Хида, у которого был номер девять, и кому-то с шестна-

дцатым номером удалось вырваться. Шанин ожидал, что эти двое тоже схватятся, но снова не угадал — Одюй даже помог подняться шестнадцатому, когда тот споткнулся. Оба плечом к плечу бросились ловить чужих козлов.

Драка в общей группе тоже немедленно прекратилась. Толпа ринулась в погоню за сбежавшей парой.

— Началось, — констатировал Сип.

Одюй и его союзник замешкались — козлы, храня верность, приняли новых хозяев рогами и копытами. Пока ловцы пытались оседлать непокорных, основная группа настигла их. Снова началась свалка, на этот раз при активном участии рассвирепевших животных.

Исход новой схватки решила находчивость Хида. Он оседлал своего собственного козла и, воспользовавшись секундой недоумения, бросил его на толпу. Ему удалось отрезать от толпы человек семь. Доведя козла до бешенства, он прикрывал группку новых союзников, пока все семеро не оседлали приглянувшихся горбачей. И потом семерка встала на охрану Хида — на этот раз ему повезло, и он оседлал чужого козла с первого раза.

— Правильный ход, — комментировал Сип. — Опыт показал, что группа из двоих не способна противостоять большинству. Одюй увеличил группу лидеров до восьми — восьмерка вполне боеспособна. Сейчас их задача — оторваться от главной группы и закрепить успех. А еще говорят, что у Хида нет лишних извилин...

Действительно, восьмерка в отчаянной круговой обороне прорвала пешее кольцо, пытавшееся взять их на крючок поодиночке. Хида дважды чуть не стащили с козла, но союзники выбивали цины у нападавших и подминали их копытами козлов. Одюй, в свою очередь, своим длинным цинном выбивал всякого, кто пытался по их примеру воспользоваться незанятой скотиной.

Лидеры выбрались на дорожку и пустили своих рогатых «иноходцев» во весь опор. Главная группа была

деморализована. Человек семь, в том числе и шестнадцатый, лежали на земле без движения, и к ним, увертываясь от обалдевших «спортсменов» и козлов, пробились санитары с носилками. Кое-кому удалось все-таки заполучить чужого козла, и они трусили поодиночке за лидерами, вырвавшимися далеко вперед. Кто еще мог драться, дрался, уже не за обладание козлом, а по инерции. Драчунов растаскивали боковые судьи и уводили под циркулярный душ.

— Восьмерка вне конкуренции. Скоро они начнут выяснять отношения между собой.

— Кстати, Сип, Моса-то все нет.

— Придет. Мос не упустит чужого козла.

Шанин оглядел трибуны. От бывлой благопристойности осталось весьма немного: красные, потные отцы семейств срывали галстуки, визжали и вопили, разнокалиберные матроны сладострастно ахали при каждом точном ударе или явном промахе, дети с родительского благословения седлали и кусали друг друга, подражая бойцам на поле. Их возили сюда в воспитательных целях, учиться — и они учились.

А события на дорожке развивались.

Лидеры мчались монолитной шеренгой, но постепенно вперед стал выдвигаться пятый номер. Его высокий круглобродый горбач был явно резвее других, он опережал шеренгу почти на корпус. Наконец одиннадцатому удалось зайти пятому за спину лишь на мгновение, но мгновения было достаточно, чтобы взять на крючок выскочку. Одиннадцатый рванул в сторону — соперник оказался на земле. Освобожденный козел с удвоенной энергией метнулся вперед, но не тут-то было. Одновременно две руки с двух сторон схватили его за серебряную уздечку — рука Хиды и рука одиннадцатого. Козел встал на дыбы. Оба претендента повисли на нем. Протащив смельчаков за собой еще метров двадцать, козел остановился, взрывая и роя копытами землю.

Оставшиеся допустили тактическую ошибку. Они решили, что самые опасные противники уже вышли из игры. Вместо того чтобы воспользоваться заминкой и оторваться на безопасную дистанцию, они затеяли драку задолго до финиша, едва выбравшись из общей кучи.

Одюй и одиннадцатый среагировали правильно. Забыв тяжбу, они оседлали козла-фаворита вдвоем. Козел выдержал груз и после двойного укола цинами даже пошел в галоп.

— Двое на одном козле! Феноменально! Такого еще не было в спортивной истории Свиры! — захлебывался диктор, стараясь перекрыть беснующиеся трибуны. — Хиду Одюй и Дари Лиар остается последний виток спирали до финиша! Они еще обнимаются! Может быть, они решили поделить приз пополам? Но золотой кубок не распилишь надвое!

Нет, они не собирались ничего делить. Схватка была короткой и эффектной. Одюй, сидящий сзади и обнимавший Лиара за талию, ловким движением перенес руки ему на шею и стал душить. Обмякшее тело завалилось набок и кожаным мешком соскользнуло вниз.

— Снова Хид Одюй! Он снова обскакал всех! В четвертый раз! Невиданный пример безраздельного господства на козлиных скачках! Ему согласно правилам игры по Слову Правителя будет вручен сегодня высший знак отличия — пожизненный Золотой Чин! Он достоин этого! Мы преклоняемся перед тобой, Одюй!

Одюй, блестя золотыми челюстями, раскланивался, махал над головой рукой, посылал воздушные поцелуи.

Теперь начал беспокоиться Сип.

— Мосу пора бы появиться. Дело идет к концу.

Они стойчески досмотрели всю почетную процедуру, а Мос все не появлялся.

Не появился он и тогда, когда самые любопытные

болельщики полностью удовлетворили свою страсть и потянулись к выходу.

Шан и Сип посидели еще минут пять на пустой трибуне. Больше ждать не имело смысла. Они тоже направились к центральной лестнице.

У ворот Сип наклонился к Шанину и что-то ему прошептал.

— Это мысль!

Перед тем как выйти из ворот, они зашли на минуту в буфет. Седенький старичок, который шел впереди и уже миновал арку, вернулся, нервно потоптался на месте и тоже толкнулся в дверь, налетел на Сипа и Шана, извинился и юркнул внутрь. Шан переложил красный чемоданчик из левой руки в правую.

— Хвост... Мос испугался, ясное дело. Если бы нам дали достаточно времени — обошлись бы без него. И без Тираса, который о нас, кажется, забыл...

* * *

Но о них помнили.

Шан проснулся среди ночи с ощущением, что кто-то ходит по темной комнате. «Сип!» — окликнул он, но никто не отозвался. Он потянулся к сонетке, но чьи-то пальцы вывернули запястье и заломили руку. Коротко охнув, септ-капитан упал лицом в подушку. Кто-то схватил его за волосы, приподнял. По глазам резанул белый свет.

— Где ты прячешь его, собака? Где? Говори, иначе... Где?

Удар по лицу. Кровь на губах. Снова рывок за волосы.

— Куда спрятал? Говори, собака, или прикончим! Где?

Шан захрипел. Его бросили на кровать с вывернутой рукой и рассеченной губой. Он ничего не понимал. Го-

лова гудела и кружилась. Отдышавшись, он освободился от скрученного одеяла и сел. По комнате метались яркие пятна фонарей. Вывернутое из чемодана белье. Кожаную папку драли на узкие полосы. Вывертывали карманы мундира. Разбили графин с водой, вода полилась со стола на ковер. Вывернули платяной шкаф и простукивали углы. Что-то делали в ванной, время от времени пуская воду. Судя по шуму, в комнате Сипа творилось нечто подобное.

— Эй, кто вы такие? Я — септ-капитан полицейской гвардии!

— Очухался?

Свет снова уперся в лицо Шану.

— Слушай, милоч, и думай, пока жив. Если ты сейчас не выложишь нам эту штуку, то сам понимаешь... А мы уйдем как пришли. Понял?

— Далеко не уйдете. У министра государственного милосердия высшего Тираса длинные руки. Мы здесь по его приказу.

В темноте раздались смешки и откровенный хохот. Щелкнул выключатель. В комнате было человек пять в голубых комбинезонах и странных зеркальных шлемах, скрывающих верхнюю часть лица. Тот, что стоял против Шана, отогнул лацкан куртки. Сверкнул золотой топорик.

— Марш в машину!

— Может быть, лучше в брюках?

«Топор» ткнул под горло вроде не очень сильно, но дыханье вернулось к Шану только возле зарешеченного оконца, на деревянной лавке, в душном фургоне.

Где-то близко застонал Сип. Шан нашел его ощупью — с товарища почему-то текла вода. Шан вспомнил странные звуки в ванной.

Сип ободряюще похлопал его по руке.

Они долго ехали, временами включая сирену и пугая

город. Потом долго стояли. В зарешеченное оконце ничего видно не было.

Их растолкали поодиночке. В узком — метра на два — бетонном блоке не было ничего, кроме откидного брезентового стула.

Прошло часа три.

Выпустил Шана очень чистый и очень вежливый человек в штатском, перед которым охранник в коридоре тянулся, как пружина.

— Я прошу простить нас, септ-капитан. Произошло досадное недоразумение — эти остолопы перепутали номера. От имени министра и Великого Кормчего прошу забыть инцидент. Моральный и физический урон будет вам компенсирован. Я прошу вас пройти в комнату. Там вы можете привести себя в порядок. Прошу вас.

Шан мог бы и поверить. Но он заметил на сгибе пальца вежливого штатского перстень, печать которого чувствовал на разбитой скуле.

В комнате был стол, аккуратно выглаженный и развешанный на плечики шанинский мундир, горячий чай с орешками, умывальник и Сип, который разглядывал себя в зеркало.

— Принесли извинения?

— Да. Тот же тип, что...

Сип приложил палец к губам.

— Одевайся и прихорашивайся. Если мне не изменяет интуиция, скоро мы будем беседовать с министром милосердия.

Он оказался прав. Еще один штатский, уже не просто вежливый, а источающий благожелательство, попросил, если они не очень устали, немного подождать. Сам высший Тирас, с раннего утра пребывающий на посту, хочет удостоить их личной беседой. Они, конечно, могут отказаться, но министр так занят. Иное время для беседы найдется у него не скоро.

— Пожалуй, мы подождем немного, — серьезно ска-

зал Сип. — Нам тоже хочется поскорее увидеть высшего Тираса... И у нас тоже времени в обрез — дела, дела...

Ждать пришлось недолго, не больше получаса. Но путь к Тирасу оказался непрост. Гостей из Силая конвоиры передавали, как ценную посылку, из рук в руки, расписываясь в сдаче и получении. Тайные и явные лифты то загоняли их под землю — там в коридорах ощутимо пахло плесенью, то возносили на высоту — в окна синело.

Шан давно потерял ориентацию в пространстве и удивлялся Сипу, которого охватило непонятное возбуждение. Сип то норовил выглянуть сквозь неплотные створки в лифтовой ствол, то, к неудовольствию сопровождающих, прилипал к какому-то вполне ординарному углу, то подскакивал к бойницам-окнам коридора. Раз два он принимался что-то считать, загибая пальцы. И непонятные его расчеты, видимо, шли удачно. Сип повеселел.

Их вели неофициальным ходом, через огромные залы технических служб с телетайпами, похожими на станковые пулеметы, и счетными машинами, обрабатывающими сверхсрочные материалы... Здесь почти не было мундиров — черные тройки, серые пиджаки, белые халаты. И кончили они путь не в приемной с секретарем и телефонами, а в белой игривой комнатке с цветами, низкими креслами и софой, накрытой шкурой песчаного тигра.

Здесь Шана и Сипа оставили вдвоем.

Сип, едва сопровождающий вышел, «полез» на стенку. Стены были обиты белым бархатом и не простукивались. Сипу пришлось отодрать часть обивки, но он нашел то, что искал. Одна из стен звучала явно глуше других, словно за звонким бетоном был войлок.

— Башня Кормчего, — прошептал он зачарованно. — Триста восьмой распор девятого яруса...

Шанин понимал, что Сип обнаружил что-то важное, но вопроса задать не мог. И боялся, что несдержанный силаец вызовет подозрение, — в том, что за ними следили, не было сомнения. И он постарался попасть в тон Сипу:

— Вечный Дворец... Утес бессмертия и справедливости, который вырос вокруг Башни Правителя на благо Свиры... Здесь можно стать поэтом...

— Можно. — Сипом совсем некстати владело веселое бешенство. — Нужен только дефект, совсем маленький дефект. Под левой грудью. В сердце...

И Сип снова «полез» на стену — на ту самую стену, на которой был выложен цветной мозаикой портрет Великого Кормчего.

— Приятно видеть гвардейца, увлеченного чем-то вечным, — пропел грустный низкий голос. — Ты давно интересуешься живописью, Сип?

В проеме маленькой потайной двери стоял Тирас. Его благородное открытое лицо без морщин, печальные серые глаза и аккуратно зачесанная назад шевелюра снежной чистоты как нельзя лучше подходили к титулу «министр государственного милосердия». Он был очень похож на портретные изображения Кормчего. Возможно, художники, лишённые натуры, безотчетно вносили выразительные черты Тираса в абстрактный облик правителя. А возможна и другая причина... Нет, это было бы слишком просто. И все равно не объяснило бы главного.

— Ты давно интересуешься живописью, Сип?

— С детства, высший.

Да, Сип явно переменялся за последние дни. Он никогда не был трусом, но раньше в его смелости была угрюмая обреченность. А сейчас в нем была уверенность и вызов. Для простого сержанта это было чересчур необычно. И самое главное, что эта уверенность в своей тайной власти смущала и пугала имеющих явную власть. Они терялись перед нахальным сержантом. Вот и сейчас

Сип не отскочил от мозаики, не вытянулся в струнку перед вторым человеком Свиры, не затрепетал под его ледяной улыбкой — и Тирас, поколебавшись, уступил, даже замечания не сделал.

— Наверное, любовь к живописи у тебя наследственная?

— Возможно. Я не знаю своих родителей. Как многие в Силае.

— У всех сирот Свиры есть один великий родитель. Благодаря ему они не знают горя, а только радость от служения обществу.

— Да, на Свире многого не знают благодаря Великому Кормчему...

Тирас счел возможным пропустить мимо ушей опасную дерзость.

— Чудесный портрет... И какое сходство! Но это копия! И к тому же с дефектом. Вот здесь идет трещина. Я залил ее эпоксидным клеем, и она теперь почти не видна. Но дефект есть дефект! Оригинал у меня в кабинете. Он больше по размеру — в полный рост и совершеннее по колориту. Полный эффект присутствия. Постоянное ощущение, что за твоей спиной не портрет, а сам правитель. Вот что делает искусство... Кстати, Сип, ты знаешь, кто автор этих шедевров?

— Знаю.

— Знаешь... Воистину неисповедимы пути знания! Даже всемогущая воля бессильна преградить их, если честно признаться. Имя таланта — пусть запретное, пусть грешное — ведомо избранным. А Кокиль Уран был талантлив, чертовски талантлив... Ты где учился, Сип?

— В Силае, высший. В «Гнезде Кормчего».

— В Силае? Странно. Такая эрудиция, такая интеллигентность — и Силай. Впрочем, возможно, голос крови... Великая вещь — голос крови... Тебе, конечно, известно, что государственный преступник Канир Уран

по прозвищу Бин — внук Кокиля Урана, великого художника и великого преступника?

— Его казнили?

Тирас словно не замечал Шанина. Был он не в мундире, а в строгом сером костюме с голубым галстуком, и вел себя так, словно решил отдохнуть от дел, поболтав со старыми знакомыми. Пока, правда, он обращался только к Сипу, но Шанин чувствовал, что каждое слово этой странной беседы направлено рикошетом в его сторону.

Шанин ждал встречи с Тирасом и готовился к ней. Она должна была решить многое, если не все. Тайна Кормчего, тайна Свиры обитала где-то здесь, рядом с Тирасом, и Тирас владел этой тайной — иначе быть не могло. Надо было приручить Тираса. Любой ценой.

Но пока все шло наоборот. Инициативой владел Тирас. Он вел какую-то свою игру, цель и смысл которой открывать не спешил.

А Сип... Сейчас он плохой союзник. Во-первых, он крайне взвинчен и насторожен. А во-вторых... В таком деле можно работать лишь спиной к спине, безраздельно доверяя друг другу. Шан доверился Сипу. Сип Шану — нет. В результате даже Тирас знает о Бине больше, чем Шан. И если эти скрытые Сипом детали родословной соотнести с его поведением в последнее время, многое становится яснее, а многое — загадочнее. Как это трудно — в чужом мире, когда приходится разгадывать не только врага, но и друга.

— Его казнили?

— Да нет, Сип, его не казнили. С ним еще придется повозиться моим медикам... Трудный случай... Полная амнезия...

— Вы хотите заставить его вспомнить свою биографию?

— В этом нет надобности. Биографию Канира Ура-

на, который уже к тридцати годам был незабываемым авторитетом в области электроники и прикладной физики, а в сорок — приговорен к смерти за покушение на Велюкого, мы знаем лучше самого Бина. Но его мать и отец, которых Бин даже в лицо не видел, обладали одним фамильным секретом. Секретом огромной государственной важности. У меня есть сведения, что им владел и Бин, хотя на первый взгляд это попросту невозможно. Супруги Ураны скончались... м-м-м... под нашим наблюдением. Связи с внешним миром они не имели. А Бин в то время даже не подозревал об их существовании. О том, кто его родители и как они кончили, он узнал только через несколько десятков лет... Мои медики пытаются выудить золотую рыбку из мертвого моря, из головы того, кто был когда-то Бином...

— Зачем вы рассказываете нам все это, высший? Государственная тайна не для любопытных ушей. Даже если это уши полицейских гвардейцев. Зачем нам знать про Бина? Мы свое сделали — отдали его в твои руки. Но мы не медики...

Тирас, словно не слыша, подошел к портрету, провел мягкой ладонью по нетускнеющим срезам камня, смахивая несуществующую пыль. Постоял с лицом человека, изучившего за долгие годы каждую пядь, каждый слип, каждый скол изумительного сочетания естественных и искусственных линий мозаики.

— Дорого бы я дал, чтобы вывести фамильный секрет Уранов. Никто из вас, даже сами Ураны, даже этот несчастный Бин — никто на свете, кроме меня, не может хотя бы представить цену этому секрету... Дорого бы я дал за него...

И он вдруг пружинисто вышел на Шанина.

— А ты, Шан? Ты — дорого?

— Я? Я — ничего. Это меня не касается.

— Брось. Не надо. Мы все трое — интеллигентные люди, мы — аристократы духа, мы — выше тайн и ма-

хинаций. Не будешь же ты утверждать, что тебя интересуют деньги? Кто тебе поверит?

— Горон.

— Горон... Мой лучший друг Горон — просто мелкий жулик с чрезмерным аппетитом. Он плебей. Он не способен на крупное дело. Настоящее дело, достойное гения...

— Горон прислал тебе, высший, ящик особого силайского пива.

— Протовит? Премного благодарен. Протовит вместе с остальным вашим багажом стоит у меня в кабинете. А больше Горон ничего не передавал? Более интересного?

— Нет, высший.

— Странно... А как насчет красного саквояжа?

Тирас не кривлялся. Его красивое лицо было сосредоточенно, как у боксера, ведущего атаку. И в серых глазах, которые принято называть «стальными», не было злобы — он просто следил за жертвой, пресекая попытки спастись или перейти в контратаку.

— Не хотите отвечать? Не надо. Я уже знаю, что настоящий саквояж остался у Горона, а у вас — подделка. Не скрою — я думал, что ты явишься в Дрому с настоящим саквояжем. Но Горон решил меня перехитрить... Старый трупоед... Итак, ситуация на сегодняшний день такова: красный саквояж у Горона, ключ от него — у меня. Ведь так, Шан?

— Я не знаю, о чем ты говоришь, высший.

— Я могу напомнить... Ночь. Контрабандная «телега», которую задерживают сторожевые катера. Ваша встреча с Гороном. Ты отдал ему на хранение красный саквояж, добытый за Стальным Коконом. Саквояж, который открывается только твоим мысленным приказом. Горон делает тебя и Сипа «пернатыми» и героями поимки давно уже пойманного Бина. И отправляет в Дрому, где вы должны одурачить высшего Тираса ящиком

протопита и проникнуть туда, куда не проникал никто за всю историю Свиры.

— Ты знаешь все, высший.

— Я знаю много, но не все. Я не знаю, например, что в красном саквояже. Как видишь, я откровенен с тобой.

— Там нет ничего, что повредило бы Свире, высший.

— Это не ответ.

— Пока я не могу ответить иначе.

— Хорошо... Тогда я задам другой вопрос: зачем вы явились в Дрому?

— Нам нужно видеть Великого Кормчего.

— Видеть Кормчего... Скромное желание видеть правителя... Так вот, дорогой Шан, я, высший Тирас, правая рука и гранитная опора Великого, никогда в жизни не видел правителя Свиры и никогда не слышал его голоса. И самое горячее мое желание — нет, главная моя цель — видеть правителя! Видеть! Своими собственными глазами — бога ли, чудовище ли, гору всеведающей протоплазмы или обросший проводами автомат абсолютной власти — видеть! Прикоснуться руками! Осязать! Даже ценою жизни — видеть!

Он выбрасывал слова, как тугие кожаные перчатки, не повышая голоса, не теряя дыхания, скользя неслышно по белой комнате, как по квадрату ринга — он вел бой, но его противником был уже не Сип и не Шан, а тот, кто возникал из мозаичной стены, путая реальность и фантазию.

— Правитель! Вы хотите видеть правителя! Вы хотите видеть то, что не может существовать, но существует вопреки здравому смыслу! Зачем вам это? Зачем? Зачем рисковать жизнью ради праздного любопытства? Бросьте ломать комедию! Я знаю, что вам надо. Я догадываюсь, кто вы. Вы оба такие же контрабандисты, как я — министр милосердия. Играть со мной в дурачка бесполезно. Вас выдает порода...

— Ты идешь по ложному следу, высший.

Это вмешался Сип, непринужденно оседлавший софу с песчаным тигром и наблюдавший за пируэтками Тираса с видом тренера.

— Я? Ты самонадеян. Не откзывай и мне в способности мыслить логически. Почему Горон, поймав Бина, не отправил его сразу в Дрому? Ведь его ждала награда! Нет, он поджидал вас и красный саквояж... Ведь не станете же вы доказывать, что ваша встреча с Гороном на орбите — случайность? Это раз. Вам удалось то, что не удастся моим медикам, — вытрясти из мертвой памяти Бина семейную тайну. Помолчи, Сип, помолчи — ты недаром околачивался в Дроме по картинным галереям. Тебе надо было узнать, в какой части Вечного Дворца находится дверь в Башню Кормчего. Единственная дверь, которая открывается снаружи, а не изнутри, как остальные. Дверь, которую преступный гений Кокиля Урана замаскировал одним из настенных портретов Великого... Ну что, Сип? Ты уже ничего не хочешь сказать?

— Пока нет, высший.

— Тебе нечего сказать. Потому что я попал в яблочко. «Силайское яблоко» — так, кажется, Шан, вы с Гороном зашифровали это? Конспираторы... У меня всюду глаза и уши... Надежные глаза и уши... И вам меня не обойти! Я ждал вас много лет! У меня не было Бина — я проникал в секрет Кокиля Урана, как вода в камень, — микрон за микроном. Я выколупывал крохи знания из трухлявых фонозаписей в пыточных камерах, из бреда сошедших с ума. Правитель хитер — он уничтожил чертежи и строительные документы Башни, а потом тех, кто видел и уничтожал чертежи и документы. Он скопом перестрелял всех строителей, а потом повесил палачей. Он сделал все, чтобы Башня его была неприступна вовеки и никто не мог проникнуть в нее...

Сип поднял над головой руку, сжатую в кулак, и за-

говорил нараспев с закрытыми глазами, как читают любимые стихи:

— «Ты высок, но есть выше тебя, имя которому народ. Ты силен, но есть сильнее тебя, имя которому народ. Народ отомстит за все». «Надежда — солнце для мертвых. От имени всех невинно убитых я проклиная тебя. Неприступна Башня твоя, но есть дверь. Твои судьи войдут без зова»...

— Ты признался, Сип. Ты правильно сделал, что признался. Вы распотрошили Бина... Все считали поэму Ситара Урана «Солнце для мертвых» поэтическим вымыслом. Но я верил, что в ней ключ к заповедной двери. Ситар Уран был из хлипких, он страдал пороком сердца. Да и нервы не те, что у папаши Кокиля. Он держался только благодаря жене. Пришлось заняться Ланой Уран всерьез. Но кто-то передал Уранам яд. Я не успел узнать главного — как. Как открыть дверь...

— Значит, Ситар и Лана Ураны — твоя работа, вышший? А как же правитель? Разве не он...

Тирас встал посреди комнаты, словно споткнулся на ровном месте. Его рука медленно поползла к голубому галстуку, распустила его, медленно расстегнула ворот сорочки.

— Правитель? Правитель... Что ж, получайте правду. Она вам не повредит. Вам уже больше ничто не повредит...

На ладонь Тираса золотой струйкой пролилась тонкая цепочка с неправильным треугольником желтого металла на колечке. Таким, как у Горона.

— Этому знаку много сотен лет. Он попал на Свиру издалека. Три таких треугольника, сложенных вместе, образуют изображение глаза. Всевидящее Око — символ Ордена проницательных...

— Значит, это не досужие сплетни — про тайный Орден и все такое?

— Нет, Сип. Это не сплетни. Это — власть. Истинная

власть, а не кукольный театр для доверчивых. Тайная власть незаметных, неуловимых избранных Высшей Воли...

— Что-то не очень понятно, Тирас. Ведь правитель...

— Правитель! Будь он трижды проклят! Непредсказуемый промах, нелепая опечатка в священном Великом плане! Мы, мы усадили Оксигена Аша в кресло хозяина! Ордену нужна была кукла, ширма, козел отпущения — и Совет Ордена вытащил этого недотепу из небытия. Оксиген Аш ненавидел, но исправно выполнял указания Ордена — сначала, чтобы выжить, потом, чтобы упрочить власть, а потом... Потом правитель решил уничтожить нас, чтобы властвовать без помех. Он объявил проницательных вне закона, он обрушил на «проницательных» всю карательную мощь Свиры. Самовлюбленный младенец! За нами стоял опыт предков, опыт тысячелетий! Мы, неуловимые и безликие, делали так, что от руки правителя гибли его сторонники, а «проницательные» занимали их места. Сам того не подозревая, правитель продолжал работать на Орден. Мы держали правителя в напряжении и страхе... и делали свое дело. Нет, «проницательные» не стреляли на площадях и не подымали восстаний. Мы будоражили исподволь людей и расчищали для себя путь к цели. Оставалась мелочь — убрать правителя и официально провозгласить правление Ордена...

Но Кормчий перехитрил нас. Вернее, не Кормчий, а Кокиль Уран. Его нечеловеческий гений сделал Башню неприступной даже для нас... Тогда началась истинная трагедия Ордена. Сначала мы надеялись, что, выполняя досконально Слова Кормчего, мы очень скоро приведем Свиру к пропасти и восставший народ сам разрушит Башню. Но Свиря непонятным образом стала процветать. Нам ничего не оставалось делать, как дожидаться смерти хозяина. Но правитель и не думает умирать!

Только сейчас, слушая Тираса и Сипа, Шанин начал улавливать связность в происходящем. Словно удалось приоткрыть крышку сложной игрушки и стал виден механизм, неожиданные и хитроумные зацепления рычажков и шестерен.

Орден оказался неуязвим для Кормчего. Но и правитель, уйдя в Башню, стал неуязвим для Ордена. И вот уже полтораста лет, обладая всеми возможностями реальной власти, проницательные вынуждены выполнять уничижительную роль исполнителей воли фиктивного владыки.

Легенда о тайной двери, оставленной Кокилем Ураном для будущих мстителей, стала последней надеждой Ордена. Бин, наследник трех поколений мятежных художников, был единственным, кто знал шифр этого тайного хода. Не об этом ли «дефекте» Башни говорил он Шану, приглашая его в сообщники? Тогда Шанин отказался, он ничего еще не видел и не знал. А сейчас? Как поступить сейчас?

Тирас идет по ложному пути. Он уверен, что ключи от Двери в красном саквояже. Тираса подвела профессиональная логика следователя. Он увидел коварный умысел там, где было простое совпадение.

Псевдо-Бина «поймал» и сопровождал истинный Бин. Тирас не знал этого и знать не мог, а потому он выстроил свою версию происходящего.

Он заподозрил Горона в попытке единолично захватить Башню и обойти его, Тираса. Захватив «гостей из Силая», Тирас намеревался теперь отобрать у Горона «силайские яблоки», ибо был уверен, что без красного саквояжа в Башню не проникнуть.

И надо было держать его в этом спасительном заблуждении как можно дольше, хотя бы для того, чтобы попробовать найти выход...

— Ты прав, высший. Можешь не продолжать. Я понял тебя. Именно ты, а не Горон достоин войти в Башню. Ты заслужил высокую участь облеченного абсолют-

ной властью. Я и Сип поможем тебе осуществить твои смелые планы. Свире нужна свежая кровь...

— Свежая кровь! Это отлично сказано! Я сразу понял, что вы из Внешнего мира. Я всегда догадывался, что Кормчий — пришелец, и ждал гостей с неба. Ведь вы оттуда?

Сип предостерегающе поднял руку, но Шан, минуту помедлив, подтвердил:

— Да, мы оттуда.

Словно что-то забулькало в комнате — Тирас смеялся счастливым смехом ребенка, нашедшего спрятанную родителями игрушку.

— Мы готовы помочь тебе, высший, но красный саквояж — у Горона...

— Завтра он будет здесь.

— Горон или саквояж?

— Саквояж. А Горон...

Шанин с удивлением смотрел, как медленно отливает кровь от лица всевластного министра, как в глубине серых уверенных глаз прорастают страх и растерянность. На шее вздулись, запульсировали две витые жилы, и с каждым толчком пульса уходила упругая сила из его тела — уже не атакующий боксер, а струсивший мальчишка мялся перед Шаном и Сипом.

Шанин оглянулся. В распахнутых створках тайного бокса стоял Мос.

— Что же ты замолчал, Тирас? Продолжай. Где брат наш Горон?

— Разве я сторож Горону?

— У тебя хорошая память, Тирас. Ты хорошо помнишь все и вся. Но ты забыл сказать мне, что встречаешься с гостями сегодня.

— Я думал, ты в Силае...

— Да, ты хотел, чтобы я был в Силае сегодня. Вчера ты послал меня к Горону за красным саквояжем, уже зная, что я не застаю ни Горона, ни саквояжа.

— Горон слишком любил серебряные...

— Горон мог проболтаться мне о том, что в саквояже. И ты убрал его.

— Я думал о судьбе Ордена...

— Нет, Тирас, ты думал о себе.

— Именем Ока...

— От имени Ока говорю только я!

Даже Бин, привыкший с детства к двуликости своих сограждан, слушая неожиданную интермедию, оторопел: великолепный Тирас, гроза и проклятье Свиры, великий инквизитор, задумавший свержение Кормчего, дрожал перед простым техником. А Мос, в потертом рабочем комбинезоне, пучил свою резиновую грудь, и круглую шейку его тоже облежала золотая цепь, но на этой цепочке болтался не золотой треугольник, а круглый черный агат.

Тирас зачарованно следил за руками Моса. Старший техник достал из нагрудного кармана еще одну цепочку — с треугольником.

— Знак Горона... Ты сам убрал Горона, Мос! Раньше меня!

— Нет, Тирас, — пухло выгнулись губки старшего техника. — Я просто подождал, пока твои люди сделают свое дело. И прижал их на месте... Ты уже не имеешь этих людей, Тирас. Они мои. И могут подтвердить перед всем Орденом, что Горона приказал убить ты.

Пальцы Моса ловко отстегнули треугольник от цепочки и, произведя неуловимо быструю манипуляцию, вставили треугольник в агат. На груди техника засверкала половина золотого глаза с черным зрачком.

— Око... — выдохнул Тирас. — Вечное Око...

— Нет, это еще не Око. Здесь не хватает твоего треугольника, Тирас.

— Ты не сделаешь этого, Мос! Это вопреки Традиции!

— Ты же имеешь хорошую память, Тирас! В Традиции сказано: один в трех, как трое в одном... Трое в одном!

— Мос, я объясню тебе все! У меня есть план! Этим младенцам из Внешнего мира я морочил голову! Я скажу тебе все-все до конца, клянусь Оком! Пойдем ко мне, я все расскажу!

— Я не злопамятен, министр милосердия... Я человек простой... Пойдем к тебе — только без голубых фокусов, ладно? Ты иди, иди, а я с младенцами имею желанье сказать пару слов...

Тирас ушел за стену, пятась, словно боялся подставить спину недоделанному золотому Оку. И Мос повернулся к Шану только тогда, когда стена закрылась.

— Вчера я не смог прийти, дорогие гости. Очень извиняюсь. Но мы все-таки встретились. И красный чемоданчик все-таки у меня. Не тот, поддельный, содержимое которого вы спрятали в буфете на ипподроме, а настоящий, с ключами от Башни. Спасибо за корешок, добрый женьшень, настоящий. Так-то, Шан...

— Слушай, Мос, я впопыхах сунул туда и свою электробритву...

— Знаю, Сип, знаю. Побриться хочешь? Сейчас тебе принесут твою машину, побрейся. У нас разговор по душам будет, долгий. Говорил я вам сразу — не связывайтесь с Тирасом, зачем он вам? Я человек простой, отходчивый. А Тирас зачерствел, озлился на работе — работа такая. Мы с вами быстро столкуемся, верно, Шан?

— Я еще не завтракал, Мос.

— Ах, Тирас, Тирас... Не умеет принимать гостей. Ну да вы не беспокойтесь. Отдохните, побрейтесь, покушайте... А через часик и я вас потревожу, прошу извинения. Ну, оставайтесь. Поскучайте. Хода отсюда никуда нет...

Пока Сип брился, Шан обследовал их новый приют.

Ничего особенного в белой комнате не было. Она с успехом сошла бы за гостиничный номер, больничный изолятор или тюремную камеру, если бы не отсутствие дверей. У комнаты не было ни входа, ни выхода. В комнату попадали через раздвигающиеся стены. А как покидали? И можно ли было вообще покинуть эту комнату по доброй воле?

Завтрак, прекрасно приготовленный и роскошно сервированный, прошел в молчании. Шан и Сип понимали, что каждое их слово ловят скрытые микрофоны подслушивающих устройств. Да и говорить не хотелось. Требовался крайний шаг, и каждый должен был внутренне, в одиночку, решиться на него.

«Ты готов войти?» — написал Сип на гербовом листе.

«Да. Но как?»

«Тирас ошибся. Дверь не у него, а здесь. В завещании Урана говорится о портрете с дефектом — трещина слева, под сердцем».

«Это спасение».

«Идти надо немедленно. Сейчас».

«Я готов».

Сип взял электробритву, вынул лезвия и подошел к портрету. Он возился долго, вода включенным механизмом по цветному камню вдоль и поперек. Под пластинами мозаики что-то журчало, тихо щелкало и поскрипывало.

«Вибромагнитный замок, — догадался Шанин. — Как просто! Полтораста лет самую невероятную тайну человеческих поселений охранял элементарный вибромагнитный замок...»

Окончив манипуляции, Сип аккуратно вставил на место лезвие, уложил бритву в футляр и сунул в карман. Потом, подмигнув Шанину, уперся плечом в плечо портрета.

Дверь не поддалась.

— Сто пятьдесят лет, — виновато проворчал Сип и налег сильнее. Но стена оставалась стеной.

— Я все-таки Шан, — ободряюще улыбнулся Шанин и отстранил Сипа. Он расставил ноги пошире, слегка присел и попробовал разогнуться, вминая в стену плечо и правый бок. Когда-то в родном Причулымье он валил плечом сухостой без топора и пилы. Здесь не было прочной опоры. Ноги скользили по пластпаркету, плечо елозило по зеркальной полировке. Каменный Кормчий не хотел пускать в Башню.

Шанин уперся в стену всей спиной и руками, согнувшись градусов под сорок к полу, и нажал так, что зарозовело в глазах.

Стена ожила. Сначала по ней словно пробежала легкая судорога. Потом плоскости стены и портрета изменили положение: портрет с фоном медленно уходил вглубь. Раздался тихий свист, потом шипение. Стало понятно, почему дверь подается так туго — между Башней и Вечным Дворцом не было воздухообмена, а давление в Башне было выше, чем во Дворце.

Дверь открылась внезапно, вздохнув шумно и смачно, словно сожалея о секрете, который перестал быть секретом. Шан не успел разогнуться и, если бы не Сип, вылетел бы в узкий прямоугольный проем.

Оба стояли, не решаясь войти. Башня дышала на них смрадом векового болота.

В проем можно было пройти только по одному. Первым вошел Шанин.

6. СУД

— Однако...

Только этим всезначным сибирским словом и смог Шанин определить свое первое впечатление от нутра Башни. Ибо предполагал он увидеть если не чудеса, то

все-таки нечто из ряда вон выходящее. И не увидел ровным счетом ничего поначалу. Светлый проем двери за их спинами закрылся, и они очутились в царстве темноты, недвижимой застойной тишины и резкой вони. Казалось, здесь гнило само время, украденное в звездных морях мироздания и убитое в каменном склепе.

Они попали из белой комнаты прямо на зыбкие ступеньки узкой, едва пройти одному, металлической лестницы, прилепившейся к влажной стене. Поручни с легким наклоном уходили куда-то вверх и куда-то вниз. Шанин, не зная, куда направиться, ухватился за них покрепче.

— Хотя бы какой-нибудь завалящий фонарик... Иначе мы угодим черт знает куда... Мне что-то не нравится этот аромат...

Шанин слышал рядом частое дыхание Бина. Похоже, он тоже не знал, куда идти, и всматривался в темноту, пытаясь найти решение.

— Судя по всему, мы в главной отводной шахте... Внизу должны быть регенераторы. Вверху — вентиляционные окна. И то и другое нам пока не требуется...

— А лестница?

— Лестница, видимо, аварийная... По идее, она должна соединять уровни Башни... А на каждом уровне должен быть вход в подсобные помещения...

— Сколько приблизительно уровней в Башне?

— Не приблизительно, а точно — двадцать четыре. Мы сейчас где-то между восьмым и девятым... Но в такой темноте... Здесь наверняка было освещение, то ли оно выключено, то ли лампы давно погорели все... Хотя бы вокруг по стене посветить чем-либо...

— У меня есть зажигалка.

— И ты молчишь?

— Я не молчу. Я пытаюсь ее найти.

Крошечная зажигалка-сувенир была чуть побольше

ногтя большого пальца, и сразу отыскать ее в объемистых карманах гвардейского мундира было непросто. Да и загоралась она не пламенем, а веером сыпучих голубых искр.

Но едва Шанин нажал податливую головку и чахлый кустик огня послушно распустился в его руке, на прищельцев обрушился могучий световой удар. Первое, что пронеслось в голове и заставило прижаться к стене, — взрыв метана или чего-то подобного, скопившегося над рукотворным болотом. Но шли секунды, вспышка не гасла, и не вздымалась ударная волна, круша и корежа конструкции.

Люди разогнулись, осторожно осматриваясь.

Все вокруг горело. Огромная пылающая труба, к стенке которой лепились они на ажурной паутинке спиральной лестницы, выходила из света и уходила в свет. И опять нельзя было разобрать что-либо ни вверху, ни внизу — бестеновой свет заставлял щуриться, но так же надежно скрывал общую картину, как и темнота.

— Что это? — Шанин повернулся к Бину, но тот разглядывал не шахту, а свою ладонь. Ладонь светилась, а на мерцающей стене словно кто-то нарисовал тушью черную пятерню.

— Люминофор?

Бин понюхал руку.

— Сомневаюсь. Больше похоже на плесень. Плесень вековой выдержки. Твоя зажигалка сработала как световой запал. А вот сейчас свечение начинает убывать... Надо топать. Кажется, Кормчий не очень ревностно следит за гигиеной своей обители... Впрочем, нам это на руку. Давай спускаться вниз. Во-первых, спускаться легче, чем подниматься, а во-вторых, берлога по плану расположена где-то на первых этажах.

Скользкая плесень на ступеньках и поручнях делала даже спуск медленным и небезопасным. По пути

выяснилась еще одна неутешительная деталь: на каждый уровень действительно вели аварийные ходы, но входные люки находились под током, и отключить его со стороны шахты было невозможно.

— Не могу понять одного, — бурчал Шанин. — К чему такие излишества? Судя по шахте, в Башне спокойно может разместиться небольшая армия... А Кормчий предпочитает одиночество.

— Раньше здесь и была армия. Армия телохранителей. Охрана жила в Башне. Это была крепость с гарнизоном. Потом стала редеть и личная охрана: ее постепенно заменяли механизмы и автоматика. Правитель Свиры успокоился лишь тогда, когда смог остаться в одиночестве...

Дальше пути не было. Лестница обрывалась в полусотне метров над массивной донной решеткой шахты. Плесень здесь лежала не сплошной пушистой массой, как наверху, а разрослась причудливыми сугробами, деревьями, кустарниками, оживающими при малейшем дуновении.

— Добавь-ка свету, Шан. А то фейерверк пошел на убыль...

Овальный люк первого яруса был немного больше остальных. Бин поднес к разъемным рукояткам полюса своей универсальной вибробритвы. Послышалось мерное гудение.

— И этот под током. Десяток киловатт, не меньше. Достаточно прикосновения, чтобы превратиться в подгоревший лангет...

— Что же делать?

Бин ответил не сразу. Он долго возился в аварийном шкафчике рядом с люком, выуживая из плесени какие-то замысловатые рогаины, крючья, гаечные ключи, пилы и резак.

— Так я и думал. Все для механика и ничего для электромонтера. Когда механик выходил в трубу, ток

попросту выключали... Проклятье... Даже резиновых перчаток нет...

Он выудил наконец какую-то здоровенную крестовину, похожую на швабру с металлическим ворсом.

— Придется устроить короткое замыкание. Может быть, хоть на время выбьет предохранитель и обесточит сеть... Больше ничего не могу придумать...

— Это опасные шутки, Бин. Во-первых, остается перспектива стать подгорелым лангетом, а во-вторых, появляется опасность врубить общую тревогу.

— Ты можешь предложить что-либо другое? Я заранее готов поступиться приоритетом и принять твой план. Молчишь? Следовательно, других вариантов...

— Погоди... Тихо!

За стеной шахты что-то происходило. Сначала по стене прошла едва уловимая дрожь. Затем вибрация усилилась, и стали слышны какие-то приглушенные неравномерные вздохи. Звуки становились ясней, дрожь перешла в шум быстро приближающегося механизма, а вздохи — в уханье открывающихся и закрывающихся дверей.

Где-то совсем рядом захрипел битый-перебитый звонок.

Люк откинулся вниз, как щучья челюсть, обнажив убегающий в горло накатанный рельсовый путь. По нему навстречу Шану и Бину выкатился длинный стол, заполненный прямо пахнущими замысловатыми блюдами, бутылками, сифонами, графинами и тщательно, со вкусом, сервированный.

— Какая встреча!

— Гм... Несколько неожиданное гостеприимство...

— Хлеб-соль! Правитель, видимо, неплохо знаком с земными обычаями... Чем мы ответим на приглашение, Бин?

А Бин уже двинулся к столу. Но не успел он сделать и двух шагов, как стол сделал движение, которым но-

ровистый скакун сбрасывает седока, — упал на передние ноги и взбрыкнул задними. Разноцветные подносы с яствами и напитками полетели в шахту. Стол принял прежнее положение, снова всхрипнул звонок, и... Бин успел вогнать в шарнирное крепление конец своей рогатины. Завыли перенапряженные сервомоторы. Стол крупно дрожал, но сдвинуться с места не смог. Рассерженно хрипел звонок.

— Прошу садиться. Такси в преисподнюю подано!

Бин ловко вскочил на крышку люка, а с нее — на стол.

— Скорее!

Шан принял протянутую руку и тоже очутился на столе.

— Пожалуй, лежа, лучше...

— А-а. Особенно если держаться за поручень, который словно специально сделан для нас с тобой... Готов?

— По-моему, готов.

— Поехали!

Бин рывком вытащил рогатину из шарнира. Катки с визгом пробуксовали по рельсам, стол дернулся раз, другой, словно примеривался к неожиданной тяжести на спине, неуверенно двинулся вперед.

— Давай, родной, давай... Не стесняйся, мы держимся крепко... Смотри, Бин, слушается!

Стол с каждым метром прибавлял скорость. Лязгнул сзади закрывшийся люк, и одновременно погас свет.

— Опять темнота... Может быть, хозяин боится света?

— Не думаю. Просто свет здесь не нужен. Это грузовой путь. Точнее, путь, которым остатки трапезы эвакуируются из апартаментов хозяина в регенератор.

— Я бы не сказал, что это были остатки... К столу даже не прикасались.

— Верно. У хозяина плохой аппетит. И он отправил всю эту роскошь в утиль...

— Или роскошь отправилась в утиль самостоятельно, выждав положенное время.

— Второй вариант мне лично нравится больше...

— Потому что он освобождает от необходимости объяснять свое появление Великому Кормчему?

— Именно. Он дает шанс осмотреться.

— Ты прав. Будем надеяться.

Путешествие было довольно долгим, но однообразным. Время от времени над ними вспыхивали светильники, но в их мертвом свете вставала всегда одна и та же картина: штрек, опутанный толстыми кабелями в цветной изоляции, и броневаля плита, закрывающая путь вперед. Из плиты выглядывал синий глазок объектива и, забавно ворочаясь в упорах, изучал стол от катков до крышки. Дойдя до верхней кромки, он снова прятался в плите. То, что было на крышке стола, его не интересовало.

Плита поднималась и опускалась, пропуская опознанный механизм, свет гас, и «такси в преисподнюю» продолжало путь.

Этот путь привел их в просторный зал, залитый спокойным матовым светом и заполненный ароматами свежей, хорошо приготовленной пищи. Кухня правителя сверкала чистотой зеркального металла и полированного пластика. Ее оборудованию позавидовала бы хорошая химическая лаборатория. В герметичных кубах, котлах, змеевиках вершилось таинство кулинарного искусства, трепетали зеленые змейки на экранах осциллографов, праздничными гирляндами загорались и гасли индикаторы датчиков, гудели на разные голоса большие и малые компьютеры. На стене поблескивали часы с циферблатом. Цифры 8, 11, 3, 5 были красные, остальные черные. Часы показывали без десяти одиннадцать.

— Судя по всему, через десять минут второй зав-

трак. Не позаимствовать ли нам что-либо из рациона правителя? Или мы обидим хозяина? Как, Бин?

— Я думаю, голодный желудок только подогревает пыл исследователя. Хотя приобщиться к столу правителя я хотел бы. Из чисто познавательных соображений.

На другом конце зала, к немалому своему удивлению, они обнаружили точно такой же рельсовый путь и стол, ожидающий заправки.

— Выходит, Правитель не один.

Бин пожал плечами.

Иного выхода, кроме столовых люков, из кухни не было. И здесь люки были под током, как и в шахте.

Бин развел руками.

— Ничего не остается, как пожаловать к главному людоеду Свиры прямо на стол под видом жаркого. Если учесть, что у нас нет оружия...

— У нас есть фактор внезапности.

— Ты уверен, Шан? Ты можешь поручиться, что правитель не следит за нами с помощью всей этой электронной штуковины с первых шагов появления в его царстве?

Настала очередь Шанина пожать плечами.

Тем временем часы подошли к одиннадцати. Серебристая лента конвейера пришла в движение. На раструбах с цифрами замигали контрольные лампочки. Из одного раструба выполз на конвейер поднос с рыбными и мясными закусками, из другого — сифон во льду, из третьего — кофейный прибор в прозрачном термостате. Последней на серебристую ленту вошла огромная фруктовая ваза.

— Силайские яблоки... Если верить преданиям — любимое лакомство Великого Кормчего...

— Попробуем?

— Не хочется. А впрочем...

Стол тронулся тихо, и люк отворился бесшумно, и рельсы вели не по темному штреку, а по широкому ко-

ридору со сводчатым потолком. Пол, свободный от рельсов, был застлан пластовковой дорожкой с изрядно потертым ворсом — по дорожке часто ходили.

Шанин надкусил небесно-синее продолговатое яблоко с некоторой опаской — фрукты на Свире по вкусу мало отличались от земных, но этот сорт он пробовал впервые.

Голубая мякоть обожгла рот пряным холодом, как ледышка. Шанин приготовился жевать ее долго и тщательно, ибо ломтик казался упругим и твердым. Но едва зубы его успели коснуться яблочной плоти, как она брызнула во все стороны жгуче-сладким пенистым соком, а во рту осталась скользкая желеобразная масса, которую можно было глотать не жуя.

Шанин съел одно яблоко, второе, третье — что же, вкус у правителя недурен, однако...

Казалось, рельсы уходят в тупиковую стену, и стол неизбежно наткнется на нее, но в последний момент стена поднялась и опустилась уже за спиной незваных гостей. Стол замер.

Шанин, слегка обалдевший от всех этих путешествий по шахтам, мусоропроводам, кухням-автоматам, внутренне подобрался и напрягся. Сомнений быть не могло — теперь они находились в самом жилище правителя, в его интимном приюте, в его личной столовой.

Очень богатая, точнее — невероятно богатая комната, обшитая сандаловым деревом. Картины, золотая люстра на потолке. Инкрустированный камнями стол и тяжелый стул с высокой спинкой. И даже имитация окна с кружевными пышными занавесками. Словно ты непонятым образом очутился далеко от Дромы и ее безалаберной жизни, в старом королевском замке, брошенном правителями.

На Бина напала какая-то оторопь. Он застыл, тяжело опираясь на свою рогатину, белая маска вместо лица — и неотрывно смотрел на дверь в коридор.

— Шан... Можешь меня презирать, можешь надо мной издеваться, но я не могу... Не могу... Сейчас он войдет... Он войдет в эту дверь... Я не могу... Это выше меня..

Шан положил ему руку на плечо, успокаивая.

— Тебе смешно, Шан? Это должно быть очень смешно...

— Мне не смешно, Бин. Я понимаю тебя.

— Это невозможно понять. Это можно только чувствовать. Это не страх, нет — другое... Мне кажется, он войдет, и все кончится — я, ты, Свира, Вселенная, — потому что мы узнаем что-то, что убьет саму жизнь... Все лопнет, взорвется, исчезнет... Потому что ни в чем не останется ни капли смысла...

— Разве Кормчий дает смысл жизни, Бин?

— Я знаю, что я говорю чушь... Но я не могу...

— Давай перекусим, Бин, в ожидании хозяина... Эти кухонные запахи разбудили во мне зверя...

Шанин переставил подносы на деревянный стол. Бин взял несколько яблок, землянин решил подкрепиться основательней: налил себе чашку густого кофе и с аппетитом уничтожил какую-то птичку в приятном сладковато-кислом янтарном соусе. Поскольку, кроме стула, в комнате не было другой мебели, пришлось есть стоя. Занимать хозяйское место было невежливо.

Время шло. В столовую никто не входил.

— Первый завтрак остался нетронутым. Судя по всему, второй постигнет та же участь... Или хозяин слишком поздно встает, или... Или он вообще не ест...

— Ты забываешь, Шан, о втором столе. Если одновременно сервируется два стола, значит, есть две столовые, и две... не знаю, как назвать... квартиры, что ли. Может быть, хозяин сейчас в другой столовой?

— Пойдем, Бин? Ты готов?

— Да. Прости за слабость. Только... иди вперед, Шан. Так будет лучше.

За дощатой дверью оказалась небольшая прихожая, набитая изысканными вещами, если не считать вешалки из саблевидных рогов двугорбого козла. На вешалке висел долгополый голубой плащ с меховой оторочкой и золотым топором на рукаве.

А под вешалкой — совсем некстати — валялись стремянка и заступ.

Кроме двери из столовой, в прихожей было еще две. За одной из них оказалась кабина лифта на все двадцать четыре уровня. А за другой...

— Он здесь... Это его плащ.

Шанин шагнул было к двери, но Бин задержал его.

— Подожди. Теперь я. Я должен. Я должен победить в себе раба. Иначе я никогда не прощу себе. Именем деда, именем отца, именем матери... Я пришел!

Бин рывком распахнул дверь и шагнул в комнату.

Шанин не понял, что заставило Бина остановиться на полушаге. Эта комната тоже напоминала пустую дворцовую залу.

Но когда, обежав глазами резную деревянную кровать под кружевным покрывалом, роскошный письменный стол с золотой настольной лампой и большую, во всю стену, картину, он перевел взгляд вниз, — по спине пробежал холодок.

У ног в полу чернело квадратное отверстие. А на дне ямы, на глубине в полтора человеческих роста, лежал скелет в парадном хитоне Великого Кормчего.

Бин опустил на колено, осматривая пол. Тронул что-то коричневое, окаменевшее.

— Яблоко... Силайское яблоко...

Оксиген Аш думал о Кокиле Уране.

Он расхохотался в лицо смертнику, услышав угрозу. Он не поверил художнику. Как все мелкие и подлые люди, Великий Кормчий был убежден в мелочности и

подлости всех живущих. Он верил во всемогущество страха, лишаящего сопротивления, и делал все, чтобы страх перед именем Кормчего не ослабевал. Он не боялся суда совести, ибо считал совесть синонимом слабости.

Он не боялся даже таинственных посланий, хотя и знал, что за подсказки рано или поздно придется платить, — он был уверен, что в последнюю минуту сумеет перехитрить проницательных. В странном слоге безымянных записок он чувствовал нечто родственное — не по крови, а по системе ценностей, по взгляду на жизнь, по стилю поступков. В минуты хорошего настроения он даже симпатизировал своему безликому врагу-союзнику. Он ценил тех, кто понимает вкус предательства.

Получив от Кокиля Урана Вечный Дворец со сказочной Башней и похоронив его секреты вместе с гениальным архитектором, Оксиген Аш упивался своим всемогуществом и неуязвимостью. Из своего рабочего кабинета он мог видеть и слышать все, что происходит в самых тайных закоулках Дворца. Скрытые телекамеры переносили хозяина на площади и улицы Дромы. Лифты в двойных стенах и электрокары в подземных коридорах могли в несколько минут сделать мнимое присутствие истинным. Ему нравилось неожиданно возникать за спинами заседающих министров или на скамеечке городского сквера и бесследно исчезать на глазах подданных, окаменевших от ужаса и благоговения.

Правда, ему все больше и больше докучали дела. Но тут помогла детская любовь к оригинальным самоделкам. Из трех «вечных маятников», табулятора и пишущей электромашинки он соорудил себе «механического секретаря», который лихо шлепал подписи на всем, что приносил в кабинет конвейер пневмопочты. Это освободило Кормчего от черной работы, оставив

время для всепланетных мыслей и проектов, а также для отдыха и развлечений.

Оксиген Аш набил Башню личной охраной из отборных фанатиков и замкнулся в ней. Внешний мир приобрел безопасную форму телевизионной картинки, а правитель общался с ним только на языке донесений и приказов. Он разработал для своих министров и министерств единый образец решения, который единообразно визировал — «да», «нет», «отложить».

Это было мрачное и скучное могущество, но все же могущество.

Однажды в Правителя выстрелил спятивший телохранитель, которому начали являться привидения. Оксиген Аш был ранен в плечо, а телохранитель уколошил двенадцать своих коллег, пока его самого не изрешетили очередь из пулемета. Человеческая психика оказалась ненадежным элементом в системе защиты. А неистребимое племя проникательных, видимо, решило подвести черту и взыскать плату по векселям.

В Башне снова закипела работа. Казармы опустели. На место солдат пришли специалисты по электронике и автоматике.

Шаг за шагом, метр за метром, уровень за уровнем они превращали обитель правителя в удивительный, замкнутый механизм, в компактную квази-Вселенную на одного человека, где Великий Кормчий мог не зависеть от людской ненависти или любви.

Специалисты делали свое дело и куда-то исчезали. Только Оксиген Аш знал куда. Но он молчал. Главная шахта регенерации тоже не выдавала секрета.

Пришел день, и правитель остался один. Казалось, теперь он мог быть вполне уверен, что роковой выстрел не прозвучит никогда.

Но теперь он все чаще и чаще думал о Кокиле Уране.

Башня была неприступна. Ничто живое не могло

проникнуть внутрь. Но если бы случилось невероятное и злоумышленник сумел просочиться сквозь запретные стены, он неизбежно заблудился бы в безвыходных лабиринтах переходов или сгорел в мгновенном плазменном разряде коварных электроловушек.

И все-таки каждый раз, уходя из рабочего кабинета на самом верху Башни, на двадцать четвертом уровне, где телеокна рисовали круговую панораму Дромы с высоты орлиного полета, Оксиген Аш останавливался в нерешительности.

За двумя одинаковыми дверями было два одинаковых лифта.

Внизу, на первом уровне, у правителя было два логова, повторяющих друг друга, как зеркальные отражения, — каждым углом, каждой линией, каждой картиной на стене, каждой пылинкой. В близнецах-жилищах стояли близнецы-столы, близнецы-стулья, близнецы-кровати. В близнецах-прихожих висели близнецы-плащи.

Оксиген Аш постоянно менял жилье. Он старался менять его как можно беспорядочнее, чтобы шансы угадать место его ночлега были возможно ближе к нулю.

Он сам не понимал, чего боялся. Для страха не было никаких причин. Из газет, которые каждое утро подавались ему автоматами с первым завтраком, из официальных докладов в министерствах, из секретных рапортов и сводок, подсмотренных и подслушанных у своих приближенных, он узнавал, что каждодневные труды не пропадают даром, а обманные зерна дают буйные всходы.

Однако растоптанная и поруганная тень Кокиля Урана жила в Башне, росла, заполняла потайные ходы и темные закоулки и, стоило только выключить свет, нависала над правителем.

Оксиген Аш заблокировал все коридоры и тоннели

высоким напряжением и перестал бродить по Башне. Он ограничил свое пространство рабочим кабинетом и двумя жилыми комнатами.

Но каждый раз, выходя из кабинета, он замирал в нерешительности перед двумя лифтами.

Он был почти уверен, что в одной из комнат кто-то есть. Но в какой? Какую кнопку нажать, чтобы избежать засады?

Его кабинет превращался в мастерскую. Уходили в утиль непрочитанные газеты, неделями и месяцами не загорались экраны следящих камер, молчали аппараты подслушивания. И впустую на весь свет восхваляли наперебой поэты всезнающий и всемогущий гений Великого Кормчего, ведущего Свиру по тропе невиданного счастья и благополучия.

Оксиген Аш воевал с Кокилем Ураном.

Это была схватка не на жизнь, а на смерть. Сдав бесплотному врагу жизненное пространство Башни, правитель встал грудью за свой последний оплот. Он мастерил сигнализацию, которая реагировала на звук, на свет, на давление, на микроколебание температуры, на запах, на радиацию, на вибрацию и даже на дыхание. Но его враг не имел ни цвета, ни запаха, он не дышал и не касался пола, его нельзя было засечь по излучению или по звуку.

Он был, он все время был где-то очень близко — Оксиген Аш чувствовал его всем существом, как ревматик грозу. Входя в комнату, Оксиген Аш твердо знал, что Кокиль Уран только что вышел из нее. А сигнализация молчала.

Другой бы сдался. Правитель продолжал борьбу.

Он срывал только что проложенные линии и реле, топтал сверхчувствительные измерители и улавливатели, превращал в груды хлама собранные по жилке многополюсные анализаторы. И начинал все сначала — новая схема, новый принцип, кропотливый многоднев-

ный труд — засечь врага, поймать его след, загнать в угол, схватиться клыки на клыки...

Оксиген долго не мог уснуть, ворочаясь на роскошном ложе. Его знобило. Свет настольной лампы, чересчур яркой для ночника, проникал сквозь плотно сомкнутые веки, и оттого Ашу мерещились ледяные равнины силайских болот, прокаленные морозом до звона. Надо было бы накрыться плащом сверху одеяла, но вставать за плащом не хотелось. Вообще ничего не хотелось.

Наверное, он все-таки дремал, когда услышал над собой негромкие внятные слова: «Он здесь. Он сегодня здесь». Приоткрыв глаза, он увидел, как задралась и завернулась тяжелая серебристая штора на двери.

В комнате царили пронзительный холод, запах разрытой земли и горелого мяса. И странные эти запахи не удивили Аша, он только подумал: «Землей пахнет от могилы, а горелым мясом — от чего?»

И вспомнил от чего.

Он встал и вышел в прихожую за плащом. Плаща на вешалке не было. И он снова не удивился.

Все вокруг было прежним и в то же время неузнаваемо другим: чуть ярче желтели стены, веселей поблескивали анодированные затворы лифта.

Оксиген Аш вошел в лифт и нажал панель с цифрой 6. Через несколько минут он остановился перед дверью, которая давно уже не существовала. Он сам заложил проем плитами иберского гранита и сравнял напыленным пластиком с плоскостью коридорной стены.

Но сейчас дверь была. И снова не удивился этому Оксиген Аш.

Не удивился он, войдя в комнату и увидев там широкоплечего человека, уронившего на руки тяжелую седую голову. Рядом на столе лежал плащ правителя.

— Так вот ты где, Кокиль Уран... Ты долго прятался, но я тебя нашел!..

— Ошибаешься. Я не прятался. Я ждал.

— Чего ты ждал?

— Суда.

— Ха-ха! Ты еще ждешь суда? Неужели ты не помнел? Я застрелил тебя в упор вот за этим столом, а труп сжег вон в том углу, на трансформаторной шине, — от тебя не осталось горсточки пепла! Если ты действительно сделал тайную дверь, через которую можно проникнуть в Башню, то о ней никто не узнал! И еще я замуровал твой бывший кабинет — ведь ты здесь сделал дверь, не так ли? Ты хотел бежать — иначе зачем она тебе...

— Ошибаешься. Я не хотел бежать.

— А зачем ты брал мой плащ — и тогда и сейчас?

— Тогда я брал твой плащ, чтобы беспрепятственно проходить мимо охраны. Я делал дверь по ночам. И она совсем в другом месте.

— Ты лжешь!

— Мертвые не лгут.

— Но мертвые и не мстят. Что можешь сделать ты, мертвец, мне, живому? Ты — прошлое, тебя нет, ты исчез, а я существую.

— Мертвые не мстят. Но мертвые будят живых. Живые приходят судить прошлое и воздают по заслугам виновным и невиновным. Они судят прошлое, чтобы будущее не родилось мертвым...

— Ты «проницательный», хотя всю жизнь скрывал это! Это они подослали тебя, ты служишь им!

— Нет, Оксиген Аш, я не «проницательный». Я просто зрячий. Ты и «проницательные» — карты из одной колоды. У вас один крап и одна игра — продавать и предавать. Вы пытаетесь убедить себя и других в том, что властны над путями человеческими и счастьем челове-

ским. Но пути прокладывают ноги идущих, а счастье создают руки творящих. И только добро по-настоящему властвует над жизнью, ибо только добро способно сделать Человека. А вы питаетесь смертью и потому никуда не уйдете от смерти...

— Опять высокопарный бред! Ни одно живое существо не может проникнуть в Башню!

— Судьи уже пришли.

— Это ты провел их?

— Да. Я ждал их.

— Зачем ты взял мой плащ?

— Это не твой плащ. Это плащ Великого Кормчего.

— Но Великий Кормчий я!

— Нет. Ты уже мертвец...

Холодея от ненависти и ужаса, Оксиген Аш бросился на зодчего, пытаясь вырвать у него свое законное одеяние, но пальцы прошли сквозь мех и золотое шитье и, судорожно сжавшись, ухватили пустоту...

Оксиген Аш проснулся на спине с руками, протянутыми к безжалостно ровному шлейфу света из-под колпака настольной лампы, и в ту ночь уже не мог уснуть.

Утром он встал и, хотя лихорадка не прошла, сделал обычную физзарядку, принял душ и побрился. Потом, подумав, надел парадный хитон.

За первым завтраком он позволил себе основательно приложиться к бутылке шипучего билу и несколько захмелел, что бывало с ним нечасто. Не поднимаясь из-за стола, он пересмотрел все газеты, что бывало с ним еще реже.

В кабинет Оксиген поднялся только затем, чтобы взять инструменты.

Все время до второго завтрака он провел в спальне: что-то вымерял, высчитывал, размечал. Несколько раз ложился на пол, очертив квадрат по своему росту. Потом вскрыл по очерченной линии настил пола слой за

слоем, пока не добрался до утрамбованной земли. И только тогда сделал передышку.

Обед он съел в один присест и снова воздал должное шипучему билу и красному пиву. Показалось мало. Аш вызвал из автокухни дополнительный поднос с двумя бутылками контрабандного муската и корзиной силайских яблок. Одну бутылку выпил сразу.

Набив яблоками карманы парадного хитона, правитель взялся за лопату. То ли отвык он копать, то ли плотно затрамбовалась земля, то ли хмель мешал работе, но яма росла медленно. Все чаще Верховный делал перерывы, садился на край углубления и грыз яблоки.

— Мы еще посмотрим, дорогой Кокиль... Мы еще посмотрим, кто покойник... Судьи!.. Скоты паршивые... Умники...

К ужину яма была по пояс Оксигену Ашу.

За ужином он снова изрядно выпил и запасся целой батареей бутылок на ночь. Вино вернуло иллюзию бодрости, спать не хотелось, и Оксиген, постоянно прикладываясь, проработал без отдыха еще часов десять. Скоро из ямы стало трудно вылезать, и он опустил туда позолоченную стремянку.

Когда над безмятежно спящей Дромой занялся рассвет и Башня Кормчего в первых лучах солнца встала над городом сверкающим золотым обелиском, яма в спальне правителя достигла трехметровой глубины.

Оксиген Аш попробовал вылезти из ямы без помощи лестницы, не смог и удовлетворенно вытер залитые потом глаза.

— Готово, Кокиль! Добро пожаловать вместе с судьями! Коммунальная могила системы Оксигена Аша к вашим услугам! В любое время дня и ночи!

С большим трудом он вылез наружу и вытащил из ямы лестницу. Его пошатывало и подташнивало. Яблоки на время снимали тошноту, и он грыз их одно за другим,

разбрасывая ошметки по полу. Работы еще было много, а силы на исходе.

Перезвон челюсти сообщил, что первый завтрак прибыл. Оксиген Аш подумал, не принять ли душ, но просто умылся холодной водой и выпил подряд два полных стакана билу. Голова приятно закружилась, мышцы расслабились, а кривая настроения резко метнулась вверх.

— А все-таки ты хитрый парень, Оксиген... Парень что надо... С таким приятно жить и работать.. И выпить приятно...

Налив себе еще стакан, он нетвердой походкой направился в спальню взглянуть на дело рук своих. Вино расплскивалось ему под ноги, красными пятнами расплывалось по голубому френчу, но он не обращал на это внимания.

— Я буду жить, а вы сгниете...

Оксигена качнуло, вино плеснуло на ботинок, чавкнул под каблуком предательский яблочный огрызок, ногу подсекло и...

Он упал в яму лицом вниз и, хотя не потерял сознания, с минуту ничего не мог сообразить от острой боли. А когда сообразил — понял, что всякие попытки спастись бесполезны. Самостоятельно из ямы выбраться было невозможно. Звать было некого. Ждать было нечего.

И тревога, много лет глодавшая Великого Кормчего, прошла. Отступил и рассеялся беспричинный страх. Оксигену Ашу стало легко и покойно.

Он лег на спину, вытянулся и сложил руки на груди. Над ним близко и недоступно светлел квадрат, похожий на экран неизвестной телесистемы.

Он ни о чем не жалел, никому не завидовал, ни в чем не раскаивался. Ему некого было проклинать и не с кем прощаться.

Великий Кормчий закрыл глаза,
Суд свершился,

— Ну, с ним, кажется, все ясно. Он кончил, как и начинал. Не лучше и не хуже. Кончил, когда пришел его срок...

Шанин подвинул ногой пластиковую плиту, прислоненную к стене. Ее не суждено было установить на место — западня сработала раньше. Плита, простоявшая полтора века в ожидании, скользнула вниз и закрыла яму. Вошла она в квадрат точно, сровняв с землей и скрыв могилу хозяина Башни.

— Обидно, — сказал Бин. — Обидно за легенду. В легенде этот отъявленный негодяй выглядит значительно и... красивее, что ли. А вот мои родители всю свою жизнь отдали борьбе с властью правителя. Они предпочли смерть предательству. Таких, как они, много... Но они представляли своего врага иначе... Одно дело — жертвовать собою в бою с могучим чудовищем, другое — погибнуть по воле бесталанного ничтожества...

— Они боролись не с правителем. Хотя, быть может, и не всегда сознавали это. Правитель был для них всего лишь символом, центром мишени. А сама мишень значительно и больше правителя. Она тысячелика и многоименна — Мос, Горон, Тирас, рыбник с улицы Благодарности, наездники на двугорбых козлах, «топоры», «пернатые».

— Может быть. Но я лично боролся с правителем. Я хотел отомстить, и только. И не смог — опоздал...

— Да, с мстостью ты опоздал. Но разве тебе все равно, что будет со Свирой завтра? Ведь мы не знаем главного: как мог Аш приказывать, будучи мертвым. И даже предсказывать — если принять на веру убеждение, что Слово Кормчего рождается в этой Башне... Что с тобой, Бин? Зачем тебе понадобился его плащ?

— Примерить... Ну как?

— Хорош! Словно на тебя шили!

— Да, мы с Оксигеном Ашем были, оказывается,

одного роста... Шан, ты очень рассердишься, если я пока похожу в этом плаще? Ну не напрасно же я, в самом деле, шел сюда по лезвию ножа — через Зейду и Землю! Должен что-то сделать такое — поставить точку на этой куче костей?

— Ты мальчишка, Бин. Честное слово, мальчишка. Носи, если хочешь. Хоть всю жизнь носи — плащ бесхозный...

— Всю жизнь?

— Да. Только, откровенно говоря, лично мне ты больше нравишься без плаща.

— В полицейском мундире?

— Нет.

— В балахоне контрабандиста?

— Перестань, Бин. Дался тебе этот хлам. Надо найти кабинет правителя.

— Слушаюсь, высший. Я готов вас сопровождать на двадцать четвертый уровень, ибо именно там находится творческая лаборатория моего предшественника. По слухам, именно там рождается всеблагое и всепобеждающее Слово.

— А ты повеселел, Бин, увидев тигра дохлым...

Вдвоем в лифт они втиснулись с трудом. Бин нажал панельку, но не двадцать четвертую, а шестую.

— Хочу посмотреть кабинет деда.

Кабина лифта замерла в решетчатом цилиндре из толстых стальных полос в центре большого полутемного холла. Изнутри цилиндр запирался на массивный сдвоенный засов, но снаружи, со стороны холла, дверца не открывалась.

— Никто не имел права покидать уровень. Комфортабельный застенок для «умников».

В холле стояло около полусотни кресел, несколько чертежных кульманов с эпидиаскопическими приставками и десяток демонстрационных столов. Когда-то здесь кипели жаркие ученые споры, а Кормчий с презритель-

ным удивлением рассматривал своих экзотических пленников, которых даже неволя и реальная угроза смерти не могла оторвать от сладкой жажды творить.

Радиальные коридоры вели к большим бронированным дверям, за которыми угадывались вместительные залы. На всех дверях была одна и та же надпись: «Лаборатория. Не входить — защита включается без предупреждения!» И дважды перечеркнутый черным человеческий череп...

Короткие радиальные коридоры обрывались, влившись в длинную спираль широкого, как улица, общего коридора. На эту пустынную сейчас «улицу», крытую веселым бело-розовым пластиком, выходили двери поменьше, раскрашенные в разные цвета. На них стояли только цифры — порядковый номер и окошечко автосчетчика. Здесь пленники жили.

Бин в развевающемся плаще правителя петлял от двери к двери, всматриваясь в цифры счетчиков. Двери были закрыты, а в окошечках везде стоял «0» — в комнатах не было ни одной живой души.

Они дошли до самого конца коридора. Он кончался комнатой номер два. Вместо двери в комнату номер один была гладкая розовая стена.

— Комнаты деда действительно замурованы... Легенда говорила правду...

— Что ты хотел здесь найти?

— Ничего. Я должен был увидеть это своими глазами. Я дал клятву отцу и матери... Вернее, их памяти...

Они постояли еще немного у розовой стены и пошли назад, к лифту. Бин снова хмурился. Настроение его менялось, как цвет моря перед штормом.

— И еще, откровенно говоря, я надеялся найти разгадку потусторонней деятельности правителя здесь, на этом уровне. На уровне науки. Не знаю как... Впрочем... Нет. Этот уровень изолирован, а лаборатории обесточе-

ны. Я смотрел. Значит, адрес чуда — двадцать четвертый уровень... Двадцать четвертый...

— Двадцать четвертый, — повторил он кондукторским голосом, пуская лифт вверх.

Виной тому, что произошло после, была элементарная неосторожность. До сих пор Башня обращалась с ними отменно вежливо, и цепочка счастливых совпадений помогала довольно легко решать ее хитроумные загадки. Но кроме везения, их берегла собственная бдительность. Они ждали подвоха и коварства от всего окружающего и потому вовремя замечали тайные пружины и контакты смертоносных систем.

Убедившись в гибели тирана, они позволили себе расслабиться. Они забыли, что зло, как и добро, переживает своих создателей и способно сохранять веками убийственную силу. В Башне продолжала жить злая воля Великого Кормчего, Башня только притворялась мертвой, она ждала удобного случая, чтобы нанести удар.

Лифт остановился на двадцать четвертом уровне, но дверь не открылась, как на остальных уровнях. Шанин попробовал открыть ее силой, но она не поддавалась. Бин начал шарить на пульте.

— Здесь есть какая-то кнопка, но я не знаю... — Видимо, Бин все-таки нажал кнопку, потому что дверь приоткрылась.

Шанин повернул голову на голос Бина.

Дверь приоткрылась только затем, чтобы в прорези показалось какое-то приспособление, похожее на обрез с оптическим прицелом.

И почти тотчас в кабине грохнул выстрел.

Шанин схватился за голову.

Бин бросился к товарищу.

Землянину повезло: он стоял в профиль к двери, и пуля, направленная прямо в лоб, прошла по касательной, оставив полосу рассеченной кожи от виска до вис-

ка. На какую-то секунду Шанин потерял сознание, но не упал, осев на руку Бина.

Бин оказался хорошим санитаром. Перебинтовав рану полосой ткани, оторванной от сорочки, он усадил Шанина на откидное сиденье лицом вверх, осторожно и сильно массируя шейные артерии.

Шанин быстро приходил в себя. Голова еще звенела после удара, а перед глазами догорающим фейерверком плясали цветные искры, но слабость проходила, и возвращалась ясность мысли.

— А ведь мы влипли в ловушку, Бин.

— Надо вернуться вниз. Кабинет правителя от нас никуда не уйдет.

— А если этот объектив дает команду на все уровни? Внизу теперь нас могут тоже встретить выстрелы или что-либо похуже...

— Но надо сделать настоящую повязку, дезинфицировать рану. Я видел внизу аптечку.

— По идее, здесь должно быть нечто посерьезнее аптечки. Вроде автоматической самолечебницы. Не мог же правитель оставить себя взаперти без медицинской помощи. Наверняка...

— Но я не знаю, где может находиться такая лечебница... И вряд ли где-нибудь есть план Башни. Хозяин держал его в голове. А я почерпнул кое-что, анализируя «Солнце для мертвых». В строчках запрещенной поэмы-легенды зашифрованы реальные, хотя и приблизительные, данные о Башне... Но многие места непонятны, их можно расшифровать, только пользуясь фальшкартой Вечного Дворца и Башни, которая есть в кабинете.

— Значит, в кабинет...

— Нет. Вниз. Назад. Сейчас главное — твоя рана.

— Знаешь, Бин, у моих предков в Сибири было древнее правило: если сбился, заплутал в тайге, никогда не поворачивай назад. Иди только вперед, иначе закрутит, заманит, заморозит тебя лесной хозяин, уведет в безыс-

ходные топи и погубит тебя тайга. Мы с тобой в этой Башне как в тайге — не знаем, что, куда, как и зачем. И леса за деревьями не видно. Так что надо и действовать по таежному закону: хочешь кругом — иди прямо. Отступать не годится... Надо как-то обмануть объектив. Разбить его, что ли? Не успеть...

— Объектива я, к сожалению, не видел... Как он выглядит? Как те, которые осматривали стол?

— Нет. Этот короче. И линза не голубая, а почти черная... И по-моему... Да, пожалуй, линза плоская...

— Да... Больше похоже на окуляр фотоэлемента, чем на объектив... И плащ... Зачем Правителю плащ в помещении с идеально кондиционированным воздухом, а? А плащ этот висит в двух прихожих, и, кажется, Аш надевал его каждый день... Стоит попробовать?

— Не понимаю.

— Минуту...

И прежде чем Шанин среагировал, Бин запахнул плащ на груди и снова нажал кнопку. Все повторилось — дверь приоткрылась, показался обрез с оптическим прицелом и...

Через томительную паузу дверь лифта распахнулась настезь.

Кабинет Правителя оказался отлично оборудованной мастерской умельца-фанатика. И внутреннее содержание ее было типичным: бестолковое и беспорядочное нагромождение приборов и отходов, разобранных ценных конструкций и аляповатых самодельных монстров.

Шанину не удалось осмотреть кабинет детально. Бин, подозрительно хорошо ориентируясь в этом механическом бедламе (кто знает, может, и у Бина был когда-то подобный «голубой приют»), разыскал аптечку. Он обрабатывал рану тщательно, с профессиональной безжалостностью — до тех пор, пока Шанин не потерял терпение.

— Если больно, надо сказать, — обиделся Бин. —

Я действую по всем правилам, но не чувствую того, что чувствует пациент....

— Это заметно, — проворчал землянин.

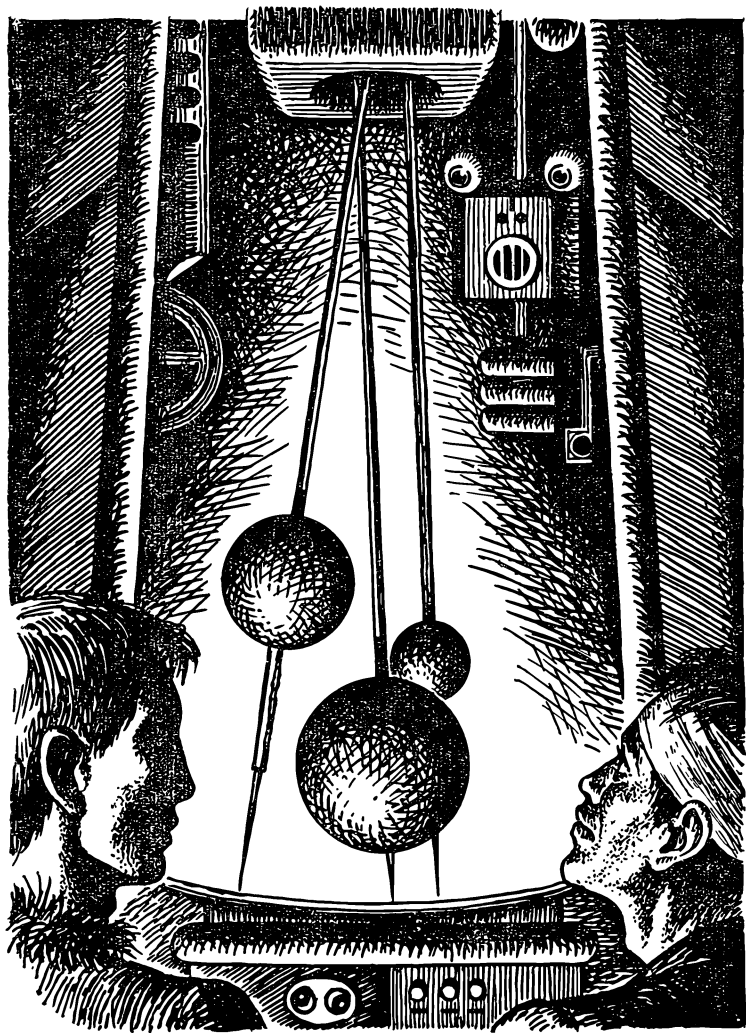
Перевязка подходила к концу, когда Бин заметил что-то в правом углу мастерской. Это «что-то» неудержимо тянуло его — он постоянно оглядывался, бинтуя голову Шану. И когда закончил, устремился в угол, строго-настрого приказав раненому посидеть минут десять с закрытыми глазами.

Шанин выполнил приказ не без удовольствия. Его слегка лихорадило. Хотя особой усталости он не чувствовал, время от времени мозг обволакивала баюкающая волна апатии и равнодушия к происходящему. Временами он словно раздваивался, чувствуя и сознавая себя на Свире, в Дроме, в Башне Кормчего, он совершенно реально слышал тихий пересвист ангарских сосен, колючий запах саянского горного мака, горький пихтовый дымок невидимого костра и вкус чая, заваренного молодым багульником.

— Только сотрясения мозга еще не хватало, — бурчал Шанин, ощупывая повязку, но глаз все же не открывал. Не хотелось. Хотелось вытянуться на спине, накрывшись чем-либо теплым и очутиться дома — подальше от всей этой бессмысленной зауми, нелепой жестокости, извращенного мастерства, взаимоистребительного соревнования талантов.

— Не годится, чалдон, не годится. Когда замерзаешь, главное — не спать.

Шанин стряхнул оцепенение и открыл глаза. Бин вошел около сооружения, напоминающего атомные часы службы точного времени. У этих часов тоже было три вразнобой качающихся маятника, но почему-то не было ни одного циферблата. Да и размер внушительный — прозрачный корпус метра на три, почти под потолок. Против часов стоял письменный стол и несколько стеллажей-самоходов, заваленных газетами и бумагами впе-

ремешку с пробниками, кусачками, отвертками, кусками разноцветного провода и прочим нехитрым электромонтажным хламом.

Бин уселся за стол и начал набрасывать какие-то графики, комкая лист за листом. Вид у него был обиженный и ошарашенный. От Шанина он попросту отмахнулся: часы его гипнотизировали.

— Может быть, Оксиген изобрел-таки машину времени?

Бин не ответил, отшвырнул очередную скомканную бумагу.

Вблизи непонятная машина уже не напоминала часы. Несговорчивые маятники чертили свои кривые совершенно свободно, движимые импульсами крошечных радиоактивных ампул, спрятанных в стержне.

Три кривые пересекались в одной точке. Каждый из маятников, проходя над ней, цеплял почти невидимый лепесток релейного контакта.

Реле срабатывало, включая одну из трех пишущих электромашинок — в зависимости от того, какой из маятников прошел над точкой. Литеры в машинках были убраны, кроме нескольких букв, сплавленных в слово. Каждая машинка печатала свое слово. Каждый маятник имел слово.

И после каждого слова конвейер пневмопочты продвигался на расстояние одного листа. Ровно одного листа.

Сейчас на конвейере не было бумаг, но маятники качались, верша вечный перебор неисчислимых вариантов, и на вечную ленту конвейера падали приказы, обращенные к пустоте.

...«Да». «Нет». «Отложить».

Занятая игрушка. Нелепая машина. В школьном кабинете она могла наглядно продемонстрировать теорию вероятностей самым маленьким ученикам. Но зачем она здесь, в кабинете Великого Кормчего.

Бин расхохотался.

Он смеялся, уронив голову на руки, смеялся над графиком, где из точки пересечения координат задорно выгибалась вверх упругая экспонента, — смеялся, всхлипывая, страшноватым недобрый и горьким смехом, не вытирая мокрого лица.

— Болваны... Все мы болваны с гипертрофированным самомнением... И только... Всех нас, молодых и старых, надо собрать, снять все регалии и смокинги... и физиков, и философов, и экономистов... в короткие штанишки... в первый класс... в младшую группу детского сада... в песочники... в слюнявчики... Ну и Кормчий... Ну и молодчина... По носу зазнайкам, по носу...

Он поднял на Шанина отчаянные глаза:

— Ну что, землянин, как тебе нравится Свира? Кошмарная тайна нового века, гнездо Пришельца, вечный рай за порогом возможного — как? Вы ведь тоже оказались не на высоте — ваш опыт пасовал перед карточным фокусом! Это вам тоже наука, тоже укор — вы оказались не способны защитить истину. Ваш гуманизм стал чересчур всеядным и мягкотелым, а защита истины во все века, прошлые и будущие, требует верности и крови. Да, и крови, если потребуется! Помните это, земляне...

Шаннин знал экспансивный характер Бина и многое прощал своему товарищу по опасной работе. Но прощать не значит мириться. Когда речь шла о Земле и ее морали, Шаннин был непримирим.

— Я не очень понимаю, чем вызван твой монолог, Бин, но в любом случае ты не имеешь права так говорить. Ты можешь упрекать меня — я мало похож на супермена-разведчика из фантастических книг и ориентируюсь в обстановке хуже тебя. У тебя быстрее реакция и тверже рука. Я могу заявить без всякой лести: только благодаря тебе мы вообще смогли попасть в Башню и раскрыть ее секреты. Но... Не суди Землю, Бин. Придет

время, и ты поймешь, что наш гуманизм не мягкотелость и всеядность, а только справедливое отсутствие жестокости. И мы умеем защищать истину. Не только словом, но и делом.

— Я не хотел тебя обидеть...

— Не меня, Бин, Землю!

— Я не хотел обидеть Землю, Шан, дорогой! Но такое надувательство... Мы полтора-ста лет стояли на коленях перед тремя простейшими маятниками! Полтора-ста лет! И полтора-ста лет вся Большая Земля, освоившая и обжившая галактические просторы, ломала голову над самоделкой физика-недоучки! Как это называть?

— Ты хочешь сказать... хочешь сказать, что этот заурядный гибрид...

— ...и есть могучий мозг, безошибочно правящий Свирой! Вот, посмотри сам: на твоих глазах рождается Слово Великого Кормчего... Одно из решений в длинном ежедневном списке...

На конвейере появился лист, заполненный убористой машинописью. Какой-то проект или предложение — может, приказ заменить дуговые уличные фонари восковыми свечами, а может, план обводнения экваториальных пустынь — двигался скачками под каретки машинок.

— Что выпадет — «да», «нет» или «отложить»?

Шан прикинул на глаз расстояние от листка до машинок.

— Пожалуй, «да».

Бин долго присматривался к маятникам.

— Я ставлю на «отложить».

Когда лист проходил под штампом «да», шары включили «нет».

— Ты проиграл, Шан.

— Но и ты еще не выиграл.

— Вряд ли «нет» выпадет второй раз...

Шары выдали второе «нет». Завизированный лист поскакал куда положено, решение начало путь по канцелярским дорогам.

— И ты проиграл, Бин. Игра в рулетку... Бред какой-то.

— Не совсем рулетка, Шан. Принцип один, а устройство разное. У рулетки двоичный код: угадал — не угадал, «да» — «нет». Если бы аппарат был устроен, как рулетка, с двумя маятниками, он работал бы с КПД пятьдесят процентов — половина его решений была бы правильной, а половина неправильной. И график работы можно было бы представить вот так... прямой линией...

— И что за прок от такого аппарата?

— Совершенно верно: проку от такого аппарата мало. Но если сделать еще третий маятник — слово «отложить», то есть, говоря на языке математики, ввести в график константу причинно-следственной неравномерности во времени, начнутся чудеса. Нелепая прямая превратится в мудреную экспоненту...

— Бин, я учил математику лет двадцать назад.

— Ну... Как бы объяснить попроще... Словом, вред от неправильного решения может уменьшаться за счет последующих правильных решений, так?

— Пожалуй, так.

— А польза от правильных решений соответственно возрастет, так?

— Допустим.

— Так вот, если ввести понятие «отложить» в график... получается этакая... вот этакая кривая, которую называют экспонентой. Видишь, как она изгибается?

— Вижу.

— Здесь по вертикали у нас правильные решения... по горизонтали — неправильные... И что ты теперь видишь?

— Что я вижу? Как будто... сначала аппарат вообще будет нести ахинею... потом... потом...

— Что потом?

— Кривая будет с каждым днем все ближе к вертикали, то есть процент правильных решений будет неуклонно расти. Вплоть до полной гениальности...

— Или наоборот.

— В зависимости от того, что считать правильным решением, а что неправильным. Ты об этом, Бин?

— Разумеется! Теперь тебе ясно?

— Ясно, Бин. Правитель хотел обмануть историю с помощью математики...

— А заодно избавить себя от скучных хлопот по управлению Свирой...

— Последнее ему, пожалуй, удалось... А вот с обманом истории... Обмануть историю так же невозможно, как построить вечный двигатель... Время всегда найдет трещину в любой стене, будь она из первозданного камня или из пластика с гравилоном... Пора остановить часы Оксигена Аша. Останови их, Бин. Это твое право.

Бин сдвинул прозрачный щит и вошел внутрь аппарата. Оси маятников, поблескивая, плавно разрезали пространство у самого его лица. Достаточно было протянуть руку, чтобы раз и навсегда остановить их заученное качание, их непредсказуемые встречи и расхождения.

— Несколько лет назад я бы сделал это не задумываясь. Я бы разнес в пух и прах проклятую машину и растоптал осколки. Я бы открыл все двери и ворота Башни, вышел к людям, простер руку и возгласил: «Ликуйте! Великого Кормчего нет! Он повержен! Я спас вас, жители Свиры!»

— А сейчас?

— А сейчас я знаю, что время нельзя останавливать и поворачивать, как заблагорассудится. Этому научила

меня Земля. Наука должна помочь Свири вернуться к человечеству. Наука и воля народа, а не красивый жест удачливого террориста, который скорее всего развяжет руки таким, как Тирас... Ты сам все понимаешь, Шан. Я должен остаться здесь. Отсюда я могу помочь новому: пользуясь беспредельной властью правителя и непрерываемостью Слова, постепенно уничтожить саму возможность неограниченной власти.

— Послушай, Бин... Извини, но... а что, если плащ хозяина... если однажды тебе вдруг не захочется снимать этот плащ?

Бин медленно задвинул на место прозрачный щит и снова сел за стол. Он не отвечал долго, черкая только что набросанный график. У экспоненты появилась голова с капюшоном, и математическая абстракция приобрела четкий силуэт кобры, вставшей на хвост. Бин смял рисунок.

— Я думал об этом, Шан. Откровенно говоря, в этом главная опасность. Человек в одиночку может немного. Нужны товарищи. Хотя бы один для начала. Такой, на плечо которого можно опереться в минуту слабости. Такой, как ты, Шан.

Снова звякнуло. Из проема выехала кipa газет. Она дрожала в пружинных захватах, готовая провалиться в небытие. Наверное, именно поэтому Бин взял один экземпляр.

Через полминуты он неопределенно хмыкнул.

— Гм... Очень интересно... Ай да техник. Читаю дословно: «Сегодня в своем кабинете двумя шпионами из Внешнего мира, вызванными недобитыми проникательными, был убит наш дорогой товарищ и друг министр милосердия Тирас Уфо. Вся Свиря скорбит об утрате и горит желанием...» Сам понимаешь, каким желанием горит Свиря... Наши фотографии... Похоже... Очень похоже... Шан, тебе не уйти. Тебя узнает первый встречный... А мне нужен друг. Такой, как ты, Шан...

Бин все еще не поднимал глаз. Он не видел, как внезапно побледневший Шанин тяжело оперся на стеллаж. Из-под повязки на лбу выступила кровь.

— Такой, как ты, Шан... Но тебе надо лететь на Зейду и доложить Земле, что правителя больше не существует. Тебя ждут друзья, твоя работа, твои проказливые фантазеры-художники... Ты отлично выполнил приказ. Я... я благодарю тебя... за помощь и все, что... словом... Что с тобой, Шан?

— Голова... кружится...

Вряд ли Бин услышал эти слова — они утонули в хриплом вдохе — так всхрапывает подстреленный на скаку олень, и шары маятников гулко сошлись в одной точке, где-то в самом центре мозга, и словно посыпалось битое стекло — это со стеклянным звоном рушился кабинет, Башня, Вечный Дворец, Дрома, вся Свира — рушилось все, превращаясь в груды нестерпимо колючих и нестерпимо блестящих осколков, пока не осталось ничего, кроме этих осколков...

7. ЭПИЛОГ

Словно разбилось со звоном толстое стекло, отгородившее душную камеру от наружного мира, и Шанин смог вдохнуть полной грудью до приятного покалывания в освобожденных легких. Он жадно дышал, уже сознавая и ощущая себя, и с каждым дыханием тяжелая голова становилась легче, а темная пустота в голове заполнялась скользящими образами и мыслями без слов. Он еще не знал, где он, но знал, что ему ничто не угрожает и можно не сразу открывать глаза.

Он еще находился под властью только что виденного сна, его мышцы еще подрагивали от шагов и движений, которые он делал во сне, — но он уже знал, что это прошедший сон и что на самом деле существует только дей-

ствительность, которая сейчас вне его спящего тела. И стоит открыть глаза...

Шанин открыл глаза и от удовольствия рассмеялся. Над ним был ребристый потолок его «берлоги» — он, Иннокентий Павлович Шанин, инженер-психолог по специальности, Инспектор Службы Безопасности 8-го Галактического района, находился на Базе, в своей собственной каюте, отсыпаясь после трехнедельной гонки за контейнерами с активированным лютением... Все остальное — сон, сон, логичный и осязаемый до неправдоподобия, и тем не менее не что иное, как сложная игра перенапряженных центров воображения.

Ему не жаль было расставаться с ночной фантаσμαгорией. Призрак Свиры был скорее страшен, чем забавен. Немножко грустно было, что несдержанный, порывистый и наивный Бин только выдумка и с ним нельзя встретиться снова, узнать о его судьбе. Верный, несговорчивый Бин...

Логичность и зримость сонного наваждения, вообще-то, объяснить легко. Писатели порой пользуются активированным лютением для материализации своих идей и героев. Возможно, нуль-защита на контейнерах не так уж абсолютна, как об этом пишут. Возможно, какие-то неизмеримо малые мощности психогенного излучения все же проникают сквозь нуль-заслон. И какая-то неуловленная приборами доза заставила отдыхающий мозг жить в более активном режиме, чем при обычном сне. Эксперты отвергают такую возможность. Но кто знает...

Главный будет доволен. Сразу после утреннего душа надо позвонить ему и доложить по форме. Главный, конечно, в курсе событий без всяких докладов, но ему ужасно нравится выслушивать официальные доклады. Надо побаловать старика. Он заслужил...

А вот Арнольд Тесман... Да, Арнольд Тесман — это

уже из сновидения. Вряд ли он существует в действительности...

Ого, какая щетина! Вот что значит три недели бриться походной электрической вибробритвой. На подбородке, на щеках — непролазная енисейская тайга. Бриться! Немедленно бриться!

Шанин легко вскочил и попробовал делать зарядку. Не получилось — упал в кресло с перехваченным дыханием. И несказанно удивился: неужели за три недели он так устал и потерял форму? Не может быть... Придется попотеть в кабине автодиагностики: в организме что-то нарушилось.

В ванной он хотел сразу нырнуть в шипучее облако тондуша, но потом решил оставить сладкое на десерт, а сначала заняться более существенным — бритьем. Шанин не торопясь раскрыл бутон объемного зеркала и сглотнул неведомо откуда взявшуюся слюну.

На лбу от виска до виска резко выделялся затвердевший старый шрам.

И щетина на подбородке была седой.

И лицо было в морщинах.

На электронном календаре, который висел над зеркалом, было то же число и тот же год — нет, той же самой была только последняя цифра. Количество десятков было больше на единицу.

Десять лет...

И Шанин вспомнил и месяцы тяжелой горячки после раны, в которую попала инфекция; и весть о том, что Мож улетел на Зейду в очередной вояж, не дождавшись пропавших попутчиков; и решение остаться на Свире; и годы борьбы; и Бина, открывшего изнутри все двери и ворота Башни; и провозглашение новой республики в Вечном Дворце...

Десять лет. Непредвиденная задержка на десять лет.

В боях с бандами, окопавшимися в силайской тайге, Шанина тяжело контузило. Он выкарабкался до-

вольно быстро, но повторная травма головы дала о себе знать много позднее, после полной победы. Его парализовало. Бин потребовал срочной отправки Шанина на Землю или на Зейду. Шанин сопротивлялся — он надеялся, что все пройдет. А потом...

Потом, видимо, стало совсем плохо...

Шанин всматривался в свое лицо, привычное и новое одновременно. Его не оставляла затаенная уверенность, что рано или поздно это лицо можно будет снять, как маску из теплого мягкого латекса, вылепленную чересчур поспешно.

ЖИЗНЬ В МЕЧТЕ

Чем бы ни пытались измерить и оценить жизнь человека в современном мире литературы, она, жизнь, лишь одной микрочастицы человеческого сообщества, все равно полностью неопределима. Неопределима хотя бы уже потому, что каждый человек неповторимо индивидуален и самобытен по мировосприятию и самовыражению и, стало быть, оставляет после себя только ему присущий след мыслями, чувствами, делами.

Значимость этих слов тем более возрастает применительно к художнику, жизнь которого, ценность творчества непременно зависят от того, насколько щедро он отдавал себя делу и людям, насколько смело и масштабно мыслил, что именно волновало его как инженера и исследователя душ и судеб людских.

Ведь человек не только отражение, но и творец действительности. Слитность художника со временем, в круговороте которого он не сторонний наблюдатель, а прежде всего созидатель, и определяет смысл жизни и ту ответственность человека, что принято чаще всего обращать к будущему.

А в творчестве писателя отражается в эмоциональном и художественном преломлении наше беспокойное и прекрасное время, приобретающее либо признаки обыкновенной фотографии, либо многие качества, волнующие душу и сердце величественной панорамы будней и праздников века надежд и тревог.

Вячеслав Назаров, книга которого перед вами, был человеком неизмеримо счастливым в своем творчестве. В этом убеждает его так безвременно оборвавшаяся жизнь, книги, оставленные нам, его сегодняшним и будущим современникам.

«Моя биография коротка и обычна», — писал он двенадцать лет назад при вступлении в Союз писателей. В действительности же биография Вячеслава Назарова вместила в себя события и факты, которые, по

сути дела, дают ответ на многие, в том числе и острые вопросы о творчестве писателя, человека не просто отражавшего увиденное и пережитое, а сопереживающего и встревоженного, пытающегося увидеть и запечатлеть и быстротекущее время, и то, что может встретиться на пути человечества там, за линией горизонта, глубоко и разносторонне раскрыть неоднозначность будущих алгоритмов человековедения! А это, согласитесь, совсем не просто.

Родился Вячеслав Назаров в 1935 году в Орле, видел и пережил вместе с родителями войну, оставившую в душе мальчика неизгладимый след, но вместе с переживаниями — и мысль о неоднозначности человеческих деяний. Спустя тридцать лет Назаров написал в автобиографии такие строки: «Я до сих пор просыпаюсь по ночам от лая овчарок, которых натравливали на меня как-то пьяные эсэсовцы. Иногда в сломанном дереве мне чудится виселица, которая стояла в центре села, а в стуже дождя — шальные пулеметные очереди, которыми ночью скучающие часовые прочесывали деревенские сады. Никогда-никогда не забудется мне немец, который тайком давал нам конфеты, и русский полицей, который стрелял в меня, когда я копал на брошенном поле прошлогодний гнилой картофель...»

Потом, после войны, были школа, учеба в Московском университете — на факультете журналистики, распределение в Красноярск, ставший для Вячеслава Назарова родным городом, интересная работа на местной студии телевидения, первые поэтические книги. Была жизнь, насыщенная событиями: встречами, поездками, исканиями, размышлениями.

Быстротекущая жизнь определяла характер творческих интересов Вячеслава Назарова. Как режиссер-кинодокументалист, он объездил весь сибирский край, был свидетелем величественных народных строек, в том числе и Красноярской ГЭС, познакомился с людьми самых разных профессий, впитал в себя увиденное и отразил в своем каждодневном творчестве летопись Родины. Пафос созидательной деятельности советского человека в Сибири, романтика неизведанного, увлеченные покорением неизведанного люди — все это слилось воедино в творчестве Вячеслава Назарова, категории социально-бытовые, исторические, научно-технические, психологические неизбежно приобрели философскую окраску.

Покорившая его суровая и волшебная страна Сибирь помогла стать Вячеславу Назарову поэтом, а затем и писателем-фантастом, глубоко и верно мыслящим, оценивающим современность по законам науки. Тем более что наука всегда увлекала его в самых разнообразных ее проявлениях, так или иначе сказывалась на мировоззрении и, неизбежно, на творческих интересах. В 1960 году в свет вышел сборник стихов Вячеслава Назарова «Сирень под солнцем», в 1964-м — сборник «Соната», где, помимо произведений, посвященных нашей действительности, были и вещи с философско-историческими обобщениями, стремлением поэтически осмыслить и показать не просто явление, а выразить зримо, сконцентрированно всечеловеческое видение мира в движении. Философская емкость стиха подчеркивается даже выбором названий для двух следующих поэтических книг — «Формула радости» (1967) и «Световод» (1973). Жизненный опыт и молодость души, масштабность мышления и видения будущего, неподдельная искренность в творчестве, обращенного во многом к юности, выделили Вячеслава Назарова среди сибирских писателей. В 1968 году он удостоен почетного звания лауреата премии Красноярского комсомола.

В поэзию Вячеслава Назарова органично вплетены образы отнюдь не традиционные для поэзии. В них уже звучат мотивы, больше тяготеющие к духу фантастической литературы XX века, угадывается эволюция художника к жанру, подчиняющему эмоциональное и личное актуальной философии бытия. Наиболее ярко это отразилось, например, в поэме «Атлантида».

Первые фантастические произведения Вячеслава Назарова еще несли на себе печать некоторых примеров и атрибутов приключенческой литературы. Но и здесь, в повестях «Игра для смертных» и «Синий дым», сталкиваешься с необычно красочной и раскованной фантазией художника, передающего увиденное воображением зримо, выпукло, удивительно правдиво и потому впечатляюще. Гуманистическое содержание этих и других произведений, их социально-критическая ориентация и система художественных средств — свидетельствовали о больших потенциальных возможностях писателя в жанре научной фантастики, замечательно наследующего реалистические литературные традиции фантастики А. Толстого, А. Беляева, И. Ефремова, а потому, как и его

знаменитые старшие собратья по жанру, острее видящего грядущее.

В рассказе «Нарушитель» Вячеслав Назаров ставит перед собой и перед читателями сложную этическую и философскую проблему. В самом деле. Как объективно оценить поступок главного героя произведения? Ведь, с одной стороны, он нарушает устав и фактически самовольно осуществляет эксперимент с кристаллопланетой, за которым следует оживление застывшего мира. С другой же — он как исследователь, отправляющийся в далекий космос, казалось бы, не может руководствоваться в повседневном соприкосновении с Неизвестным земными предписаниями, которые не дают и никогда не дадут ответа на все случаи жизни, заранее предопределяя характер поведения в той или иной ситуации... Подобная дилемма самым тесным образом связана с понятиями «прогресс», «поиск», «открытие».

Вячеслав Назаров предлагает решать эту проблему современнику, сталкивая его опять-таки с той неоднозначностью явлений и поступков, которая во все времена сопутствовала (и будет сопутствовать!) человеку и не освободит личность от решения проблемы выбора...

В совершенно иной тональности написана повесть «Зеленые двери Земли». Она насыщена светлой и радостной романтикой, обилием познавательного и важного об окружающем нас мире, увлекательными приключениями. Повесть посвящена проблеме установления гипотетического контакта с дельфинами. Но содержание ее шире и глубже. Писателя волнуют темы научных поисков, мысли о несоизмеримости состояния современного мира, о неподготовленности человечества к объединению с иным разумом, размышления об этике современной науки. Но тут же и не оставляющая читателя равнодушным история дружбы мальчика и дельфина, воспринимаемая как образная метафора неизбежного союза, основанного на всепобеждающем гуманизме и историческом оптимизме.

Одно из последних произведений Вячеслава Назарова фантастический памфлет «Силайское яблоко», произведение сложное, емкое, вместившее в себя многие элементы сатиры, фантастического детектива, научной технической фантастики, фантастики социальной, переплав-

ленные художественным дарованием самобытно, неожиданно, а главное — актуально.

И наверное, в этом и есть настоящее кредо советского писателя-фантаста, видящего свое призвание в том, чтобы быть катализатором мыслей и чувств современника, а не развлекать читателя умозрительными экскурсами в мир, редко соприкасающийся с реальностью.

У Вячеслава Назарова было много новых замыслов и творческих начинаний, которым, к несчастью, не суждено было осуществиться — он скончался в июне 1977 года, не дожив совсем немного до выхода своей новой книги...

Лишь немногие из друзей знали о неизлечимой и неумолимой болезни сердца, с которой писатель самоотверженно вел ежедневный бой.

Перечитываю страницы его произведений, вспоминаю письма, полученные за время нашего знакомства, встречи в Москве, рассказы близких, взгляд усталых и немного грустных глаз, постоянно хранящих печать доброты и глубокой напряженной работы мысли. Не перестаю удивляться тому, как мужественно переносил этот человек тяжесть болезни, как страстно тянулся к людям, к неизвестному, к новому, к будущему, наконец, как многое успел сделать в таких вот условиях за сравнительно короткое время, ничем не выдав переживаний от бессонных ночей, многочисленных опасных приступов, всякий раз оставлявших все меньше и меньше шансов победить смерть...

Своей первой фантастической книге — «Вечные паруса», вышедшей в Красноярске в 1972 году, Вячеслав Назаров предпослал следующее поэтическое вступление:

Там, в неизмеренной дали,
за солнцем солнце открывая,
увидят люди край земли
и остановятся у края.
Перед стеною вечной тьмы
замрут лучи радиотоков...
И вот тогда проснемся мы
в крови неведомых потомков.
И прозвучит сигналом к бою

непоборимость древних снов —
и снова вспыхнут за спиною
крутые крылья парусов...

И в этих стихах отразились глубокие и нестареющие мысли поэта и писателя-фантаста о бесконечности движения человека вперед, о слитности миров и поколений, о преодолении совершенно неведомых до поры до времени рубежей, отразилась душа современника, образ вечно беспокойного бунтующего разума, увлекающего нас в грядущее!

Александр ОСИПОВ

СОДЕРЖАНИЕ

ЗЕЛЕННЫЕ ДВЕРИ ЗЕМЛИ. Повесть	5
СИЛАЙСКОЕ ЯБЛОКО. Фантастический памфлет . .	173
<i>Александр Осипов. Жизнь в мечте. . . . .</i>	<i>297</i>

Назаров В. А.

Н19 Зеленые двери Земли. — Силайское яблоко. М., «Молодая гвардия», 1978.

304 с. с ил. (Б-ка советской фантастики.)

В эту книгу безвременно ушедшего из жизни и литературы сибирского писателя и поэта В. Назарова вошли произведения посвященные одной из самых популярных тем в современной фантастике — теме контакта. Герои повести «Зеленые двери Земли» — советские ученые — устанавливают контакт с разумной цивилизацией дельфинов. С некоторыми из этих героев читатели уже знакомы по сборнику «Вечные паруса». В фантастическом памфлете «Силайское яблоко» посланцу коммунистического содружества нашей Галактики удается проникнуть на загадочную Свиру и раскрыть ее тайну.

Н $\frac{70302-065}{078(02)-78}$ 263—77

P2

ИБ № 1371

Вячеслав Алексеевич Назаров

ЗЕЛЕННЫЕ ДВЕРИ ЗЕМЛИ. — СИЛАЙСКОЕ ЯБЛОКО

Редактор Д. Зиберов

Художник К. Швец

Художественный редактор Б. Федотов

Технический редактор Н. Баранова

Корректоры Г. Васильева, А. Долидзе

Сдано в набор 17/V 1977 г. Подписано к печати 27/II 1978 г. Л06135. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага № 2. Печ. л. 9,5 (усл. л. 13,3). Уч.-изд. л. 13,7. Тираж 100 000 экз. Цена 90 коп. Т. П. 1977 г. № 263. Заказ 857.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сушевская, 21.

90 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

